

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

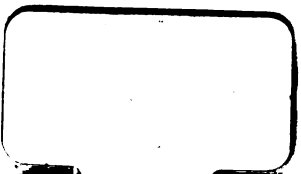
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

512V 1043.7.60

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

АНЕКДОТЫ
КНЯЗЯ ИТАЛІЙСКАГО,
ГРАФА
СУВОРОВА РЫМНИКСКАГО.

ИЗДАНИЕ
Е. ФУКСОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

Slaw 1043.2.60

✓

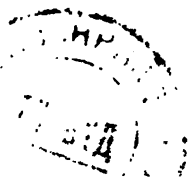

5.182

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО!

Съ шлѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Ноября 16 дня 1827 года.

Цензоръ Александръ Красовскій.

8913
16

2-1870

ДРУГУ.

Вопть вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ, анекдоты мои о Суворовѣ. Многіе писалъ я еще при жизни его; многіе распролялъ въ походахъ; многими, о копорыхъ вспомнилъ, пополнилъ недостающіе. Боюсь, что, можетъ быть, забылъ помѣспипть какой-нибудь достопамятный, который лучше всѣхъ эспихъ ознаменовалъ бы и душу и умъ его. Но если вспомню, то присоединю непременно. Исполнивъ обѣщъ, данный моему великому благодѣтелю, кончивъ Испорію Россійско-Авспрійской кампаніи, я теперь отдыхаю и пишу, что вспомню. Чувствую, и вы со мною согласитесь, что всѣ, разбросанныя въ анекдотахъ сихъ, черпы не соспавляютъ еще полного, похожаго его поршрепа. Всѣ великіе полководцы, древиѣйшихъ и новѣйшихъ вѣковъ, имѣли свои особенности, безъ копорыхъ не отличались бы опть толпы; но они слѣдовали свѣтскимъ приличіямъ. Нашъ же, какъ будто выпрыгнулъ изъ сей сферы, и предспавляетъ собою необыкновенное, единственное явление и на военномъ поприщѣ, гдѣ онъ непобѣдимъ, и въ кабинетѣ своемъ, гдѣ

непоспѣжимъ. Румянцовыхъ, Кутузовыхъ, Тюреневъ и другихъ мы знаемъ: ибо они дѣйствовали, обращались съ людьми по-людски, говорили нашимъ языкомъ; понукости и шайны ихъ раскрылись. Но Суворовъ, по словамъ Клиппона, оспаривается іероглифомъ и въ попомспвѣ. Спросите всѣхъ, оставшихся еще въ живыхъ париковъ, которые знали его лично, и вы услышите сужденія объ немъ проповѣщающія: одни будутъ его возносить до небесъ; другіе же, а особливо видѣвшіе его однажды, находили его человекомъ распроеннаго разсудка. Не сердитесь на послѣднихъ: — я въ началѣ принадлежалъ къ ихъ числу. Признаюсь, что первое мое свиданіе съ нимъ произвело во мнѣ впечатлѣніе, весьма невыгодное. Меня представилъ Генералъ опъ Инфантеріи А. Г. Розенбергъ. Суворовъ выбѣжалъ въ рубашкѣ, упирая лице пряпцею. „Кто это такой?“ спросилъ онъ его. Тотъ отвѣчалъ: „Это Спашскій Совѣтникъ Фуксъ.“ — „Ахъ, помилуй Богъ, какой ты худощавый, тебѣ надобно со мною ѣздить верхомъ.“ Воптъ для меня новая забота! опъ роду верхомъ я не ѣздилъ. — Послѣ спросилъ опять Розенберга: „а это кто?“ Отвѣтъ: Спашскій Совѣтникъ Башловскій. — „Ахъ, какъ ты шлестъ,“ сказалъ онъ ему „я къ тебѣ залезу въ брюхо

III

погрѣпсья, когда озябну.“ Такое вспушленіе въ новое знакомство мнѣ очень не понравилось, и я ушелъ опть его обѣда. За сноломъ спрашивалъ онъ, куда дѣвался худощавый Бригадиръ? и ему опвѣчали, что занемогъ коливою.—Опть многихъ спарался я узнавать о первыхъ впечатлѣніяхъ, кошорыя производилъ его приѣмъ; и всѣ согласовались съ моими чувспвами. Чшобы и вы со мною согласились; позвольте мнѣ васъ ему предспавить. Переселимся мысленно въ вѣкъ его и сыграемъ комедію; но невымышленную. Зная васъ, ваше воспитаніе, вашу образованность, ваше уваженіе къ вельможамъ, вы бы конечно пожелали увидѣть того знаменитаго Россіянина, героя всѣхъ вѣковъ прошедшихъ и будущихъ. Вы, можетъ быть, невольно приготовились бы сказать ему что-нибудь лестное; но, вдругъ, гдѣ вы?—въ избѣ, или проспой горницѣ; спарикъ, въ солдатской куршкѣ или въ рубашкѣ, безъ докладовъ выбѣгаетъ, обнимаепъ васъ, начинаепъ вамъ рассказывать спранности, небллицы, прыгаетъ, вершипсья, дѣлаепъ вамъ вопросы, ни съ чѣмъ несообразные. Вы пренецеще, чшобы не проговорипсья, не попастьъ въ немогузнайки; и кто же эшопъ чудакъ? Суворовъ!—Навѣрно сказали бы вы мнѣ шже, что одинъ добрый и доспой-

ный пріяшель мой, кошораго я уговорилъ предсавившисьъ ему, и кошорому онъ ска-
заль, увидя большой его носъ: „Поцѣло-
валь бы шебя въ губы, но носъ мѣшаептъ.“
Пріяшель мой ситъ оскорбился, и ска-
заль мнѣ съ досадою: „Чшо вамъ вздума-
лось привесши меня въ домъ сумасшед-
шихъ.“ Хопѣль - было полчасъ уйши. —
Такъ и Лейбъ - Медикъ, Вейкарпъ, послѣ
перваго пріема, хопѣль немедленно воз-
вращившись въ Пешербургъ. И онъ обидѣл-
ся опазвомъ Суворова, чшо Наумъ, его
фельдшеръ, первый врачъ въ Европѣ. А
такъ какъ у Вейкарпа выговоръ Нѣмецкій
ему не понравился, то велѣлъ ему говорить
по - Русски, и опвѣчашъ даже на эпомъ
языкѣ, если бы Суворовъ и забывшись
спалъ съ нимъ говорить по-Нѣмцки. Вей-
карпъ съ трудностію изъяснялся по-Рус-
ски. Подивившесь же теперь! Пріяшель
мой сдѣлался въ продолженіе времени пре-
даниѣйшимъ человекомъ Суворова; а Вей-
карпа засшаю я въ Вильнѣ на колѣнахъ
предъ Распяшіемъ молящагося съ пролині-
емъ слезъ. Я испугался и спросилъ его, не
получилъ ли онъ изъ Пешербурга не-
пріянныхъ о семействѣ своемъ извѣстій?
„Нѣптъ;“ опвѣчаль онъ „вижу, чшо Меди-
цина наша ограничена; я прибѣгаю и мо-
лю всѣхъ благъ Поданеля, да вразумитъ
меня иоцѣлитъ нашегоопца.“ — Такъ всѣ

окужавшіе его, послѣ перьвыхъ плявннхъ испытаній, дѣлались его приверженцами.— Чшо подумали бы вы на сее аудіенціи, увидя Генералиссимуса, шо подбѣгающаго къ вамъ, шо ошбѣгающаго, начинающаго въ одномъ углу дѣлать сравненіе древннхъ Грековъ съ Римлянами; вдругъ слышите вы рассказы о бывшей пляскѣ въ Боровицкомъ уѣздѣ; ошюда переходъ къ Римнику, повѣспованіе о сраженіи, кошораго вы не понимаете. Но довольно вы успали; выходите изъ сего сумбурнаго міра, и спрашиваете меня, гдѣ же Суворовъ?— Онъ въ своемъ кабинетѣ: шамъ все, чшо вы видѣли и слышали здѣсь, прекращается. Тамъ однажды д некспаши расшунился, и онъ мнѣ сказалъ: „За чѣмъ не сберегъ ты лучше эти маперіалы для спола; шеперь пора работать.“ Тамъ дикшуетъ онъ диспозицію къ сраженію, взѣшнваентъ въ умѣ своемъ силы непріятельскія, назначаетъ позиціи своимъ войскамъ, предписываетъ имъ дѣйствія новыя, черпнштъ самъ планы, или поправляетъ ошибки искуснѣйшихъ своихъ Генераль-Квартирмейстеровъ, Шапелера и Цаха, которые за шо не сердятся, но изумляются и благодарятъ его. Румянцовы, Конде, Тюрены и весь Арсенагъ великихъ полководцевъ, кажецца, въ немъ воскресаютъ. Это

VI

не ласкъ: неумолкающій громъ шестидесяти побѣдоносныхъ сраженій возвѣщаешъ по вселенной! Вы увидѣли бы рѣдкій феноменъ: человѣка въ двухъ лицахъ; перемѣнили бы прежнее односпорное свое объ немъ сужденіе, и умоляли. Но послѣ сего молчанія угадываю уже вашъ вопросъ: „За чѣмъ же такому великому мужу показываешь чужакомъ?“
 Въспъ этого-же вопроса я и пренепаль.— Скажу вамъ, что знаю; напередъ чувствую, что не удовлетворю вполне вашему любопытству. Спарики рассказывали мнѣ, что онъ началъ такъ спраннычашъ съ Полковничьяго чина, когда съ полкомъ своимъ осадилъ и взялъ приспупомъ Монаспырь. Намъ оспаешся полько удивляешь, какъ чрезъ споль долгое время, по конецъ жизни своей, носилъ онъ сію личину спраннышешей! Онъ, по видимому, не хотѣлъ сложить ее съ себя, чтобы не переспашъ бытъ Суворовымъ. Рассказу вамъ, что мнѣ говорилъ на эпошъ счешъ одинъ преспарѣлый, придцани пяти-лѣпній сопупникъ Суворова. Въспъ его слова: „Онъ рѣшилъ бытъ единспвеннымъ, ни на кого не походипъ. Для сего пробѣжалъ онъ прежде обширное поле Испоріи всѣхъ вѣковъ; вы видипе, съ какимъ вниманіемъ чипаешъ, слушаешъ, швердишъ онъ біографіи всѣхъ великихъ

VII

мужей, хвалишь примѣры ихъ величія; но, для своей славы, прокладываетъ новую, дополъ неизвѣстную пропу. Онъ знаетъ, что наружность его не позволяеть ему когда-либо сравниться съ особенною сановитостію и даромъ слова Румянцова; что дабы уподобиться въ великолѣпіи и въ огромныхъ замыслахъ Попемкина, нужны были бы несмѣнные милліоны золота. Повѣрьте мнѣ, “ продолжалъ Великій Христофоровичъ Дерфельденъ „сей мнимый врагъ зеркала, замѣняя въ ономъ невидную свою наружность, начерпиль погда же планъ той роли, которую теперь играетъ. Мы всѣ видимъ неупоминмое его стремленіе, быть героемъ и казаться чудачкомъ. И мы не можемъ довольно возблагодарить Промыслу, вознесшему на опечеспвленный Пресполь нашъ образецъ во благоспѣ Царей—Екатерины. Она въ спранностяхъ Суворова, неперпимыхъ во всякой службѣ подъ другимъ Правленіемъ, видѣла зарю будущей Своей славы.“—слова сіи, плоды тридцати пяти-лѣтнихъ наблюдений! Присоединю здѣсь нѣчто на счепъ пользы, опъ спранностей его происходившей. Я видѣлъ нерѣдко, какъ приходили къ нему Союзные Генералы, съ жалобами, или объясненіями по недоразумѣніямъ, споль часто между Союзниками возникающимъ и угрожав-

VIII

шимъ иногда непріятными послѣдствіями, даже разрывомъ. Но одно его неожиданное острое слово, шупливый какой-нибудь разсказъ о постороннемъ предметѣ, προκαзливые скачки — понушали вдругъ пламя раздора въ самомъ его началѣ. Они забывали иногда, за чѣмъ приходили. — Цѣною многочисленныхъ побѣдъ, безпредѣльной довѣренности къ нему войска и опытнаго знанія сердца человеческого, приобрѣлъ онъ сіе преимущество издѣвашься надъ всѣми, когда мы думали, что мы надъ нимъ смѣемся. Онъ былъ оригиналь, и оригиналь неподражаемый. — Не могу не упомянуть здѣсь о слѣдующемъ, ему пересказанномъ анекдотѣ, что когда одинъ Генераль, желавшій иппи по слѣдамъ его, закричалъ однажды войску словами и голосомъ Суворова: „Здравствуйше, ребяща, чудобогатыри, друзья мои, и пр. и пр.“ то всѣ солданы расхохотались, и произнесли въ одинъ голосъ: „Что этакъ спарикъ къ намъ привязался?“ Всѣ его восклицанія дѣйствія надъ ними не произвели. Воспоргъ, съ какимъ выслушалъ Суворовъ сей анекдотъ, обнаружилъ слишкомъ торжество его въ неподражаемой его оригинальности. Изъ многихъ, здѣсь помѣщенныхъ анекдотовъ увидите вы, что онъ не хотѣлъ доходить на шѣхъ военачальниковъ, о

IX

которыя говорятъ только въ продолженіи ихъ начальствованія. Нѣтъ, онъ хопѣлъ и внѣ круга сей дѣятельности бытъ предметомъ безпреспанныхъ разговоровъ своихъ воиновъ, жишь въ сердцахъ ихъ, бышь, какъ я уже сказалъ, книгою въ ихъ избахъ, забавляшь собою и удивляешь, и съ особенностію характера своего стояшь наравнѣ съ воинскимъ своимъ гениемъ. Играешь такую ролю, ни опытъ кого незаимствованную, а самимъ собою для себя сошворенную, выдержишь ее во всѣхъ превращеніяхъ долговременной жизни своей, преобразишь ее во вторую себѣ нашуру — ешь, въ нравственномъ мірѣ, явленіе чудесное! И сему то жертвовалъ онъ своимъ умомъ, своими нравственными и физическими силами, своимъ покоемъ, шакъ сказаешь: всѣмъ бышиемъ своимъ! — и для чего?... чшобы бышь человекомъ необыкновеннымъ, единственнымъ; чшобы сіяшь въ Исторіи благошворнымъ для человѣчества феноменомъ. Разкройше сіи анекдоты, обрисовывающіе раскиданные опрыски его умоначерпанія, и вы вспрѣлише въ нихъ слѣды стремленія его къ сей единой цѣли. — Въ одномъ анекдотѣ говоритъ Суворовъ, чшо Александръ не сжегъ Аѳины для того, чшобы въ тамошнихъ гостинницахъ разсказывали о его гаарствахъ. „Пусть,“

присоединяетъ онъ „и о моихъ солдатскихъ проказахъ говорятъ въ артеляхъ.“ Сіе - то лучше всего оппечатаываетъ порывы его къ безмерпію. — И этого Россіянина, за то, что онъ былъ знаменитый Россіянинъ, песприли, марали, чернили приспраспныя, злобою уппанныя перья нѣкопорыхъ Испориковъ Германіи и Франціи. Но извѣспный на Германскомъ горизонтѣ писашель, Сеуме, побуждаемый благородспвомъ чувспвъ и справедливоспи, оппважился бытъ его защитникомъ; за то иноспранные журналы возспали на него, и обвинили его въ приспраспніи—шакъ укородилося предубѣждение пропивъ Суворова!—Г. Сеуме былъ Россійской службы Офисеромъ, за неяку въ срѣкъ дѣ полкъ свой выключень, возвратился въ Германію, и сдѣлался извѣспнымъ своими сочиненіями, а болѣе описаніемъ спранспвованія своего дѣшкомъ въ Сиракузы. Въ ономъ говоринтъ онъ о Суворовѣ; и я съ удовольспвіемъ выпиываю вамъ здѣсь въ переводѣ слова сего чужеземца, для копорого испина священна.

Вопгь какъ онъ говоритъ: (*) „Городъ Айроло, на Альпійскихъ горахъ, былъ мо-

(*) См. Spaziergang nach Syrakus, 2 Teil Seite 200.

имъ впорымъ ночлегомъ. Здѣсь помѣ-
 спился я въ домѣ, въ кошоромъ говори-
 ли по-Нѣмецки, по-Ипаліянски и по-
 Французски. Хозяинъ дома соспавлялъ
 съ своимъ семействомъ пріятный кругъ,
 гдѣ я попчасъ водворился. Суворовъ
 споялъ у него нѣсколько времени на квар-
 ширѣ, и оба мы имѣли попчасъ пункшъ
 прикосновенности. Онъ былъ преиспол-
 ненъ энпузіазма къ спарику Генералу, и
 хвалилъ особенно его любезность и сни-
 сходишельность, что можетъ быть мно-
 гимъ покажется спраннымъ и подозри-
 шельнымъ. Но я не вижу, за чѣмъ бы хо-
 зяину въ Айроль, на высотѣ Сен-Гопара,
 говорить о томъ, чего онъ не видалъ.
 Суворовъ былъ не одинъ Генераль, ко-
 шорый во время войны сдѣлалъ ему честь
 жить у него въ домѣ: онъ описывалъ
 другихъ, какъ онъ ихъ находилъ. Многіе
 изъ нихъ извѣстны всѣмъ. Я имѣлъ уже
 двусмысленное счастье слышъ привержен-
 цемъ спарому Суворову, а я спарался
 шолько спасапъ истинный его характеръ,
 и исполковывалъ нѣкошорые феномены,
 кошорые спавили ему въ вину. Левъ
 умеръ; и все на него бросаются. Знаю,
 что вся жизнь его была цѣпъ особенно-
 спей. Но если послушаешь его недобро-
 шоповъ, то онъ вздорный, безхарактер-
 ный спарикъ; а шабимъ онъ, право, нико-

гда не былъ. Спранностьъ была вообще его оппечашокъ. Полипическія погдашнія оппощенія показывающъ, въ какомъ мучительномъ положеніи находился Суворовъ; онъ говорилъ объ оппобкахъ смѣло, безъ оппщады и лицепріятія; былъ смаръ и болѣнъ, и предвидѣлъ конецъ своей жизни. Неудовольствіе его въ шаковыхъ обстопаельствахъ не могло уменьшиться. Проспупки нѣкопорыхъ его подчиненныхъ приписывались ему въ вину. Какъ правдивый мужъ, знающій себя цѣну, но съ желѣзною грудію солдапа, имѣлъ онъ особенности, копорыя казались инымъ проказами. Онъ былъ спрогъ къ себе и въ пребованіяхъ оппъ другихъ. Рассказывали объ немъ въ одномъ иноспранномъ городѣ, какъ о поспыдномъ скрягѣ; но это грубая ложъ: ибо въ характерѣ его споль же мало скуности, сколько и хваспливой распощительности. — Я совершенно удосповѣренъ, что Суворовъ былъ честный человекъ, а не жестокосердый. Ты знаешь, что я ему ничѣмъ не обязанъ, а попому и не можешь находить въ моихъ оппзывахъ объ немъ ничего иного, кромѣ честнаго моего мнѣнія. Если вѣришь Англичанамъ, копорые личнымъ своимъ характеромъ заслуживающъ довѣріе; по Сѣверный Суворовъ, если и все справедливо, что объ немъ рассказыва-

юшъ, пребудешъ навсегда образцомъ чело-
вѣколюбія предъ героемъ нашего време-
ни, Бонапаршомъ, копорый въ воспоча-
ныхъ своихъ походахъ разспрѣливалъ
карпечами по тысячамъ плѣнныхъ.

Здѣсь, на высотѣ Сен-Гопара, утвер-
ждающъ, что если бы Суворовъ имѣлъ
время перебросить хопя 6000 съ горы въ
Цюрихъ, то сраженіе было бы споль
же ужасно для Французовъ, сколько
для Русскихъ. Всѣ Французы, съ ко-
порыми я объ этомъ говорилъ, подпвер-
ждающъ поже самое, и говорящъ, что
удаленіе Ерц-Герцога, вовлеченнаго въ
сѣщи фальшиваго маневра на Нижнемъ
Рейнѣ, было причиною ихъ удачи.“ Кон-
чимъ словами Тасса; что поплъ сказаъ
о Виргиліѣ, то скажемъ о Суворовѣ:
„Пойдемъ ему во слѣдъ, не съ шѣмъ, что-
бы съ нимъ равняпсья, или его превзой-
ти; но чтобы, оспанавливаясь на каждой
пропинкѣ его, любовашься и удивляпсья.“ —
Прощайше. Воптъ вамъ въ анек-
дошахъ Суворовъ, какимъ я его зналъ.

АНЕКДОТЫ О СУВОРОВѢ.

Не извѣстно, по какимъ обстоятельствомъ при Екатеринѣ Суворовъ не былъ однажды внесенъ въ списокъ дѣйствующихъ Генераловъ. Это его весьма огорчало. Приѣхавъ въ Пешербургъ, является онъ къ Императрицѣ; бросается къ Ея ногамъ, и лежишь неподвижно проспертымъ. Императрица подаетъ ему руку, чшобы его подняшь. Онъ потчасъ вспрыгнулъ, поцѣловаль Ея десницу, и воскрикнулъ: „Кшо шеперь прошивъ меня? Сама Монархия меня возстановляетъ!“ — Въ шомъ же день было капанье по Царскосельскому пруду на ядикахъ. Суворовъ имѣль счасшѣ бышь гребцомъ Екатерины. Когда подѣхаль къ берегу, шо сдѣлаль изъ судна такой опважный скачекъ, чшо Государыня испугалась. Онъ просилъ у Нея извиненія, чшо, считалась Инвалидомъ, возилъ Ея Величество неисправно. „Нѣшты!“ отвѣчала Она „кшо дѣлаешь такіе прыжки, Salto mortale, шомъ не Ин-

вайдѣ.“—и въ шопъ же день внесетъ онъ въ военный списокъ Генераловъ, и получитъ начальство.

Въ Туринѣ явились при Депутата изъ Лукки, съ прошеніемъ о принятіи несчастнаго сего Герцогства подъ покровительство Россійскаго оружія. Они были приглашены къ столу Фельдмаршала. Въ продолженіи обѣда, онъ подробно спрашивалъ о мѣстоположеніи, торговлѣ и о многихъ Статистическихъ подробностяхъ ихъ опечесства. Замѣчалъ онъ между прочимъ, что въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій сія знаменитая нѣкогда Римская провинція переходила изъ рукъ въ руки отъ одного владѣльца къ другому съ молодка, и показалъ необыкновенныя Историческія свои о томъ краѣ знанія. Въ заключеніе спросилъ: „Что есть въ Луккѣ самое достопамятнѣйшее?“ Одинъ изъ Депутатовъ отвѣчалъ: „Тереза Бандеттини, знаменитѣйшая во всей Италіи Improvisatrice, Членъ разныхъ Академій, краса и гордость нашей родины. Она поручила намъ просить у Героя Суворова его біографіи; ибо намъ реваешся воспѣть

его победы.“—Александръ Васильевичъ нѣсколько задумался, и произнесъ: „За чѣмъ избрала она себѣ предметомъ такой оригиналь?“ Депутатъ подхватилъ: „Дянь оригинальности пѣшеческаго Генія нашей Ванденштин приличествуетъ воспѣтъ такого великаго оригинала.“ — Мнѣ вельно было сообщить все, что я имѣлъ и зналъ. Она написала превосходнѣйшую на победы Суворова въ Италіи Оду, напечатанную въ Луккѣ. Въ семъ твореніи вдохновенія ея блистаютъ сила воображенія, истина и гармонія выраженія.

Графъ Сенш-Андре, почтенный Сардинскій Генералъ, преданный Суворову, сказалъ ему однажды въ разговорѣ: „Ваше Сіятельство имѣете враговъ; но не соперниковъ.“

Однажды Князь наединѣ со мною въ кабинетѣ, по окончаніи дѣлъ, спросилъ меня: „Будешь ли писать въ Исторіи моей и анекдоты обо мнѣ?“ Я отвѣчалъ: Непременно, если буду живъ. — „Напрасно, напрасно!“ возразилъ онъ „я небогатъ

анекдотами, а спривносплами, проказами; а чудаць, мальчишка, и пр. и пр. “ Опять просить я Его Сіяшельство, предоставишь судишь о себѣ другимъ. „Да какая польза опть анекдотовъ?“ былъ его вопросъ. Отвѣтъ мой: „величайшая. По мнѣнію моему, чпеніе анекдотовъ изъ Плушарха образовало наибодѣе военныхъ людей. Это черты, изъ которыхъ составляется поршреть, образецъ соревнованію. И не рѣдко одинъ анекдотъ, лучше всякаго пера Исторіи, изображаетъ намъ характеръ и геній Героя. Прочитавъ въ Свешоніѣ анекдоты изъ частной жизни Цезарей, мы лучше обнимаемъ Тацита, Тита Ливія, Салюстія и всю Римскую Исторію. Самъ Цезарь собиралъ острые слова, апофтегмы Цицерона, а Цензоръ Капонъ, доспомятныя сказанія знаменистыхъ своихъ соопечественниковъ. И если позволите мнѣ. . . “ — „Продолжай, продолжай: “ вскрикнулъ онъ „шы говоришь какъ книга.“ — „Позвольте мнѣ сказаць: Архенгольцъ, въ Исторіи семилѣпней войны выспавилъ Фридриха Марсомъ, а Бишингъ въ анекдотахъ—человѣкомъ въ кабинетѣ и частной его жизни; и изъ сей совокупности выхо-

дишь Фридрихъ великимъ. Безъ Голикова и Шпелина, не знали бы мы нашего Петра Великаго, какъ мы теперь Его знаемъ. Такъ изъ анекдотовъ моихъ узнаюшь и того, предъ копорымъ я имѣю счастье теперь спояшь.“ Онъ потчасъ вскочилъ, благословилъ меня, и сказалъ: „Спускай; пора тебѣ отдыхать, ты усталъ.“ — Но на лицѣ его чиналъ я удовольствіе.

Когда Австрійскій Генераль, Графъ Беллегардъ, и Великобританскій Посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ, Лордъ Минпо, прѣхали въ Прагу, въ Богеміи, уговаривать возвращавшагося уже съ арміею въ Россію Суворова о началіи новыхъ военныхъ дѣйствій: то онъ, согласно съ полученными отъ Двора своего предписаніями, отъ того уклонился; но продиговалъ слѣдующую на Французскомъ языкѣ замѣтку: „Si l'on fait encore la guerre à la France, qu' on la fasse bien; si on la fait mal, ce sera un poison mortel. Il vaut mille fois mieux ne pas l'entreprendre, telle qu'elle a déjà eu lieu. Tout homme qui a étudié le génie de la révolution, seroit criminel de le taire. La première grande

guerre qu'on fera à la France, sera aussi la dernière: п. е. Если начать еще разъ войну съ Францією, то надобно ее вести хорошо; если поведуть ее худо, то это будетъ смертельныйъ ядъ. Тысяча разъ лучше се не предпринимають по прежнему. Всякій, вникнувшій въ духъ рволюціи, былъ бы преступникомъ, если бы о семъ умолчалъ. Первая большая война съ Францією будетъ и послѣднею.“

Князь Александръ Васильевичъ любилъ скорые опвѣты безъ оспановки. Онъ хопѣлъ въ семъ родѣ испытанія бытъ Лафатеромъ: узнавать, какъ шопѣ, характеръ чловѣка по фізіономіи, пакъ онѣ, по опвѣту. Многіе очень ошибались, думая, что опвѣчая ему скоро и нелѣпо, ему угождали. Правда, онѣ замолчипѣ, но оцѣнипѣ пустослова. Приведу здѣсь одинъ примѣръ: Однажды еще наканунѣ поднесенъ ему былъ рапортъ о присоединеніи къ нашей арміи 3500 Сардинскихъ войскъ. Не смотря на шо, что онѣ сіе зналъ, подходилъ къ каждому съ вопросомъ о числѣ ихъ. Всякій опвѣчалъ наобумъ. Иной 5000, другой 200, а нѣ-

кто 20000. „Ахъ, помилуй Богъ, какъ ты щедръ!“ воскликнулъ и опскачилъ опъ него. Но одинъ Генераль объявилъ истинное число. Тотчасъ щепнулъ онъ мнѣ, чшобы пригласилъ его къ столу. За завтракомъ пощивалъ его изъ своихъ рукъ рѣдкою, чшо у него пощипалось особеннымъ оппичіемъ. За обѣдомъ бесѣдовалъ съ нимъ, и обрашилъ разговоръ на необходимую обязанность военного начальника знать число подчиненнаго ему войска. „Румянцовъ“ заключилъ онъ, знает не шолько чцсло своего войска, но и имена солдащъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ Кагудскаго сраженія узналъ онъ въ городѣ Орлѣ спорожа, служившаго на шпой славной бипвѣ рядовымъ; ошпано-вилъ его, назвалъ по имени, и пощѣдовалъ.“

Когда, предъ вступленіемъ нашимъ въ Швейцарію, прибылъ въ армію Генераль - Маіоръ, Графъ Николай Михайловичъ Каменскій; шо онъ пожаловалъ ко мнѣ, и просилъ меня предспавилъ его Фельдмаршалу. Мы пошли къ нему. Дорогою замѣнилъ я въ Графѣ смущеніе; онъ не скрылъ опъ меня своего опасе-

нiя, что можетъ быть, по известнымъ
всѣмъ бывшимъ между Александромъ Ва-
сильевичемъ и опцемъ его непрiятно-
спямъ, не удостоится онъ благосклон-
наго приема. Я засмѣялся, сказавъ ему:
„Худо, Графъ, знаете вы Суворова: но
вы потчасъ разувѣришесь.“ Едва лишь
произнесъ я имя Графа Каменскаго, какъ
онъ уже обнялъ и разцѣловалъ его, съ
сими словами: „Какъ! сынъ друга моего
будешь со мною пожинашь лавры, какъ
я нѣкогда съ опцемъ его!“ — Прочитавъ
письмо отъ его родителя, прослезился
и произнесъ: „Когда ты къ бапюшкѣ
будешь писать, то принеси ко мнѣ пись-
мо, я припишу.“ Мы пошли къ обѣднѣ.
Вдругъ съ крылоса подбѣжалъ Графъ къ
Николаю Михайловичу, съ вопросомъ:
„поешь ли его бапюшка? на опвѣшъ,
что поешъ, опвѣчалъ онъ: „Знаю, но
безъ ношъ, а я по нопамъ.“ — и побѣ-
жалъ къ пѣвчимъ. — По переходѣ чрезъ
Альпiйскiя горы, когда Графъ Каменскiй
опличился уже своимъ безстрашиемъ,
находясь денно и ночью посреди ужасовъ
и отъ непрiятелей и отъ стихiй, безош-
лучно впереди своего полка; и пуля про-
дешла сквозь его шляпу: поднесъ онъ

Генералиссимусу открытое письмо свое къ отцу. Тутъ приписалъ Суворовъ между прочимъ: „Юный сынъ вашъ, старый Генераль.“ Воспоминаніе о семъ драгоценно моему сердцу: ибо на Альпійскихъ горахъ связанъ былъ между знаменитымъ, навѣки незабвеннымъ симъ защитникомъ Отечества, и мною погнѣтѣ крѣпкій узелъ дружества, который не ослабнулъ и поконецъ его жизни.

Въ погнѣтѣ день, когда въ городѣ Нейпипченѣ завѣщаль мнѣ Князь у гробницы Лаудона, сдѣлать на своей надписи: *здесь лежитъ Суворовъ*, бесѣдовалъ онъ много о смерти и эпитафіяхъ; также, что онъ желалъ бы положить кости свои въ Отечество: „Не помнишь ли,“ обратясь ко мнѣ, спросилъ „какой памятникъ былъ воздвигнутъ Еврипиду?“ Къ счастью, чиналъ я о погнѣтѣ недавно, и началъ: „Царь Македонскій, Архелай, воздвигнулъ Еврипиду памятникъ, съ надписью: *никогда память твоя, Еврипидъ, не угаснетъ*. Но блистательнѣйшій кеносавъ въ Аѳинахъ былъ сей: *Вся Греція памятникъ Еврипиду. Земля Македонская покрываетъ только*

его *кроски*. “ — Онъ произнесъ: „Спасибо тебѣ, что ты помнишь. Еврипидъ былъ въ мірѣ одинъ, и памятникъ ему — единственный! “

Болѣнь и болѣнь по есшъ, съ удареніемъ надъ послѣднимъ слогомъ *лѣнь*, различалъ Князь. Просто болѣнь, значило у него истинно изнемогшаго, который слегъ въ постель; но болѣнь съ удареніемъ надъ *лѣнь*, былъ по его мнѣнію шашъ, которому нездоровицца, которому не такъ-то по себѣ, который прихворнулъ; проклятая мигрень! — И ашого онъ не шерцѣлъ. Всегда спрашивалъ о какомъ-нибудь болѣномъ: „Что онъ: болѣнь, или болѣнь?“ Разумѣется, чтобъ не разоудишь его, оцѣнцѣ былъ всегда чистымъ языкомъ: болѣнь, безъ неприятнаго ударенія. И шущъ повшоралъ онъ свой рецепшъ изъ словеснаго поученія солдашамъ: „Бойся Богадѣлни; — Нѣмецкія лекаршвеницы издадека шухлыя, безильныя и вредныя. Русскій солдашъ къ нимъ не привыкъ. У васъ есшъ въ аршелахъ корещки, правушки, муравушки. Солдашъ дорогъ. Помните, госцода! полевой Лечебникъ Шлабъ-Лекаря Бѣлопольскаго. Богадѣлни первый

день мягкая поспель, впрочемъ день Французская похлебка, претій день, ея брашець, домовище къ себѣ и пащигъ! Одинъ умираешъ, а десяшь товарищей хлебають его смертнѣй дыхъ.“

Если Князь познакомило покорооче съ иностранцемъ, то любилъ называшъ его по имени и отчество. Въ бытность въ Финляндіи, имѣлъ онъ подѣ начальствомъ своимъ Инженернаго Генераль-Маіора, Прево-де-Люмьяна, которому велѣлъ называшъся Иваномъ Ивановичемъ; и поцѣ поконецѣ жизни своей слылъ сими именами, хотя ни онъ, ни отецъ его Иванами не бывали.

Слова: *не могу знать, не умѣю доложить, или сказать, полагаю, можетъ быть, мнѣ кажется, я думаю*, и все подобное, неопредѣлительное, могли его разсердяшь до чрезвычайности. Одинъ, принадлежавшій къ Дипломатическому Корпусу, имѣлъ несчастіе удостобляшь сіи слова, и никакъ не могъ отвыкнуть. Онъ однажды довелъ Князя до того, что

попъ велѣлъ распворить окошки и дѣри и принестъ ладону, чпобы выкурить и очиспить воздухъ опъ заразителнаго немогузнайства, и шупъ кричалъ онъ: „Проклятая немогузнайка, намѣка, догадка, лживка, лукавка, краснословка, двуличка, вѣжливка, безполковка, недомолвка, ускромейка. Спыдно сказать, опъ немогузнайки много, много бѣды!“ Подобная схватка была у него въ Молдави и съ Генераломъ Деволаншомъ, который никакъ не хотѣлъ говорить знаю о пакихъ вещахъ, кошорья ему были не извѣсны. Споръ у него съ Суворовымъ дошелъ до того, чпо онъ оставилъ обѣдъ, и, выскочивъ изъ окошка, убѣжалъ къ себѣ на кварширу. Въ слѣдъ за нимъ гнался Александръ Васильевичъ, догналъ его, примирился, и сдѣлался его другомъ. Деволанш былъ Голландецъ. Суворовъ послѣ того говаривалъ: „Теперь вижу я, почему Испанскій, Непобѣдимымъ названный, флотъ Филиппа, не могъ устояшь предъ такимъ упорно грубымъ народомъ, коковъ Голландскій. И Петръ Великій ощутилъ шо.“

Лордъ Клинтонъ, отличнаго ума Великобританецъ, обѣдалъ у Суворова. Въ этотъ день обѣдъ начался въ 9 часовъ пополудни. Повару приказано изготопить блюда къ этому времени, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что Англичане обѣдаютъ поздно. Графъ, какъ говорится, былъ совершенно въ своей тарелкѣ. Бесѣдовалъ весьма пріятно и поучительно о важныхъ военныхъ Историческихъ предметахъ, и восхищилъ Клинтона. На другой день посѣпилъ сей меня, и принесъ показать письмо къ другу своему въ Лондонъ. Такъ какъ я по-Англійски не знаю, то просилъ его перевести. Онъ кос-какъ передалъ мнѣ на Французскій языкъ, и я съ дозволенія его положилъ на бумагу. Вотъ содержаніе онаго: „Сей часъ выхожу я изъ ученѣйшей Военной Академіи, гдѣ были разсужденія о Военномъ Искусствѣ, о Аннибалѣ, Цезарѣ, замѣчанія на ошибки Тюрена, Принца Евгенія, о напемѣ Малборукѣ, о шпикѣ, и пр. и пр. — Вы вѣрно хотите знать, гдѣ эта Академія и кто Профессоры? угадайте! . . . я обѣдалъ у Суворова: — не помню, былъ ли что; но помню съ восторгомъ каждое его слово. Это нашъ Гарикъ, но на

портретъ великихъ произошеотрвй; эщо пакпичеокій Рембрантъ: какъ шошь въ живописи, такъ сей на войнѣ — волшебники! Боюсь шолько, чшобы онъ не занемоъ нашимъ сплиномъ: но опъ богашошва побѣдъ. И эшошь умнѣйшій мужъ вдумалъ меня увѣрять, чшо онъ ничего не знаетъ, ничему не учился, безъ вопишанія, и чшо его по справедливоопи называютъ Вандаломъ. Наконецъ ошановилъ я его сими словами: „Если „вамъ удаецся обманывать насъ, вашихъ „современниковъ: шо не удаецся обманушь „попомковъ; впрочемъ, и самомъ по„помспвъ ошаваетесь вы дероглифомъ.“ Онъ замолчалъ, началъ корчить лице, кривляшсь, дѣлать невѣроящныя гримасы, и проч.“ — Я опважился прочишать Графу сію выписку, и онъ опвѣчалъ: „Ахъ! помилуй Богъ, кто бы подумалъ, чшо и добрый Клиштонъ былъ у меня шпиономъ? Самъ виновать, слишкомъ раскрылся: не было пуговиць.“

Портретъ Суворова написанъ былъ Миллеромъ. Онъ готовился уже опвести его въ Дрезденъ; но былъ въ недоумѣніи, по-

казашь ли его пому оригиналу, который никогда не хощьль видьшь себя и въ зеркаль, или, какъ Г. Миллеръ изьяснялся, не хощьль видьшь и въ копіи другаго Суворова. Я присовѣповалъ ему поипи сомною, и показашь ему. Мы припши. Князь, едва взглянувъ, спросилъ: „Полезны ли вамъ были Психологическія мои разсужденія о самомъ себѣ?“ — „Очень!“ отвѣчалъ попшь. „для начертанія характеровъ пригодно все, и даже мелочи. Толпою незамѣчаемыя черты дѣлающя для арпшста, изобразителя души въ пшьль, весьма важными. Счастливо перенесенныя на холстпъ, онѣ дающъ порпшрпту всю физіономію. До сего невдохновенный художникъ никогда не достигалпъ. Рубенсъ, по справедливости провозглашенный Княземъ Нидерландской Школы, изобразилъ смѣющеся дитя. Одинъ мигъ волшебной его кисти — и дитя, къ изумленію всѣхъ предстоящихъ, плачетъ. Я не Рубенсъ! но онѣ бы въ первый разъ позавидовалъ шеперь моему счастью!“ — Графъ поцѣмовалъ его опъ души, и велѣлъ мнѣ записать: Рубенсъ, Миллеръ! — слава шворческому Генію Живописи.“ — „Эпи слова“ сказалъ Миллеръ

въ изступленіи „изъ устъ Суворова, да-
юущъ безсмертіе!“

Разговорились за обѣдомъ о пруд-
носпяхъ узнавать людей. „Да, правда,“
сказалъ Князь Александръ Васильевичъ,
„только Петру Великому предоспавлена
была великая тайна выбирать людей:
взглянулъ на солдата Румянцова, и онъ
офицеръ, посоль, вельможа; а потъ за
се опблагодарилъ Россіи сыномъ своимъ,
Задунайскимъ. Мои мысли: вывѣска дура-
ковъ — гордоспъ; людей посредствен-
наго ума — подлоспъ; а человекъ испин-
ныхъ достоинствъ — возвышенноспъ
чувспъ, прикрывая скромноспю.“

По возвращеніи моемъ изъ Венеціи,
опдалъ я Фельдмаршалу въ его кабинетъ
опчепъ въ моихъ порученіяхъ. За обѣ-
домъ спрашивалъ онъ меня о многихъ
подробноспяхъ сего чудеснаго, единспвен-
наго въ свѣспъ, какъ будшо изъ волнъ
морскихъ возникающаго града. Я раска-
зывалъ ему все, что въ печеніи прехъ
дней могъ замѣнить любопытнаго. Онъ

вдохнулъ, вспомнивъ о прежнемъ величїи сей Царицы морей, о блескѣ ея цорговли; но благодарилъ Бога, что адская полищическая инквизиція поглощена ея же волнами. Между многими рассказами, упомянулъ я, какъ памъ въ пракширѣ (Caza di Pedrillo), за общимъ обѣденнымъ споломъ, поразилъ меня сосѣдь сими словами: „Chez nous à Pétersbourg, m. e. у насъ въ Пепербургѣ.“ Не полагая никакъ увидѣшь здѣсь Русскаго, я вскрикнулъ съ испушенїемъ по-Русски: „Какы! вы были въ Пепербургѣ?“ Отвѣщъ его: „Я памъ родился.“ — „Этого довольно;“ продолжалъ я „теперь знаю, хопя вы мнѣ и не были знакомы, что вы гуляли памъ со мною по гранишной набережной, въ дѣпнемъ саду, по оспровамъ, пили со мною Невскую воду, слышали со мною поппъ же колокольный звонъ, поппъ же барабанъ, и объхавъ, какъ и я, множесшво городовъ, скажите пакже со мною вмѣстѣ: „Нѣтъ краше мапушки Москвы и „Пепербурга!“ „Недождавшисъ отвѣта, бросился я его обнимать; искренность взаимныхъ чувствъ нашихъ насъ поппчасъ сблизила, и теперь оба мы переспали жипъ въ Венеціи.“ — Графъ пушъ съ

удовольствіемъ вспомнилъ, какъ въ молодыхъ лѣтахъ, бывъ отправленъ въ Берлинъ курьеромъ, встрѣпилъ онъ также въ Пруссіи Русскаго солдата. „Брапски, съ искреннимъ патріотизмомъ,“ говорилъ онъ „разцѣловалъ я его; расстройство сосподнія между нами исчезло. Я прижалъ къ груди земляка. Если бы Силла и Марій встрѣпились нечаянно на Алеушскихъ островахъ, соперничество между ними пресѣклось бы; Патріцій объялъ бы Плебеянина, и Римъ не увидѣлъ бы кровавой рѣки.“

Когда Фельдмаршалъ, по взятіи Австрийскимъ Генераломъ Кеймомъ Турина, возносилъ его хвалами, и пилъ за его здоровье, одинъ его землякъ, изъ знатнѣйшей древнѣйшей фамиліи, сказалъ: „Знаете ли, что Кеймъ изъ самаго низкаго состоянія и изъ просвѣтыхъ солдатъ дослужился до Генерала?“ — „Да,“ отвѣчалъ Александръ Васильевичъ „его не освѣляетъ огромное родословное древо; но я почелъ бы себя особенною великою честью имѣть его послѣ сего подвига своимъ, по крайней мѣрѣ, хопя кузиномъ.“

Случился у Суворова споръ о лѣтахъ двухъ Генераловъ. Одному было дѣйствительно пятьдесятъ лѣтъ; а другому сорокъ. Но Александръ Васильевичъ началъ увѣрять, что сорокалѣтній спарѣ пятидесятилѣтняго. „Послѣдній, говорилъ онъ „большую часть жизни своей проспалъ; а первый работалъ на службѣ денно и ночно. Итого выйдетъ, что чуть ли сорокалѣтній не вдвое старѣе пятидесятилѣтняго.“ „По этому расчету,“ сказалъ Маркизь Шапелеръ „Вашему Сіятельству давно, давно уже минуло за сто и болѣе лѣтъ.“ — „Ахъ, нѣтъ!“ отвѣчалъ Суворовъ „разскройте Исторію, и вы увидите меня тамъ мальчишкою.“ — „Истинно великіе хощають всегда казаться малыми; но громкая шруба молвы заглушаетъ ихъ скромность;“ возразилъ Шапелеръ. — Суворовъ зажмурился, закрылъ свои уши и убѣжалъ.

Не понятно, какъ человекъ, привыкшій по упрямъ оказываться холодною водою; выпарившись въ банѣ, бросаешь въ рѣку или въ снѣгъ; неносившій никогда шубы, кромѣ мундира, куртки и

изодранной родительской шинели, — могъ въ горницѣ переносить ужасную шеплоту. Въ этомъ ходилъ Князь Александръ Васильевичъ на нашихъ кресьянъ въ избахъ. Подобно имъ, любилъ и онъ быть въ полномъ *неглиже*. — Я, а со мною и многіе, спрадали въ его шеплицѣ. Не рѣдко попъ съ меня шакъ и капился на бумагу при докладахъ. Однажды закапалъ я донесеніе, хопя по содержанію своему не очень ему пріятное. „Вопъ, Ваше Сіятельство, я не виновашъ,“ сказалъ я ему, „а ваша Эгна,“ указавъ на печь. — „Ничего, ничего,“ отвѣчалъ онъ „въ Петербургъ скажутъ, или что ты до поту лица работаешь, или что я окропилъ сію бумагу слезою. Ты попливъ, а я слезливъ.“ — Также и Авспрійскій Генералъ - Квартирмейстеръ Цахъ распался до того, что, работая съ нимъ въ кабинетѣ, снялъ съ себя галстухъ и мундиръ. Фельдмаршалъ бросилъ его цѣловашь, съ сими словами: „Люблю, кпо со мною обходилъ безъ фасоновъ.“ — „Помилуйше,“ вскрикнулъ попъ „здѣсь можно сторвѣть.“ — Отвѣтъ: „Что дѣлать? Ремесло наше шакое, чтобы быть

всегда близъ огня; а пощому я и здѣсь
опть него не опвыкаю.“

Государыня Императрица Екатерина,
узнавъ, что Суворовъ ѣздитъ и ходитъ
въ ужасные прескучіе морозы въ одномъ
мундирѣ, изволила, для сбереженія его
здоровья, подарить ему пребогатую чер-
ную соболью шубу. Онъ принялъ сей
даръ Монаршаго благопрізнанія съ дол-
жнымъ благоговѣніемъ; возилъ съ собою
въ каретѣ, держа со всякою бережливо-
стію на колѣнахъ; но никогда не дерзалъ
возлагать на грѣшное свое плечо, какъ
онъ описывался о себѣ по Христіанскому
смиренію.

При вступленіи войскъ нашихъ въ
Варшаву, данъ былъ приказъ: „У Генера-
ла Н. Н. . . . взять позлащенную его ка-
рету, въ которой вѣдетъ Суворовъ въ
городъ. Хозяину сѣдѣть насупротивъ,
смотря въ право и молчать, ибо Суво-
ровъ будетъ въ размышленіи.“ (Надобно
знать, что хозяинъ кареты слылъ гово-
руномъ).

Нѣкто вздумалъ назвать Суворова Поэпомъ. „Нѣтъ! извини,“ возразилъ онъ „Поэзія — вдохновеніе; а я складываю только — вирши.“

Говорили объ одномъ военачальникѣ, котораго бездѣйствіе походило на трусосишь. Графъ шутъ сказалъ: „Нѣтъ, онъ храбръ; но бережетъ себя, хочетъ дожить до моихъ лѣтъ.“

Генераль - Квартирмейстеръ Цахъ, говоря о Карлѣ XII, назвалъ его Донкишопомъ. „Правда,“ сказалъ Графъ „но мы, любезный Цахъ, донкишопствуемъ всѣ (*wir alle donquixotienen*) и надъ нашими глупостями, горебогатырствомъ, платоническою любовью, сраженіями съ въшренними мельницами, также бы смѣялись, если бы у насъ были Сервантесы. Я, читая сію книгу, смѣялся опъ души; но пожалѣлъ о бѣдняжкѣ, когда фаншазмагорія кукольной его комедіи начала потухать предъ распаленнымъ его воображеніемъ, и онъ наконецъ покаялся, хотя и съ горестію, что былъ дуракъ. Это

болѣзнь спарости, и я чувствую ея приближеніе.“ — Цахъ при семъ случаѣ разсказалъ анекдотъ, что когда у знаменитѣйшаго ученосію Медика, Сиденгама, при кончинѣ его, просилъ другой Докторъ совѣта, какою книгою ему при леченіи руководствоваться, отвѣщивалъ онъ: „Читайше Донкишота.“

Изъ всѣхъ отраслей военнаго искусства, преимущественно любилъ Князь Александръ Васильевичъ Инженерную науку. Посему, Великая Екатерина и поручила ему поспроеніе и поправленіе крѣпостей въ Финляндіи. Вобана зналъ онъ почти назъуспѣ, и вошъ причина, какъ онъ говорилъ: „Покойный бапюшка перевелъ его, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Петра Великаго, съ Французскаго на Россійскій языкъ, и при ежедневномъ чтеніи и сравненіи съ оригиналомъ сего перевода, изволилъ самъ меня руководствовати къ познанію сей, для военнаго человѣка столь нужной и полезной науки.“ Книга сія сдѣлалась ше-

перь очень рѣдкою; я видѣлъ ее въ рукописи; заглавіе ея :

П р я м ы й

способъ укрѣпленія городовъ,

Изданный

Ошъ славнаго Инженера

Вобана,

На Французскомъ языкѣ.

Переведенъ на Россійскій языкъ.

1724 года.

Переводчикъ, говоря въ предисловіи о важности и пользѣ сей книги, заключаетъ слѣдующими словами: „Сихъ убо ради внявъ Петръ Великій, Императоръ и „Опсцъ Опечеслва, егда воспрія сію книгу, на Французскомъ языкѣ изданную, „многополезную и другимъ несравненную, „возымѣлъ намѣреніе, да сея пользы Россійскій свѣспъ не лишень будетъ, повелѣ „изъ Французскаго языка на Россійскій „предложити, яже и предложена еспъ Василіемъ Суворовымъ.“

Нужность въ обращеніи Генералиссимуса съ плѣнными Генералами была примѣрная. Возвращая Генерала Серрюрье, нынѣшняго Маршала Франціи, изъ плѣна въ Парижъ, наговорилъ онъ ему множество вѣжливостей. Тотъ, описывая въ журналахъ свое съ Генералиссимусомъ въ Малагѣ свиданіе, описывался объ немъ съ восторгомъ. Узнавъ также, что Генераль Лекурбъ былъ женатъ, вручилъ онъ ему при отпускѣ его изъ плѣна на Альпійскихъ горахъ цвѣпокъ, просилъ его поднести оный, опъ имени его, супругѣ своей. Цвѣпокъ давно увялъ; но чувство благодарности за такое вниманіе въ благородномъ сердцѣ не спархещъ и не исцѣлѣваетъ. Лекурбъ показывалъ въ 1813 году оный; какъ нѣчто священное, Генераль-Маіору Э. Э. Шубершу, бывшему при арміи нашей во Франціи Полковникомъ по Квартирмейстерской части.

Сравности, особенности, или такъ называемыя причуды, дѣлали Князя загадкою, которая не разрѣшена еще и понынѣ. Безпрестанно спрашивали и спрашиваютъ меня: за чѣмъ наложилъ онъ

на себя такую личину? И опившись мой былъ шопъ, какой и теперь; не знаю. Всегда поражало, изумляло меня, какъ человекъ, на единъ умнѣйшій, ученѣйшій, лишь только за порогъ изъ своего кабинета, показывается шупомъ, проказникомъ, или, если смѣю сказать, какимъ-то проказеннымъ. Онъ игралъ съ людьми комедію, и на сценѣ рѣзвился, а зрители рукоплескали. Однажды, вышедъ изъ чертѣня, опважился я спросить его, что все это значишь? „Ничего,“ опвѣчалъ онъ „это моя манера. Слышалъ ли ты о славномъ комикѣ Карленѣ: онъ на Парижскомъ Театрѣ игралъ арлекина, какъ будто рожденъ арлекиномъ; а за кулиссами и въ частной жизни былъ пресеріозный и спрогихъ правилъ человекъ: ну, словомъ, Кашонъ!“ — И чтобы пресѣчь разговоръ; приказалъ мнѣ ийти съ порученіями къ Генералу опъ Кавалеріи Вилиму Хрисшофоровичу Дерфельдену.

Въ Варшавѣ поутру явилось къ побѣдипелю многочисленное собраніе, Одна знатная, Польская, рѣдкой красопы дама, оплично уважаемая, спояла въ шопѣ.

Онъ шотчасъ бросился къ ней, съ симъ восклицаніемъ: „Чпо вижу я? о чудо изъ чудесъ! на прекраснѣйшемъ небѣ два солнца!“ Протянулъ два пальца къ ея глазамъ, и ну ее цѣловать. Послѣ сего, на парадахъ, на балахъ, вездѣ казалась она ему, и возносила его. — Александръ Васильевичъ доказалъ симъ, чпо онъ зналъ дамское сердце, и зналъ, кому сдѣлать шакое привѣщствіе.

Дюкъ де - Полиніякъ приходитъ въ Варшавъ къ Суворову, и величъ шотчасъ о себѣ доложитъ. Занятый дѣлами, Фельдмаршалъ, желая дать ему почувствовать шакую неперпѣливостъ, не выходитъ болѣе часа изъ своего кабинета. Вдругъ выбѣгаетъ съ крикомъ, нагнувшись, придерживая свой живошъ: „О проклятая колика! она съ часъ задержала васъ. Какъ мнѣ это больно.“ И началъ съ нимъ разговаривать при многочисленномъ собраніи. Въ продолженіи разговоровъ, Полиніякъ плюнулъ въ плашокъ. Тутъ ошкочилъ отъ него Графъ; началъ кричать, харкать, плевать на полъ. Прощка шотчасъ подалъ чистый плашокъ Дюку, а заплеваный взялъ въ

мыслью. Подполковникъ Тищенко окури-
валъ его камильницею съ ладономъ со
всѣхъ сторонъ. Равнодушная при сей це-
ремоніи неподвижность Полиніяка, споль-
ко повравилась Графу, что они послѣ
сблизидись.

Подымаясь на Сен - Готаръ съ по-
слѣднимъ напряженіемъ силъ, увидѣли мы
вдругъ возвышающееся на ледовитой,
снѣжной вершинѣ ужасной горы сей зда-
ніе. Сердце у каждаго изъ насъ вострепе-
нулось отъ радости. Мы какъ будто
увидѣли предѣлъ нашему, уже исполне-
вающемуся упомленію. Здѣсь шопъ Ка-
пуцинскій Монастырь, гдѣ иноки, посвя-
тившіе себя Богу, дають убѣжище спран-
никамъ; опыскивають въ пропасняхъ,
съ помощію чужья приученныхъ своихъ
собакъ, замерзшихъ, опогрѣвають и оп-
таиввають гдѣ ихъ, и не рѣдко возвра-
щаютъ имъ жизнь. Мы были встрѣчены
Наспоашелемъ и брашнєю сей, толкими
Богоугодными дѣлами освященной обите-
ли, въ церковномъ ихъ облаченіи. Наспоа-
шель, семидесятилѣтній масшиный ста-
рецъ, украшенный сѣдинами и длинною

бородою, съ огненными блестящими очами и благоговѣніе вдыхающимъ челою, приглашалъ пресварълаго, изнемогшаго нашего вождя въ келью для отдохновенія. „Ныпъ! Свяшый отецъ,“ воскликнулъ онъ „я и всѣ сіи мои дѣлши, подвижающіеся за алтарь Господень, поминемъ голодомъ; но веди насъ во Храмъ, да воспоемъ хвалу Спасшему насъ! а попомъ уже въ прапезу.“ — Молебствіе началось; и кшо изъ насъ не пролилъ съ опцемъ нашимъ, преклонившимъ колѣна, чистыхъ слезъ благоговѣйнаго глубочайшаго благодаренія шому Неисповѣдимому, Котораго десница вознесла насъ изъ пропащей на сей верхъ столба — небснаго, лучезарнаго бадахина Своего. — Въ прапезѣ, блюда съ карпифелемъ и горохомъ, и какая-то рыба, пресыпили насъ лучше всѣхъ праносшей обѣихъ Индій. И какое зрѣлище! . . . два спарца, Суворовъ и Пріоръ, сблизились сердцами, какъ будто бы они вмѣстѣ соспарѣлись и посѣдѣли, безпреспанно другъ друга обнимали. Кропкій Священнослужитель разговаривалъ съ нимъ шю по - Нѣмецки, шю по - Французски и по - Италіански. Вдругъ пришла Александру Васильевичу мысль, заспавитъ меня гово-

ришь по - Лашыни. Кое-какъ жалкимъ сло-
гомъ на семь мершвомъ языкѣ прогово-
ришь я нѣсколько словъ; а чшобы скрышь
свои недоспапки, вздумалъ опыгращъ-
ся стихомъ изъ Энеиды, казавшимся мнѣ
приличнымъ нашему подоженію. Памяшь
мнѣ не измѣнила — воць онъ :

*Per varios casus, per tot discrimina rerum
Tendimus in Latium, sedes ubi fata quietas ostendunt.*

III. е.

Мы сквозь грозу июликихъ напастей пропу пробиваемъ
Въ Лаціумъ, гдѣ намъ судьбы покойную жизнь указуюшь.

Гдѣ я оспановидся, памъ ученый
мужъ началъ продолжашъ нѣсколько спи-
ховъ, и показалъ, чшо онъ юноспъ свою,
болѣе нежели я мою, согрѣвалъ подѣ
Ціципическимъ, яркимъ солнцемъ Вирги-
дія. — Въ продолженіи разныхъ разгово-
ровъ, рассказывалъ Пріоръ, чшо по дѣ-
шопцисямъ монастырскимъ, Русскіе, по-
чши полшора сполѣтїя назадъ, посѣпи-
ли Сен - Готаръ (*). „И шакъ,“ ошвѣчалъ

(*) См. IV-ю часть Древней Россійской Вивліонки,
главу VI: Спапейный списокъ посольства Дворянина и
Боровскаго Намѣстника, Василя Лхачева, во Флорен-
ци, въ 7167 (1659) году. Въ любопытномъ журналѣ
сего, ошправленнаго Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ,

Графъ „мы спускали по слѣдамъ давно въ Бозѣ усопшихъ прадедовъ нашихъ. Не оспалось ли здѣсь изъ нихъ умершаго; мы бы воспѣли ему вѣчную память.“ — „Нѣтъ,“ отвѣчалъ Пріоръ. — Къ концу объѣда началъ Александръ Васильевичъ возноситься похвалами челоуѣколюбивые подвиги сихъ монашеспвующихъ, и сожалѣнь, что они безпрестанно подвергаются несчетнымъ трудностямъ и опасностямъ. „Не жалѣйте о насъ, благодѣтельный Герой;“ прервалъ рѣчь его Пріоръ. „Не рѣдко стаканъ воды жаждущему, кусокъ хлѣба голодному, утѣшительное слово горюющему, нѣсколько капель лекарспва больному, приобрѣшали намъ довѣренность и любовь спасеннаго, и дѣлали насъ его благодѣтелями. А съ чѣмъ сравнится душевная радость, какую мы ощущаемъ, когда видимъ мало по малу опшавшающаго, оживающаго замерзшаго. То-

посольства, сказано между прочимъ слѣдующее: „Марта во 2-й день спавъ былъ въ гостинницѣ въ селѣ Ролѣ (Ролѣ), въ Швейцарской землѣ; а ѣхали между превеликихъ высокихъ горъ, и доѣхали до высока спѣжня горы Сангушары. (Сен - Гошаръ). Тутъ жили три дни по великое заговѣнье; а жили для того, что дѣлали чрезъ эту горы дорогу; а по нашъ прѣздъ чрезъ эту году Сангушаръ, никто не бывалъ.“

гда въ трудности, въ опасности забыты. Мы повергаемъ предъ Пресполомъ Творца, сподобившаго насъ быть орудіемъ Своея благоспешіи — воскрешашь. Тогда и самыя эпѣ обнаженныя скалы и бурныя спихи, и вся мертвѣющая здѣсь природа являющія намъ безспрашными, предельными.“ — Тушъ, съ изліяніемъ сердечныхъ чувствъ, воскликнулъ Суворовъ: „Нѣшъ, вы истинно великіе Христіанскіе Герои, нещадящіе живоша для спасенія спраждающаго человечества. Вашему сердобольному благоприарѣшю вѣрляю я своихъ браньевъ, погибшихъ въ вашихъ пропашяхъ. Вы, вознесясь надъ земнымъ, близки и душою вашею и обипелію къ небесамъ. Богъ да хранишъ васъ!“ — Войско отдохнувъ, укрьпивъ себя пищею, низверглось съ молишвою въ жовыя зіяющія пучины.

Князь Александръ Васильевичъ не могъ увидѣшъ бѣднаго или нищаго, чпобы не сдѣлашъ ему подаенія. А такъ какъ у него никогда не было при себѣ денегъ, и счешовъ своимъ приходамъ и расходамъ онъ во всю жизнь не чипалъ:

тно весьма часто занимать у предстопявшихъ. Однажды, въ продолженіи объѣда, вошелъ нечаянно въ горницу девяностолышній нищій, приходившій ежедневно къ хозяйкѣ дома за подаваніемъ. Увидя многочисленное собраніе, онъ испугался, и хотѣлъ-было уйти. Но Князь вскочилъ самъ, усадилъ его и угацивалъ. Тотчасъ занялъ нѣсколько червонцевъ, велѣлъ сдѣлать складчину. Русскіе щедрѣ:—спарець со слезами признашельности удалился. Тупъ съ чувствительностию произнесъ онъ: „Добрыя друзья мои! кто теперь благополучиѣ, сей ли спарець, получившій отъ насъ дары, или мы, подкрѣпившіе болѣзненную его дряхлостъ? Тогда шолько, когда человекъ просираще на помощь ближнему руку, удобляется онъ Творцу. Дивлюсь;“ продолжалъ онъ „вездѣ благотворныя заведенія; а нищета не уменьшается.“ Но когда у него въ другой разъ просилъ милоспыни здоровой, то онъ велѣлъ купить ему топоръ, сказавъ: „Руби дрова: не умрешъ съ голоду.“

При вступленіи войскъ нашихъ въ Испалію, Испаліянцы не выходили никогда изъ домовъ своихъ безъ кинжаловъ, спряпанныхъ подъ плащами, и пошчасъ, при малѣйшемъ оскорбленіи, закалывали на улицахъ. Фельдмаршалъ прекратилъ зло сіе немедленно, опредѣливъ строжайшее наказаніе тому, у кого найдено будетъ какое-либо смертоносное орудіе. „Мечъ“ сказалъ онъ „обнажается со славою полько на защиту опечесшва; въ рукъ убійцы или дуэлиста, онъ — позорное орудіе прусоспи.“

Суворовъ ничѣмъ пакъ не гордился, какъ пѣмъ, что во всю жизнь свою разбивалъ вездѣ непріятеля многочисленнѣйшаго, меньшими силами, и всегда говаривалъ: „Въ Александрѣ великое было то, что онъ малою силою испребилъ миллионы Персовъ.“ За то никогда не сердился пакъ много, какъ когда въ періодическихъ сочиненіяхъ ложно увеличивали его войско, а непріятельское уменьшали. И въ семъ не прощалъ онъ и Дюмасу, Издастелю *Précis des événemens militaires*. Топчасъ продикшовывалъ съ жаромъ въ за-

мѣпкѣ возраженіе для помѣщенія въ газетпахъ. „У эшого наемника Испорика два зеркала: одно увеличительное для своихъ, а уменьшительное для насъ. Но потомство разобьетъ въ дребезги оба, и выславитъ свое, въ которомъ мы не будемъ назашься Пигмеями.“

Въ Прагѣ, въ Богеміи, прихожу я послѣ обѣда къ Генералиссимусу съ бумагами, и слышу, что онъ очень громко съ кѣмъ-то разговариваетъ по-Нѣмецки. Чшобы не нарушить бесѣды, подождать я съ часъ; наконецъ вхожу, и вижу его бесѣдующаго съ раненымъ, сидящимъ, Австрійскимъ солдатомъ. Онъ разцѣловалъ его, и оппустилъ. „Эшо“ обращаюсь ко мнѣ: „Гуссишъ, или теперь называющійся Богемскій Братъ (Böhemischer Bruder). Давно желалъ я подробнѣе узнать о сей сектѣ.—Онъ пересказывалъ мнѣ словесныя преданія о сожженномъ въ Костницѣ, по приговору папашняго Собора, основателѣ ихъ ученія, Іоаннѣ Гуссѣ, и о многихъ любопытныхъ обстоятельствевахъ и гоневіяхъ, которыя они потерпѣли за свою вѣру.— Я благодарю теперь Бога, что ни-

когда такая реформаціонная горячка не носычала нашего Опечесива: всегда Религія была у насъ во всей чистотѣ, и кто не знаетъ, что Сынъ Божій никогда не повелывалъ мечемъ, или огнемъ, насильственно крестить жидовъ, или язычниковъ? — И въ Турціи, въ праздномъ моемъ уединеніи, заставлялъ я полковать себя Алкоранъ, и увидѣлъ, что Магометъ пекся не о Царствіи небесномъ, а о земномъ. Намъ предоспавлено увидѣть новыи, также ужасный, феноменъ: политическій фанатизмъ!!! но на чужбинѣ, прибавь. Мы теперь опзываемся въ опчизну. Спокойствіе — удушье. Такъ лицина на моръ бываетъ предвѣстницею бурнаго урагана. Такъ, пльющій подь пепломъ уголь угрожаетъ сокрушить все пламенемъ. Запиши последнее для Графа Ѳедора Васильевича Ростопчина. “Такъ предугадывалъ онъ бѣдствія, опспитія Германію опъ войнъ съ Францією!

Когда его въ Линдавъ поздравляли съ переходомъ чрезъ Альпійскія горы, опвѣщивовалъ онъ: „Богъ помогъ намъ

одолеешь ихъ, и пройди сквозь громовыя пучи. Но поможешь ли намъ оповести громовые удары, успрямленные на Престолы?.... Его Святая воля!“

Сказали Графу, въ Ималіи, объ одномъ достойномъ Офицерѣ, помѣшавшемся въ умѣ. Онъ сему не повѣрилъ, и началъ спорить. Послѣ открылось, что онъ разумѣлъ другаго, и тогда сказалъ: „Ну, теперь вижу, что ошибся; а готовъ былъ спорить до завтра, — и вотъ причина: тотъ, котораго я разумѣлъ, не имѣетъ у себя того, что сей пошерялъ. — Жаль! но время ли теперь сходишь съ ума, когда и вся война — хаосъ?“

Одинъ Докторъ совѣтовалъ Князю съѣздить на теплыя воды. „Помилуй Богъ! Что тебѣ вздумалось? Туда посылай здоровыхъ богачей, прихрамывающихъ игроковъ, инпригантовъ, и всякую сволочь. Тамъ пусть они купаются въ грязи, — а я испинно болѣнъ. Мнѣ нужна молитва, въ деревнѣ: изба, баня, кашница и квасъ.“

Разсмапривая причуды простолюдимовъ, кошорья Князь себѣ присвоивалъ, нсльзв не согласисься, что онъ сіе дѣлалъ, чшобы, уподобляясь проспымъ солдапамъ, выигрывать ихъ любовь; въ чемъ онъ и успѣвалъ. Какъ можно повѣришь, чшобы человѣкъ, съ его просвѣщеніемъ, образованносцію, начипанносцію, съ необыкновеннымъ его умомъ, могъ искренно шребовать такихъ странностей, какъ напрымѣръ: чшобы никто изъ солонки у него за споломъ не бралъ соли ножемъ; а, Боже избави! если бы кто подвинулъ солонку къ своему сосѣду, или ему ее подалъ; каждый долженъ былъ опсыпывать себѣ на скашертъ соли, сколько ему угодно, — и многихъ шому подобныхъ. Развязку сему вижу я, кажешся, въ одномъ его разговорѣ: „Александръ Македонскій не сжегъ“ говорилъ онъ: „Аѣинъ для шого, чшобы въ шамошнихъ госпиницахъ говорили о его гаерспвахъ; пусть же и въ солдатскихъ аршеляхъ смѣюшся надъ мойми солдатскими проказами!“ — И подлинно, какихъ небылицъ объ немъ шамъ не услышишь!

Доложили Князю, что пришелъ порпной для снятія съ него мѣрки мундиру Сардинскаго Генералиссимуса. Онъ пошчасъ спросилъ: „Какой онъ націи? Если онъ Французъ, то я буду говорить, какъ съ игольнымъ аршистомъ; если Нѣмецъ, то какъ съ Кандидатомъ, Магистромъ, или Докторомъ Мундирологическаго Факультета; если Италіанецъ, то какъ съ маэстро или виртуозо на ножницахъ.“ Когда узналъ, что Италіанецъ, то сказалъ: „Тѣмъ лучше; я не видалъ Италіанца, хорошо одѣтаго: онъ сошьетъ мнѣ просторный мундиръ, и мнѣ будетъ въ немъ раздолье.“ — Мундиръ сей былъ великолѣпнѣйшій, синій, по всемъ швамъ золотое шитье.

Князь ошмѣнно чнилъ память Великаго Преобразователя Россіи, Петра Перваго. Говоря однажды съ восторгомъ о неупомимо-двѣшальной Его жизни, о многихъ Его пвореніяхъ по военной, сухопутной, морской и гражданской часпамъ, спросилъ, кто изъ насъ былъ на Ладожскомъ каналѣ? На ошвѣтъ, что никто не былъ, сказалъ онъ: „О! такъ вы не

видали Его монумента. Я счастливей васъ: я на мѣстѣ удивлялся сему рѣдкому, чудесному смертному; какъ такія сверхчеловѣческія силы вмѣщались въ голову необразованной, по словамъ Бедлеприсшовъ, ученыхъ воспианіемъ, Здѣсь Подтавскій Герой благошворною десницею мирно соединяетъ двѣ опдаленныя, бурныя рѣки. Природа пугается Его; гласу Его повинуется вода; течетъ, куда Онъ указуетъ, и несетъ на себѣ въ Сполицу сокровища благоданной Россіи. Вошъ куда надобно съѣздитъ Державину; Вопадъ — чудо природы, — здѣсь чудо искусства!

Графъ Федоръ Васильевичъ Роспопнинъ былъ обожателемъ Суворова, что доказываетъ его съ нимъ переписка, въ вѣданной мною Исторіи помѣщенная; и въ письмахъ своихъ ко мнѣ отзывался онъ всегда объ немъ съ величайшимъ восхищеньемъ. Въ одномъ пишеть онъ ко мнѣ: „Участъ ваша завидна; вы служите при великомъ чловѣкѣ. Румянцовъ былъ Герой своего вѣка, Суворовъ Герой всѣхъ вѣковъ.“ Я прочиталъ сіе Клязю. — „Нѣтъ!

опивчай ему,“ сказалъ онъ: „Суворовъ,
ученикъ Румянцова.“ —

Графъ любилъ, чшобы каждаго начальника подчиненные называли по - Русски, по имени и опчеству. Присланнаго опть Адмирала Ушакова иностраннаго Офицера, съ извѣстїемъ о взятїи Корфу, спросилъ онъ: „Здоровъ ли, другъ мой Федоръ Федоровичъ?“ Нѣмецъ спалъ въ пупикъ, не зналъ: о комъ спрашиваютъ. Ему шепнули, чшо объ Ушаковѣ. — „Ахъ! да,“ опомнился онъ, „господинъ Адмиралъ Фонъ Ушаковъ здоровъ.“ — Фельдмаршалъ сказалъ ему съ гнѣвомъ: „Возьми къ себѣ свое Фонъ; раздавай, кому хочешь; а побѣдителя Турецкаго флота на Черномъ морѣ, попряшаго Дарданеллы и покорившаго Корфу, называй Федоръ Федоровичъ Ушаковъ.“

Говорили объ одномъ хитромъ, пронырливомъ Министрѣ. „Ну, такъ что же?“ сказалъ Князь: „я его не боюсь. О хамелеонѣ знаютъ, чшо онъ хамелеонъ: принимаетъ на себя всѣ цвѣшы, кромѣ бѣлаго.“

Князь никогда не отказывался отъ рекомендацельныхъ писемъ для достойныхъ людей. Одно поднесъ я къ подписанію. Онъ подписалъ охотно и съ удовольствіемъ, и, возвращая, сказалъ: „Я написалъ бы иначе, а воощъ какъ: лице его, вывѣска доброй души его, еспль лучшая рекомендація.“—Онъ душевно любилъ погдашняго Полковника, С. С. Кушника, и имѣлъ къ способностямъ его особенную довѣренность. Также не оппустилъ онъ изъ арміи въ Петербургъ безъ рекомендацельнаго письма къ Государю Императору, достойнаго Полковника М. С. Виспицкаго.

Въ Піаченцѣ, одинъ Маркизъ, хозяинъ дома, въ кошоромъ помѣстился Графъ, былъ испинный чудакъ. Въ шипомъ розоваго цвѣща кафшанъ, съ громкимъ хохомомъ не говорилъ, а кричалъ онъ безпрещанно о погодѣ, и поверпывался, чшобы показашъ свой Камергерскій ключъ. Графъ, желая оощъ него опдѣлаться, началъ передъ обѣдомъ чшпашъ: *Отте нашъ*. . . а чудакъ, не понимая, спшалъ аплодировашъ и кричалъ: „браво! браво!“—Суворовъ оспа-

новился въ молитвѣ, обратился къ нему, и сказалъ: „Молчаніе, я молюсь Богу.“ — Кое-какъ мы его выжили. За сноломъ проишь Фельдмаршалъ: „Ради Бога, спасише меня отъ эшаго гоотя, который хуже Тамарина. Онъ измучилъ меня метеорологическими своими разговорами, показывалъ мнѣ ключъ, который не опираешъ и не запираешъ, и вѣрно изъ благороднаго металла, прикрытый золопомъ, какъ и онъ — шишымъ своимъ кашаномъ.“

При подписаніи письма къ Адмиралу Федору Федоровичу Ушакову въ Корфу, приписалъ Графъ что-то премелко, чего я не могъ разобрать. „Не надсѣдайся,“ сказалъ онъ мнѣ: „эшо на Турецкомъ языкъ поклонъ Турецкому Адмиралу.“ После, при свиданіи, увѣрялъ меня Федоръ Федоровичъ, что Турокъ, прочитавъ сіи спрокъ, восхищался, и не хотѣлъ вѣришь, что ихъ написалъ шакъ правильно Русскій.

Князь Александръ Васильевичъ любилъ иногда нюхать шабакъ изъ малой

своей золотой табакерки, утренняя, что
сие облегчавъ головную его боль. Иногда,
посылавъ табакомъ какой-нибудь души-
стый цвѣтокъ, снюхивалъ съ него, и
съ восторгомъ говорилъ: „Вонъ розень!“
Но куренія табака не жаловалъ. „Можетъ
ли быть,“ говорилъ онъ: „что неблаго-
присноймѣ, какъ когда подъ носъ шибъ
подспавашъ шрубку, и окуривають шебя
зловоннымъ омиагомъ?“ — Однажды уви-
дѣлъ онъ курящаго гусара. Ему хотѣли
было запретить; но онъ крикнулъ: „Не
прогайте его; онъ человекъ съ шалан-
томъ; выкуриваетъ шрубку масшерски.
Онъ на войнѣ видѣлъ дымъ баталіонна-
го огня.“ — И поскакалъ онъ него прочь.

Разговаривая о музыкѣ, одинъ Генера-
ль дѣлалъ свои замѣчанія, что надле-
жало бы уменьшить число музыкантовъ
и умножить ими ряды. „Нѣтъ,“ отвѣчалъ
Князь: „музыка нужна и полезна, и надоб-
но, чтобы она была самая громкая. Она
веселитъ сердце война; равняетъ его
шагъ; по ней мы панцуемъ и на самомъ
сраженіи. Спаракъ съ болѣею бодро-
стію бросается на смерть; молокосоъ,

опирая со рта молоко маменьки, бѣжитъ за нимъ. Музыка удваиваетъ, упроняетъ армію. Съ Крестомъ въ рукѣ Священника, съ распущенными знаменами и съ громогласною музыкаю взялъ я Измаиль! “

По прибытіи въ армію Фельдмаршала, узналъ онъ, что Французскій Главнокомандующій, Шереръ, сдалъ свое начальство Генералу Моро, и удалился въ Парижъ. „И здѣсь вижу я“ сказалъ онъ; „перснѣ Провидѣнія. Мало славы было бы разбишъ шарлапана. Лавры, которые похитимъ у Моро, будущъ лучше цвѣсти и зеленѣть.“

Опличительное въ Князѣ было то, что, проказничая, если смѣю сказать, былъ онъ всегда серіозенъ, и никогда не улыбется, какъ будто бы все это въ порядкѣ вещей. Въ Прагѣ, напримѣръ, пустился онъ въ панцы; люди въ право, а онъ въ лѣво; шакою зашѣлъ куперью, сумашоху, шшурмъ, что всѣ окакали, прыгали и сами не знали куда. По окончаніи панцовъ, подбѣжалъ онъ ко мнѣ, и съ важностію сказалъ: „Видѣлъ ли ты, какъ

я возстановилъ порядокъ; забыли курсъ, шенъ, шоссе.“ — „Какъ же! видѣлъ,“ опивчалъ я: „какъ вы возстановили шоссе.“ — И онъ побѣждалъ опъ меня.

На возвратномъ пути изъ Швейцаріи въ Россію, на свяпкахъ, въ Прагъ, провелъ Князь время очень весело. Онъ завелъ у себя на банкетахъ свяпчныя игры: фаншпы, жмурки, жгушпы, пляски и проч. Мило было смопрѣшь, какъ пресшаръльый, съдой Военачальникъ бѣгалъ, плясалъ, мѣшался въ полпѣ своихъ подчиненныхъ, и съ какою точностію исполнялъ шо, что ему назначалось дѣлать, когда его фаншпъ былъ вывущъ. Всѣ знашнѣйшія Богемскія дамы, Авспрійскій Генераль Графъ Беллегардъ, Англійскій Посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ Лордъ Миншо, и множество иностранныхъ, пупались въ нашихъ проспонародныхъ играхъ. Мы всѣ восхищались, были въ шо время, какъ будто на родинѣ. Но это была послѣдняя пѣснь лебеда на водахъ Меандра: въ Краковѣ ожидали его немощи, и пѣлесныя и душевныя, ускорившія кончину зваменной его жизни.

Знаменишность подвиговъ Героевъ вѣковъ Греческихъ и Римскихъ одушевляла. Военачальника нашего къ шѣмъ высокимъ идеямъ, копорыя украшали его жизнь. Бесѣдовашь о ихъ славѣ, была его спрасчь. Вычерпну полько каплю изъ Океана. Одаренный счастливою, необыкновенною памяшью, онъ часто пробѣгалъ мысленно галерею сихъ великихъ безсмертныхъ, и предъ каждымъ изливалъ свои мысли. Такъ, оспановясь на Эпаминондѣ, произнесъ: „Чпу его, за его смѣлосць и швердосць: „Хорошо,“ сказалъ онъ, когда его осудили на казню: „я заслужилъ смершь; но изсѣките на камнѣ моемъ: *Оивяне казни-ли Эпаминонда за то, что онъ научилъ ихъ побѣждать при Левктрѣ Спартанцевъ, и, даровавъ Греци свободу, симъ низложили гиду злобы, на него устремленную.*“ „Онъ, доспойно подражанія, не лгалъ ни въ бездѣлицѣ, ни въ дѣлѣ, ни въ шупкахъ, и заслужилъ отъ Испориковъ (*) своихъ хвалу, чпо никакой порокъ не запашналъ его.“

(*) См. Корнелія Непота.

По прибытіи въ армию Генераль-Мейпенапта Ребиндера, назначеннаго Командантомъ въ Мальту, Фельдмаршалъ встрѣшилъ его сими словами: „Здравствуй, другъ Ребиндеръ; ты поплывешь на шопъ островъ, гдѣ нѣкогда Каликса хотѣла хитраго Улисса уловить въ свои овыя. За тебя я шакже не боюсь: у тебя не успоить и желѣзная клѣпка. (Ребиндеръ былъ необыкновенный силачъ). Ты, нашъ Голиаѳъ, будешь сподать съ храбрыми своими рыцарями на шой неприслупной Средиземнаго моря скалъ, которая нѣсколько вѣковъ издѣвалась надъ Турецкимъ кѣлоссомъ, и была щипомъ Хреспіянству. Но прежде оспавайся съ нами; сперва побьемъ здѣсь безбожныхъ.“ — Генераль Ребиндеръ опличился въ Испаліа и Швейцаріа, какъ-шо извѣшно изъ реляцій и изъ моей Испоріа.

Съ дамами былъ Князь забавно учтивъ. Онъ слѣдовалъ насшавленію Лорда Чесперфильда сыну своему: хвалилъ прелестн каждой дамы безъизъяпія. И онъ, бесѣдуя съ ними, уменьшалъ всегда ихъ годы. Такъ, когда въ Миланѣ одна прид-

цапилишня Дюшесса представила ему двѣнадцатилѣтнюю свою дочь, прищворился онъ, будио не вѣришь. „Поми-луйте, Сударыня,“ сказалъ онъ: „вы еще сами молоденькая, прелестная дѣвушка.“ Когда онъ узналъ отъ нее, что она съ мужемъ въ разводѣ, то вскрикнулъ: „Я еще не видалъ въ свѣтѣ чудовища; пожа-луйте покажите мнѣ его.“

Генераль отъ Кавалеріи В. Х. Дерфельденъ, шрицати пяти лѣтній экзаменншій Суворова соупникъ, бесѣдуя съ нимъ, описывалъ ему прелести и роскоши Италіанской природы живыми красками: „Правда, другъ мой,“ отвѣчалъ Графъ: „климатъ прелестенъ, но развратъ страшень!“ и шолчасъ продиктовалъ слѣдующую замѣтку: „Подъ всякимъ другимъ, умѣреннымъ небосклономъ, воздержаніе есть добродѣтель; но оно чудо изъ чудесъ здѣсь, гдѣ дышатъ воздухомъ между огневзрыгающею Этною и знойными, горючими ея окрестностями, которыя Снеаксъ, въ Адиссоновомъ Брушѣ, изображаетъ съ такою силою; здѣсь, подъ такимъ огненнымъ небеснымъ поя-

сожъ, гдѣ солнце раскаливаетъ скалы въ извѣстѣ, и гдѣ не кровь, а купоросъ и кипучая сѣра спремительно разливаются по жиламъ; здѣсь, гдѣ природа заманиваетъ къ нѣгѣ въ очаровательномъ саду своемъ; здѣсь, сыны Сѣвера, крѣпитесь, мужайтесь, одолевайте климатъ, и помните Аннибалово войско въ Капуѣ!“

Я поднесъ Графу опъ одного Генерала просительное письмо, объ опредѣленіи его въ армію, написанное прекраснымъ, опланнымъ слогомъ, шакъ что не могъ ему сего не замѣтить. „Да, хорошо написано,“ сказалъ онъ: „но мнѣ нужны вонны, а не Миниспръ. Мой Баграціонъ шакъ не напишетъ; за то имѣетъ присутствіе духа, распорочность, отважность и счастье. Умъ его образованъ болѣе опытомъ, нежели теоріею. Въ бесѣдѣ съ нимъ, его не увидишь. Но онъ исполняетъ всѣ мои приказы съ точностію и успѣхомъ. Вошь для меня и довольно.“

Одинъ Принцъ обѣдалъ у Генералиссимуса, и удивилъ его, и насъ всѣхъ, своимъ

аппетишомъ. Всякое блюдо, такъ ска-
зашь, имъ пожиралось и исчезало. Князь
смопрѣлъ съ изумленіемъ. На другой
день не могъ онъ позабышь сего посѣще-
нія и сказалъ: „Ну, спасибо Его Свѣшло-
спи; онъ первый изволилъ опдашь спра-
ведливоспъ искѹспву повара моего, Миш-
ки: ѣлъ, какъ будшо у него нѣпъ желуд-
ка. Онъ не подходипъ подъ Указъ Петра
Перваго, обѣ опшускѣ прожорамъ двухъ
пайковъ, для него мало и чешырехъ.“ Чрезъ
нѣсколько дней вздумали подшупипъ и
сказашь Князю, что Принцъ опашь
угрожаепъ споль его своимъ посѣщені-
емъ. „Напрасно Свѣшлѣйшій изволипъ
безпокоинпся, — я его видѣлъ. Съ нимъ
надобно выкинушь пословицу нашу: не будь
госпю запасенъ, а будь ему радъ.“

Князь всегда говаривалъ, что у него
семь ранъ: двѣ, полученныя на войнѣ, а
пяшь — при Дворѣ, или политическія.
И сіи пяшь, по его словамъ, были гораз-
до мучипельнѣе первыхъ.

Всѣ начальствовавшіе арміями, полу-
чали при Императрицѣ Е к а т е р и н ѣ въ
мирное время Генераль-Губернапорскія мѣ-

ста, какъ-то: Графъ Румянцевъ-Задунайскій, Князь Пошешкинъ - Таврической, Графъ Салтыковъ, и другіе. Въ разсужденіи Суворова, вѣрно было его спросить, какія Губерніи онъ пожелаетъ. Ошвѣпъ его былъ слѣдующій: „Я знаю, что Машушка - Царица слишкомъ любитъ Своихъ добрыхъ подданныхъ, чтобы мною наказатъ какую-либо Свою Провинцію. Я размѣрю силы свои съ бременемъ, какое могу поднять. Для другаго не въ могу Фельдмаршальскій мундиръ.“ — Послѣ сего отзываетъ онъ пожалованъ Подполковникомъ Лейбъ - Гвардіи Преображенскаго полка, и сіе опмичіе принялъ съ благоговѣнною признашельностію.

Графъ приказывалъ мнѣ читать Сюллія записки. Я увѣрялъ его, что читалъ ихъ, и дѣлалъ даже выписки по повелѣнію Государыни Императрицы Екатерины, по бытности моей при особенной Дипломатической Ея перепискѣ, подъ начальствомъ Князя Безбородко. „Этого мало,“ говорилъ онъ: „мы будемъ читать опять, швердитъ наизустъ въкъ Генриха. Сцена перемѣнилась. Новые акте-

ры, новые ужасы. Но Франція существуетъ. “ — Я доспалъ книгу сію въ Туринѣ; онъ ее взялъ, чипалъ, и вдругъ ночью присылаетъ за мною, съ повелѣніемъ, сказать мнѣ, что имѣетъ сообщить нѣчто мудрое. Я являюсь: онъ меня сажаетъ; перо, чернила и лоскупокъ бумаги на столъ. „Переведи поскорѣ сію безцѣнную спашью великаго друга и наставника Царей, Сюмлія, “ — указавъ мнѣ мѣсто. Я принялся за переводъ. Такъ какъ у меня лоскупокъ пошъ сохранился, то для любопытства помѣщаю его здѣсь. „Причины паденія и ослабленія Монархій, “ говоритъ Сюмлія въ запискахъ своихъ: „суть: непоимѣрныя налоги, особливо единопоржіе хлѣбомъ; незаботливость о торговлѣ, хлѣбопашествѣ, художествахъ и ремеслахъ; слишкомъ великое число чиновниковъ и издержки на содержаніе ихъ; неограниченная власть ихъ, которые занимаютъ мѣста въ Государствѣ; значительные расходы; медленность и неправосудіе въ судопроизводствахъ; праздность и расточительность, со всѣми принадлежащими къ нимъ развратомъ и порчею нравовъ; запушанности въ соотношеніяхъ присутствен-

*

ныхъ мѣстъ между собою; передѣлка мнѣшны; неблагоразумныя и незаконныя войны; слѣпая довѣренность къ недостойнымъ лицамъ; предубѣжденія въ пользу нѣкоторыхъ только сословій и ремеслъ; корысполюбіе Министровъ и ихъ любимцевъ; презрѣніе къ ученымъ; першимость худыхъ обычаевъ; нарушеніе хорошихъ законовъ; упорная привязанность къ маловажнымъ или вреднымъ обыкновеніямъ; множество другъ другу проповорѣчащихъ постановленій и бесполезныхъ узаконеній.“ Кончивъ, оппустилъ онъ меня, съ извиненіемъ, что испорчь меня изъ объятій Морфея. Я поклонился, ибо это не въ первый разъ.

На походѣ нашемъ къ Турину, выѣхалъ опшуда на встрѣчу Суворову бывшій той Столицы Королевскій Генералъ-Губернаторъ, Графъ Сент-Андре, мужъ, почтенный сѣдинами и опытами долговременнаго служенія Сардинскому Престолу. Александръ Васильевичъ обрадовался такому полезному приобретенію; тотчасъ выбѣжалъ къ нему, съ сими словами: „Я опдаюсь вамъ; будьте мо-

имъ Мевпоромъ. Покажите мнѣ Италію, сіе наслѣдіе славы двухъ спольнѣй, копорой попомки должны ишпи по неизгладимымъ никогда слѣдамъ ихъ Героевъ предковъ. Я вижу шеснадцать милліоновъ жишелей, раздѣленныхъ между собою различными законами, обычаями, закоренѣлою народною ненависпю. Да будещъ между ими политическое единство! да будущъ они планетами одного Россійскаго и Австрійскаго солнца, одинъ духъ, одинъ шпыкъ! Вошъ нашъ Геркулесовъ подвигъ: *non plus ultra*.“ — Графъ Сент-Андре долго не могъ опомнишься. Наконецъ произнесъ: „Послѣ всего шого, что я слышу, я вашъ плѣнникъ, вашъ рабъ. Приказывайте мнѣ, великій человекъ!“ — Достойный старецъ признавался, что онъ воображалъ увидѣнь совѣтъ другаго Суворова. Тотчасъ оба они подружились, и соспавили дальновядные планы. Но политическіе виды оные испровергли, и дали шогдашнимъ дѣламъ совѣтъ другое направленіе.

Спарожилы въ Новой Ладогѣ помилнѣ и расказываютъ, что Князъ Алек-

сандръ Васильевичъ, находясь тамъ Полковникомъ Аспраханскаго полка, учредилъ училище для солдатскихъ дѣтей, на своемъ иждивеніи выстроилъ для онаго домъ, былъ самъ учителемъ Ариемешки, и сочинялъ учебныя книги, какъ-то: молишвенникъ, краткій Капехизисъ и начальныя правила Ариемешки. Рукописный молишвенникъ мнѣ показывали. Можно себя представишь, какою любовію плашили ему опшцы, за воспитаніе дѣтей своихъ.

Изъ Петербурга получилъ я въ Богеміи, на возвращномъ пути изъ Швейцаріи въ Россію, сочиненіе: *Изображеніе Князя Италійскаго*. Сочинитель, подписавшійся: *Истинно Русскій*, просилъ меня убѣдительнѣйше, поднести оное нашему Герою. Долго выжидалъ я удобнаго для сего времени, и наконецъ успѣлъ въ Прагѣ. Надобно было видѣть, какія движенія дѣлалъ Князь, когда я чиналъ: по вскочивъ со спула, по повернется назадъ, по вскрикнетъ: ахъ! охъ! ай! ай! разбой! караулъ! и ш. п. По окончаніи, просилъ онъ всѣхъ не вѣривъ этой ле-

ести; но мы всё увѣрили его, что сіе изображеніе есть чистое изліяніе Русскаго сердца. Вотъ оно:

Изображеніе Князя Италійскаго.

Духъ истиннаго любомудрія, наславилъ его съ юныхъ самыхъ лѣтъ пренебрегать мнѣніемъ людей, и довольствоваться заключеніемъ попомства. Предавшись военной славѣ, онъ посвятилъ ей все: богатство, покой, забавы, любовь и даже родспвенническое чувствіе.

Душа, обуреваемая славолубіемъ, могла ли вмѣстѣ какой-нибудь родъ нѣжности? Однако же извѣстно, что онъ былъ вѣрный другъ.

Суворовъ похожъ единственно самъ на себя: непоколебимъ съ сердитымъ нравомъ; веселъ, даже въ глубокихъ размышленіяхъ; непреклоненъ въ исполненіи слова, даннаго даже врагу; безъ малѣйшаго чувства къ пустымъ насмѣшкамъ, которыхъ онъ видно съ умысломъ не чуждается, дабы занять вздоромъ вниманіе зависти, и шѣмъ отдалить ея пронырства.

Онъ взятія Глогау въ семилѣтнюю войну и разбитія Ламопа Курбьера, зарі

его подвиговъ, онъ безпрестанно грѣмѣлъ, до разсыпанія имъ Царства Польскаго.

За пѣмъ Суворовъ - Рымникскій замолкъ; но сей безвременный покой не долженъ продолжиться. Покой всеобщій разрушается. Самъ адъ дохнулъ на Сѣверъ.

Уже пожаръ мнпежей все обращаетъ въ пепелъ, и грозишь Столицѣ слабосильныхъ Кесарей.

Напрасно всѣ почти Скипетры спали на уперти врагу: все вездѣ унываетъ!

Единъ Царь бодрствуетъ на пятой долѣ міра; единъ, спокойно обозря всѣ концы Своего достоянія, со власнію еназаль: „Да узряшь Мой флагъ вокругъ Европы; а ты, Суворовъ, вонми прошенію Князя Князей Германскихъ, и спупай за Вѣру и челоѳчество, за Мою и твою славу!“

И Суворовъ двитнулся какъ другой Цинцинашъ, и явился въ Ипалію, какъ нѣкое Божество, съ горспію соопщичей; но съ колоссомъ своихъ мыслей и дарованій.

Минчію, Адигъ, Требія, Нови, Сен-Гошаръ, Тейфельсбрикъ, Гларисъ; ты, храбрый и злосчастный Макдональ; вы, шполь прежде славные, Моро, Жуберъ,

Массена. Довольно васъ именовать. Блаженъ, кто на Суворова не идетъ!

Суворовъ достигъ предмета, и шеперь сталъ выше всѣхъ жребій и времени.

Желалъ ли онъ почестей? — онъ почти обремененъ ими. Хотѣлъ ли одной славы? — онъ въ ней погруженъ. И проч.

Замѣтя опличную распоропность и храбрость въ одномъ унтеръ-офицерѣ Союзныхъ войскъ, велѣлъ Фельдмаршалъ пошчасъ представить его въ Офицеры. Но что же? — получается въ отвѣтъ на нѣсколькихъ большихъ листахъ нота, въ кошорой излагаются причины невозможности удовлетворить сему желанію, въ разсужденіи того, что означенный унтеръ-офицеръ не изъ дворянъ, и не выслужилъ срочныхъ лѣтъ. Въ подкрѣпленіе сего приведены были законы, воспрещающіе шаковое производство. Оскорбленный Графъ, вырываетъ у меня бумагу, и бросаетъ ее на полъ, съ симъ восклицаніемъ: „Боже мой! я начальникъ арміи, и не могу бытъ ея опцемъ и благодѣтелемъ. Дарованіе въ чловѣкѣ есть брилліантъ въ корѣ. Отыскавъ его, надоб-

но поплчасъ очиспишь и показашъ его блескъ. Таланпъ, изъ полпы выхваченный, преимуществуесть предъ многими другими. Онъ всѣмъ обязанъ не породѣ, не искусству, не случаю и не спаршинству, но самому себѣ. Спаршинство есть большею частію удѣлъ посредственныхъ людей, копорые не дослуживаюся, а доживаютъ до чиновъ. О, немогузнайка — нхпбешшимзагець! Ныпъ, родимая Россія! сколько изъ унперовъ возделъела ты Героевы!“ — Весь эшошь день былъ Графъ скученъ и сердитъ.

Опъ Фельдмаршала было приказаніе, предспавлять ему лично каждого солдата, копорый опличился или храбростію, или какимъ-нибудь рѣдкимъ поешупкомъ, и часто шакихъ обнималъ, цѣловалъ и пощивалъ изъ своихъ рукъ водкою. Въ сраженіи при Требін, полку Ферспера солдапъ Миспрофановъ взялъ съ своимъ товарищемъ прехъ Французовъ въ плѣнъ. Они опдали свои кошельки, часы и все, что имѣли. Миспрофановъ привлелъ, и возвратилъ имъ нѣсколко денегъ на кормъ. Подбѣжавшіе наши

солдаты хопѣли - было ихъ въ ярости изрубить; но Мипрофановъ не допустилъ, сказавъ: „нѣтъ, ребята; я далъ имъ пардонъ. Пусть и Французъ знаетъ, что Русское слово швердо.“ Послѣ съ поварищами раздѣлилъ добычу. — Мипрофановъ былъ пошчасъ представленъ, и на вопросъ Суворова: „кто тебя научилъ быть такъ добрымъ?“ отвѣчалъ: „Русская азбука: С. Т. (слово, твердо), и словесное Вашего Сіятельства намъ поученіе. Солдатъ—Христіанинъ, а не разбойникъ.“ Съ воспоргомъ обнялъ его Фельдмаршалъ, и пусть же на мѣсць произвелъ въ уншеры.

Когда Фельдмаршалу доложили, что Союзное войско ропщетъ на вводимый въ ихъ службу новый порядокъ, отвѣчалъ онъ: „На это сморѣшь не должно. Филиппъ, Король Испанскій, велѣлъ выноситьъ изъ Мадрида всякую нечистоту, отъ которой едва не сдѣлалась зараза. Вся Столица противу сего возопила; но Король сказалъ: „Это младенцы, которые плачутъ, когда ихъ обмываютъ; за то послѣ спятъ они крѣпкимъ сномъ.“ — И Мелась умолкъ.

Фельдмаршалъ ѣдидъ верхомъ въ Италію мимо Церкви. Архіепископъ, въ облаченіи со кресломъ, возгласилъ: „*Sto Sol!* остановись солнце! И солнце спа и не иде на западъ.“ Онъ топчась соскочилъ съ лошади, и бросилъ цѣловать крестъ; престарѣлый, лѣтами согбенный Архіепископъ продолжалъ: „Я остановилъ тебя, спасишь алтарей нашихъ, на пути Христіанской славы швоей словомъ Іисуса Навина; а теперъ произреку тебѣ: и ты предъидеши предъ лицомъ Господнимъ уготовати пути Его, и дашь разумъ спасенія Его людямъ.“ — Внезапность сего явленія, столь потрясла все бытіе Суворова, что, проливая слезы, обнялъ, разцѣловалъ онъ Архипастыря; но не могъ произнести ни слова.—И о семъ благочестивомъ мужѣ не постыдились ненависники славы Россіи разглашать, яко бы онъ показывалъ свою жестокость и надъ Священнослужителями! (*)

(*) Въ разныхъ иностраннхъ газетахъ распространяли, будто Суворовъ приказывалъ при себѣ наказывать жестоко Римско-Католическихъ духовныхъ. — Но когда? гдѣ? и при комъ?

Князь не хотѣлъ никогда имѣть подъ ружьемъ болѣе ста тысячъ войска. Онъ почиталъ сіе доспащочнымъ для вшорженія въ Парижъ; но жаловался, что шеперь у него шолько горсть людеѣ. „Нѣтъ!“ возразилъ нѣкто: „ваша армія величайшая. Вы забыли громаду мыслей и силъ Суворова! забыли, какъ его превыспренность преобразуетъ годы въ мѣсяцы, а мѣсяцы во дни.“ — „Уймешься ли ты,“ сказалъ онъ: „а то я убѣгу.“ — „Бѣгите,“ отвѣчалъ попъ: „мы видѣли вашъ побѣгъ на Минціо, Адигъ, Требію, Нови, Сен-Гопаръ, Тейфельсбрикъ, Гларисъ.“ — „Чудесная память!“ вскрикнулъ Генералиссимусъ, и завелъ другой разговоръ.

По распечашаніи одного пакета на имя Генералиссимуса, нашелъ я на него пасквиль, въ копоромъ онъ разруганъ. Называютъ его варваромъ, Вандаломъ, одѣпымъ въ окровавленную львиную кожу, и пр. и пр. Долго колебался я, донесли ли о семъ Князю? Наконецъ рѣшился, и прочиталъ ему. Онъ разхохотался, и сказалъ: „Охъ! какое слабое орудіе Яко-

близма. Не можно ли напечатать эту бранную бумагу?— она посмѣшила бы публику.“ И при семъ случаѣ показалъ, что онъ превыше всѣхъ насмѣшекъ и ругательствъ; ибо велѣлъ ее чистить всѣмъ.

Не могу не повторить здѣсь анекдота, который такъ живо изображаетъ доброту души Суворова. Во время двухъ лѣтняго его въ Херсонѣ пребыванія, познакомился онъ на вечеринкѣ съ сестрою знаменитаго нашего Адмирала Круза. Онъ узнаетъ, что мужъ ея, Капитанъ перваго ранга Вальрандъ, разжалованный вѣчно въ мажоры, проживалъ съ нею здѣсь. Тронутый несчастнымъ положеніемъ сей благовоспитанной дамы, приглашалъ онъ ее всегда къ себѣ на банкеты, и шанцовывалъ съ нею. Въ день отъѣзда своего въ армію, сядя въ кибитку, сказалъ онъ ей: „Молись Богу; Онъ услышитъ молитву твою!“ — И, по взятіи Варшавы, пишетъ въ Пешербургъ: „Знаю, что Машушка - Царица меня наградитъ. Но величайшая для меня награда — помилованіе Вальранда.“ — И Вальрандъ опять Капитанъ перваго ранга, и умеръ Генераль-

Маіоромъ. Я молчу. Какими словами возносишь такую добродѣтель! . . .

У Графа было обыкновеніе, что когда начнушь его хвалишь, то онъ, починная хвалу за лешь, закроетъ глаза, запрыгаетъ и убѣжитъ. Но ученый и доспойный Авспрійскій Генераль-Кварширмейстеръ Цахъ, съ которымъ любилъ онъ бесѣдовать о военномъ искусствѣ и котораго называлъ онъ Генераломъ *sans façon*, схвативъ его однажды, не выпустилъ изъ горницы. Разговорились, что каждый народъ храбръ и имѣлъ свои эпохи славы. „Правда,“ сказалъ Александръ Васильевичъ: „такими были Греки подъ предводительствомъ Ѳемиспокловъ и Аристидовъ, Римляне при Сципіонахъ и Цезаряхъ, Гунны при Аппилъ, Турки при Магометъ и Баязетъ, Французы при Конде и Тюренъ, Авспрійцы съ Валенштейномъ и Евгениемъ, Пруссаки при Фридрихъ, Англичане подъ начальствомъ Малборука...“ — „А Русскіе и мы“ прервалъ Цахъ его рѣчь: „подъ начальствомъ Суворова?“ Графъ замѣшался, вскрикнулъ: „Какъ! и Капонъ, мой Цахъ, начинаешь мнѣ

льстишь? “ и хопъль было бѣжать. —
„Никакъ!“ ошвѣчалъ шопъ съ Германскою
важностію, не выпуская его изъ рукъ: „За
чѣмъ репируетесь вы ошъ истины, до-
казанной современною нашею Исторіею?
Скажу болѣе, и льстишь не буду: всякій,
вами наименованный народъ, подъ жезломъ
вашимъ, былъ бы побѣдоносень, попому
что вы—Герой всѣхъ вѣковъ и всѣхъ на-
родовъ!“ Графъ долженъ былъ усѣсться.

У Фельдмаршала случилось много
значныхъ эмиграншовъ, копорые въ за-
пуски говорили о своихъ пожертвованіяхъ
въ пользу несчастнаго Короля. Онъ
прослезился при воспоминаніи о добродѣ-
тельномъ Государѣ, падшемъ ошъ зло-
дѣйской руки своихъ подданныхъ, и ска-
залъ: „Жаль, что во Франціи не было
Дворянства. Этошъ щипъ Престола за-
щипилъ въ Спрѣлецкій бунтъ наше-
го Помазанника Божія.“ И всѣ вдругъ
умолкли.

Когда ошъ Кардинала Руффо, Главно-
командующаго Христіанскою въ Нижней

Италіи получено было извѣстіе, что при содѣйствіи Россійскихъ военныхъ силъ, подъ начальствомъ Капитана второго ранга Сорокина, взятъ Неаполь, но Фельдмаршалъ воскликнулъ: „Итакъ, вопль и другая Пареннопейская Республика исчезла съ лица земли, и она лежитъ теперь во гробѣ съ сиреною Пареннопеею, въ честь которой получила сіе названіе. Гдѣ же то древо водности, которое Французы обѣщали водрузить на пламенномъ Везувіи? О, хвастунишка!“ — Кардиналъ, въ письмѣ своемъ, приписывалъ сей успѣхъ единственно побѣдамъ Суворова: ибо онъ оплевалъ всѣ силы Макдональда къ Требій, и сей дожженъ былъ оставить въ Неаполитанскихъ обласняхъ только малочисленные гарнизоны. Выписку изъ описанія о бывшемъ въ Неаполѣ ужасномъ кровопролитіи, отъ самовидца присланную, читалъ я въ слухъ. Фельдмаршалъ содрогался. Вопль она: „По вступленіи войскъ въ Неаполь, Калабрійцы буйствовали съ безпримѣрною кровожадностію: убивали безъ пощады всѣхъ, кто только носилъ имя Якобинца, и невинно и произвольно; грабили дома; несповсцовали съ небре-

спными женами и безвинными дѣтьми. Больше двухъ тысячъ домовъ были раззорены. Христiанская армія въ ужасахъ превзошла революціонную. Во многихъ улицахъ жарили плѣнныхъ, подымали ихъ на шпыки. Были чудовища, которыя сосали кровь изъ убитыхъ. Съ великимъ трудомъ удержалъ Руффо отъ пожара хлѣбныя магазейны, въ которыхъ спрятались до 600 пашрiотовъ. Русскіе смотрѣли съ омерзѣніемъ на такую безчеловѣчiя. Они не оспавались хладнокровными эрипедами: бросились, испортали невинныя жертвы изъ рукъ убійцы, и симъ героизмомъ въ челоуколюбiи покрыли себя славою, кошорая въ лѣтописяхъ здѣшнихъ пребудеть вѣчною.“ — Тунъ Фельдмаршалъ вспалъ, перекрестился и сказалъ: „Трусые всегда жестокосерды.“— По полученiи извѣстiя объ удаленiи изъ Неаполишанскаго Королевства Французовъ, Кардиналъ Руффо проеперь свои завоеванiя, дабы приблизиться къ центру революціи. Онъ сосредоточилъ войско, изъ 30 п. состоящее; выступилъ съ онымъ изъ Калабрiи, и занялъ важный приморской городъ Салерно, кошорый оцстоитъ только въ семи

миляхъ отъ Неаполя. Въ то самое время отрядилъ Адмиралъ Э. Э. Ушаковъ изъ Корфу Капитана Сорокина, съ 5 фрегатами, 1 корветною и 4-мя канонерскими лодками, въ Адриатическое море. Сія флотилія въ короткое время овладѣла приморскими городами: Бриндизи, Бари и Манфредонією; высадила на берегъ 500 человекъ войска, копорые, подъ предводительствомъ Капитана Белли-Фоджа, повсюду разрушали республиканскіе знаки; испребляли Якобинцевъ, и, по приведеніи чрезъ нѣсколько дней всей Андалузїи въ повиновеніе Королю, соединились съ Руфо и всступили въ Неаполь.

Когда Князю предлагали взять къ себѣ въ главную кварширу другаго Священника, проповѣдника, гораздо ученѣйшаго, то онъ не согласился на сіе, сказавъ: „Нѣтъ! пусть остается при мнѣ спарый. Иной проповѣдуетъ съ горячимъ языкомъ, но съ холоднымъ сердцемъ.“

Получено извѣстіе о паденіи при Дворѣ одного Министра. „Я этого ждалъ;

•

сказалъ. Князь Александръ Васильевичъ, и, взявъ перо, написалъ слѣдующее: „Фортуна воздвигаетъ колоссъ, подножіе котораго изъ глины. Она опшела ему у себя уголокъ шолько для постоя, а не въ вѣчное попомспвенное владѣніе. Я зналъ, что своенравная сія хозяйка, сперва его приголубитъ, а послѣ прогонитъ. Бѣда безъ Фортуны, но горе безъ шаланша! Изгваніе Ариспида, присужденное Оспракизмомъ, дало добродѣтели его тѣмъ бѣольшую знаменитость. Вотъ разница между Ариспидомъ и нашимъ Анпишамбриспомъ.“

Одинъ Полковникъ, разсуждая о предстоявшихъ военныхъ предпріятіяхъ, осмѣлился предложить Фельдмаршалу планъ отдѣльнымъ операціямъ своего полка. „Воюй, Полковникъ; твоя успѣхъ будетъ эпизодомъ въ Исторіи. Но планъ Главкомаандующаго есть Исторія его жизни, и — славы всего его войска.“

Въ пылу Новійскаго сраженія доносятъ Фельдмаршалу, что въ сію мину-

шу убить Маіоръ Корфъ, котораго онъ зналъ и любилъ еще въ Польскую войну. Онъ перекрестился, прослезился и воскликнулъ: „Вѣчная память достойному, храброму Корфу! Завидна смерть на полѣ брани за Отечество. Будемъ молимыя за упокой души его; но да не прогнѣвимъ ропшомъ Бога, сошворшаго насъ смертными. Его Свяшая воля!“ — Далъ шпоры лошади, и полетѣлъ за побѣдою.

Какъ врагъ дессаншовъ, Князь Александръ Васильевичъ рассказывалъ, что еще въ деревнѣ своей, Канчанскѣ, смѣялся онъ надъ предполагаемою Бонапартомъ высадкою въ Англію: „Я“ говорилъ онъ: „называлъ ее тогда же вшорою послѣ Гибралтара ренетиціею шрагико-комической военной драмы, которая никогда не будетъ разыграна. Въ Гибралтарѣ, Кридлонъ далъ безсмертную знаменитость Элліоту; а съ собою увезъ орамъ и позоръ. Отсюда же уплылъ Бонапарте въ Египешъ. Такъ оканчивающя дессаншы!“

Князь Баграціонъ рассказывалъ за столомъ у Генералиссимуса объ одномъ

спаромъ, заслуженномъ, рѣдкаго поведе-
нія полку его солдашъ, копорый при-
несъ ему пяшь червонныхъ, съ сими сло-
вами: „Этиъ деньги dospались мнѣ, при
раздѣлѣ добычи, опъ моихъ поварищей;
но Богъ послалъ ихъ девяностолѣщ-
нымъ родителямъ моимъ въ Нижего-
родской Губерніи. Сдѣлайте Милоспъ, Ва-
ше Сіяшельспво, прикажите ихъ къ нимъ
туда опправитъ по сей надписи.“ Чшо
Князь попичасъ и исполнилъ. Александръ
Васильевичъ, восхишясь симъ поступкомъ,
велѣлъ привести солдаша, и, разцѣло-
вавъ его, произнесъ: „Спасибо тебѣ, Хри-
спіяннинъ, чшо ты помнишь заповѣдь
Божію: чши опца и маперъ твою.“
Узнавъ, чшо онъ былъ съ нимъ въ Ту-
рецкихъ и Польскихъ походахъ, вскрик-
нулъ Князь: „Давай мнѣ за него дюжину
рекрутъ; — вѣптъ, мадо, и сотни не возъ-
му. Поздравляю шебя унперомъ.“ — „Бла-
годарю, Ваше Сіяшельспво,“ отвѣчалъ
солдашъ: „я не грамошнй, служилъ рядо-
вымъ, прикажите мнѣ умереть въ ря-
дахъ.“ — Суворовъ, обращаься ко всѣмъ,
сказалъ: „Гдѣ эшо услышимъ?“

Князь любилъ ходить часпо между солдашъ, въ солдашской курткѣ, или въ изодранной своей родипельской шинели, и былъ всегда доволенъ, когда его не узнавали. Тупъ бывали съ нимъ верѣдко весьма забавныя встрѣчи, которыя если описывать, то надобно писать новую книгу его анекдотовъ. Часто находили его въ арміи спавшаго на повалѣ съ солдашами. Такъ однажды закричалъ въ слѣдъ Фельдмаршалу, бѣжавшему въ солдашской проспой курткѣ, присланный опъ Генерала В. Х. Дерфельдена съ бумагами сержантъ: „Эй, спарикъ, поспой! Скажи, гдѣ приспалъ Суворовъ?“ — „Чортъ его знаетъ,“ — отвѣчалъ онъ. „Какъ!“ вскрикнулъ сержантъ: „у меня опъ Генерала къ нему бумаги.“ — „Не отдавай,“ былъ вшорой опвѣтъ: „онъ теперь или размерпвецки пьянъ, или горланитъ пѣпухомъ.“ Тупъ посланный поднялъ на него палку, и вскрикнулъ: „Моли ты Бога, спаричишка, за свою спаросшь; не хочу и рукъ марасть; шы видно не Русскій, что такъ ругаешь нашего опца и благодѣшеля.“ Суворовъ — давай Богъ ноги. Черезъ часъ возвращаенся онъ домой. Сержантъ, узнавъ его, хочешъ

бросишься къ его ногамъ; но Графъ, обнявъ его, сказалъ: „Ты доказалъ любовь ко мнѣ на дѣлѣ: хочешь поколошнить меня за меня.“ — и изъ рукъ своихъ пощипывалъ его водкою.

Также и въ Финляндіи, идучи на Чухонской щельгѣ, не успѣвъ Суворовъ по тамошнимъ узкимъ дорогамъ сворошнить, какъ вдругъ оттолкнувшійся съ нимъ курьеръ ударилъ его пребольно плетью. Лежавшій съ нимъ Адъютантъ его, Курисъ, поднялся и хотѣлъ было закричать, что это Главнокомандующій, какъ Суворовъ, зажавъ ему ротъ, сказалъ: „Тише! тише! курьеръ, помилуй Богъ, дѣло великое!“ — По прибытіи въ Выборгъ, узнаетъ Курисъ, что курьеръ шопъ былъ поваръ Генералъ - Поручика Германа, отправлявшійся съ курьерскою подорожною за провизіею въ Пещербургъ, и донесъ о семъ Графу, который произнесъ: „Ну что же? Мы оба поперяли право на самисфакцію, потому что оба *вхали инкогнито*.“

Въ прошлую войну съ Турками, Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, объѣзжая чаопи вѣренныхъ ему войскъ, завхалъ къ Полковнику Соболевскому, командовавшему тогда часпю Арнаушъ, расположенныхъ въ лагеръ при рѣкѣ, и, спрося прежде объ имени Полковника, вошелъ къ нему въ палатку и сказалъ: „Здравствуй Иванъ Володиміровичъ! Много ли Турокъ за рѣкою?“ Полковникъ (родомъ изъ Сербовъ), бывъ приведець въ замѣшательство такимъ нечаяннымъ вопросомъ, шѣмъ болѣе, что никогда еще не видывалъ Суворова, отвѣчалъ: „Не могу додожишь.“ При семъ отъзывъ Суворовъ закричалъ: „проклятая немогузнайка!“— приказалъ потчасъ куришь, какъ можно болѣе, въ палаткѣ, и вскорѣ, сѣвъ на казацкую лошадь, поскакалъ изъ лагеря, приказавъ припомъ Полковнику Соболевскому слѣдовать за собою, а находившемуся при немъ, Полковнику Курису, велѣлъ между шѣмъ наставлятъ Соболевскаго. Отъѣхавъ попомъ нѣкоторое разстояніе, подозвалъ къ себѣ Соболевскаго, и опять спросилъ его: „Много ли Турокъ?“ Сей отвѣчалъ: „Много, Ваше Сіятельство.“ Тогда Суворовъ выговаривалъ Курису, что онъ худо наставлялъ Ивана

Володиміровича; велѣлъ продолжати на-
спавленія, и поѣхалъ далѣе. Дорогою без-
престанно и громко бранилъ Соболевскаго,
и иногда Куриса, за худое наспавленіе. Не-
однократно спрашивалъ, наспавилъ ли
Ивана Володиміровича? При опзывѣ сего о
исполненіи, повпорядъ: „еще наспавляй.“
Послѣ чего, оптѣхавъ нѣсколько верспъ,
остановился возлѣ дерева, и, подозвавъ къ
себѣ Соболевскаго, сказалъ: „Знаешь ли,
что ты надѣлалъ? Ты сказалъ, что
Турокъ много; я напишу къ Князю П...,
чтобы присылалъ болѣе войска, потому
что Иванъ Володиміровичъ говоритъ:
много Турокъ; Князь напишетъ къ Ма-
тушкѣ - Царицѣ; Императрица принужде-
на будетъ дати Указъ о рекрутскомъ
наборѣ, все потому, что Иванъ Володи-
міровичъ говоритъ: много Турокъ. Вотъ
что ты надѣлалъ!“ — Послѣ сего разго-
вора, приказалъ Соболевскому взлѣсти на
близъ стоящее дерево, обозрѣти непрія-
тельскій лагерь, и счесати по возможности
число палатокъ Турецкихъ; что поспъ
и исполнилъ. Тогда Графъ Александръ Ва-
сильевичъ сказалъ: „По числу палатокъ
положимъ число людей, ошибемся не-
многимъ; для тебя много и пани шы-

сячь, а мнѣ мало и спа пмысль,“ — и съ симъ уѣхаль.

Генераль К... представиль Князю семилѣтняго сына своего, крестника Суворова, мальчика избалованнаго, прерѣзваго, который началъ прыгать и скакать по спудьямъ; отецъ его унимать, а Александръ Васильевичъ уговаривать онца: „Оспавъ его, пусть шалишь и рѣзвился. Это меня шѣшишь. Скоро, ахъ! скоро поблекнешъ сей золотой безъ золоша возрасъ, при первомъ звукѣ слова: *этикетъ*. Тогда прощай невинная! просшоша и веселоспъ младенчешва!“

Однажды Князь, разговорясь о самомъ себѣ, спросилъ всѣхъ, у него бывшихъ: „Хотище ли меня знашь? Я вамъ себѣ раскрою: меня хвалили Цари, любили воины, друзья мнѣ удивлялись, ненависпники меня поносили, при Дворѣ надо мною смѣялись. Я бывалъ при Дворѣ, но не Придворнымъ, а Экономъ, Лафонпеномъ: шупками и звѣринымъ языкомъ

говорялъ правду. Подобно шуту Балакиреву, который былъ при Петрѣ Первомъ и благодѣшельствовалъ Россіи, кривлялся я и корчился. Я пѣлъ пѣпухомъ, пробужалъ сонливыхъ, угомонялъ буйныхъ враговъ опечесива. Если бы я былъ Цезарь, то спарался бы имѣть всю благородную гордость души его; но всегда чуждался бы его пороковъ.“—И обратясь ко мнѣ, прибавилъ: „Запиши это для Исторіи.“

Князь Г. А. Попемкинъ безпрестанно назывался къ Александру Васильевичу на обѣдъ. Графъ всячески опѣигрывался; но наконецъ вынужденъ былъ пригласить его съ многочисленною свитою. Тотчасъ призываетъ къ себѣ искуснѣйшаго при Князѣ мепрдошеля, Матоне; поручаетъ ему изготовить великолѣпнѣйшій столъ, и не щадить денегъ; а для себя велѣлъ своему повару, Мишкѣ, пригото­вить два пспныя блюда. Столъ былъ самый роскошный, и удивилъ даже самого Попемкина. Рѣка виноградныхъ слезъ, какъ Суворовъ въ одномъ письмѣ своемъ пи­пически опзывался, несла на себѣ пр­носпни обѣихъ Индій. Но онъ, кромѣ

своихъ двухъ блюдъ, подъ предлогомъ нездоровья и поспя, ни до чего не касался. На другой день, когда мепрдошель принесъ ему счетъ, проспиравшійся за пысячу рублей, то онъ, написавъ на ономъ: *я ничего не тѣлъ*, ошправилъ къ Князю, который потчасъ заплашилъ и сказалъ: „Дорого споншъ мнѣ Суворовъ!“

Князь, увидя нечаянно шабакерку съ изображеніемъ одного лица, ему и многимъ ненависнаго, отбросилъ ее, и сказалъ: „Ахъ, какъ я испугался! За чѣмъ не изобразилъ живописецъ его спящимъ? Въ минушы сна, и шигръ бываешь добръ и не вредишь.“

Однажды Князь за обѣдомъ вдругъ дѣлаеть себѣ вопросъ: „Что естъ глазо-мѣръ?—быстрый обзоръ всѣхъ предполо-щихъ предметовъ, для примѣрнаго опре-дѣленія числа и величины ихъ. На войнѣ възвай на дерево, какъ я при Римникѣ. Я увидѣлъ непріятельскій лагерь, мѣ-стоположеніе, и поздравилъ себя на дере-вѣ съ побѣдою. Для этого, (взглянувъ на

меня) вооруженные очками глаза не годятся. “ Я вспаль и поклонился ему за правду. „Сиди, не безпокойся!“—сказалъ онъ.

Когда опть Вице - Адмирала **Ө. Ө. Ушакова** получено было извѣстiе о взятiи Флопомъ Корфу, вскрикнулъ Князь: „**Великiй ПЕТРЪ** нашъ живъ! Чпо Онъ, по разбитiи въ 1714 году Шведскаго Флопа при Аландскихъ островахъ, произнесъ, а именно: *Природа произвела Россiю только одну: она соперницы не имѣеть!*— ипо и шеперь мы видимъ. Ура! Русскому Флопу.— Генрихъ IV-й написалъ знаменитому Крилону: *Повтсься, храбрый Крилонъ; мы побѣдили при Аркѣ (Arques)! а тебя тамъ не было!* Я шеперь говорю самому себѣ: „Зачѣмъ не былъ я при Корфу, хопя Мичманомъ?“

Бывъ, въ городѣ Вишау, свидѣтелемъ прогашельной сцены, я описалъ ее, и Г. Анцингъ, выпросивъ у меня, помѣспилъ анекдотъ сей въ своей Исторiи. Вошъ онъ:

Добрая, благородная душа Князя имѣла особенную привязанность къ малымъ

дѣшамъ; и тогда же самый человекъ, котораго въ день сраженія подобился перуну раздраженнаго божества, при слабости и несчастномъ имѣлъ всю чувствительность нѣжнѣйшаго сердца. При возвращеніи его изъ Испаніи чрезъ Моравію, былъ онъ встрѣченъ въ городѣ Вишау тамошнимъ Оберъ-Амманомъ Комиссаромъ Целинкою, Вургомиспромъ Зауликомъ и городскимъ Синдикомъ Баеромъ, при игрании на трубахъ и листаврахъ. Его Силтельство, будучи весьма доволенъ таковою нечаянною встрѣчею, обнялъ ихъ и пригласилъ къ столу, во время коего Герой нашъ пилъ за здравіе Ихъ Императорскихъ Величествъ, Павла I и Франца II. — Въ продолженіе стола двѣи Оберъ-Аммановы пришли съ другими дѣшми, и, пропѣвъ въ похвалу ему кантапу вмѣстѣ съ инструментальною музыкою, поднесли ему разные плоды, какъ малый даръ, не имѣя лучшаго. При сей сценѣ показались опъ радости слезы по лавишамъ достопочтеннаго и съдинами украшеннаго мужа, лобызавшаго съ усердіемъ многократно всѣхъ бывшихъ тутъ дѣшей. Потомъ, посадивъ за столъ во кругъ себя небольшой хоръ сихъ пѣв-

цовъ, самъ ихъ попчивалъ, и давалъ каждому мальчику пишь изъ своей рюмки. Почши полшора часа разговаривалъ онъ съ одними своими маленькими госціями, увѣщавая ихъ, бышь добродѣшными и благочесшными; онъ рассказывалъ имъ шакже и о собшвенныхъ своихъ дѣшяхъ, и, въ продолженіе разговора, очень часто показывались на глазахъ его радосшныя слезы. „Сегодня“ повшоралъ онъ неоднократно: „самые пріашнѣшше у меня за шоломъ госши. О, невшносшь! и я, любезныя мои дѣшш, буду скоро на васъ походишь. Вы для меня шоль прелесшны, чшо не могу съ вами разшашься.“ И въ самомъ дѣлѣ, Его Сіашедьство просидѣлъ за шоломъ цѣлый часъ болѣе обыкновеннаго.

Въ Павіи приглашали Графа посѣшшь Универсшпешскую Библіошечу, но онъ отговоришь недосугами; а обратясь ко мнѣ, сказалъ: „Сходи посмошрвишь свѣ макулашурный магазейнъ. Скольшо милліоновъ гусей должны были посшавляшь свои перья! Какой черцильный океанъ долженъ бышь раздѣшсь, чшобы бѣлое

сдѣлашь чернымъ! Но скажи мнѣ, чію Суворовъ въ Варшавѣ не былъ Омаромъ въ Александріи: онъ не сжегъ Библіотеки, но поднесъ сей плодъ оружія опечеству.“

Разговорясь съ Графомъ Сентъ-Андре о славномъ Тюренѣ, спросилъ его Князь: „На кого похожъ Тюренъ?“ — Тотъ отвѣчалъ: „На Суворова: и онъ и Суворовъ могутъ сказать: non omnis morior, pl. e. не весь умираю.“ — Это шакъ понравилось Александру Васильевичу, что за обѣдомъ нѣсколько разъ повпорялъ онъ тихонько про себя: non omnis morior. Вельмъ было мнѣ записатьъ; но я отвѣчалъ: „Такая истина не изглаживается изъ памяти.“

Одинъ Генералъ любилъ ходить въ пучкѣ, что было противно тогдашней формѣ. Князь боялся за него, чтобы онъ за то не подвергнулся непріятностямъ; но уважая его лѣта и службу, не имѣлъ духу, ему запретить. Однажды сказалъ онъ мнѣ при немъ: „Узнай подъ рукою, не крошется ли въ пучкѣ нѣтъ подѣ

вучкомъ что - нибудь важное? “ И подобными разными шупками довелъ онъ его до того, что онъ началъ носить фирменную косу.

Въ упорныхъ и рѣшительныхъ сраженіяхъ бывають такія минуты, когда обѣ стороны, по невольному дѣйствію сердца человеческого, ощущають слабость средствъ своихъ, бесполезность напряженій и силъ испощенія. Наблюденіе сей единственной минуты доставляешь успѣхъ и славу. Суворовъ однимъ взоромъ усмапривалъ движеніе рядовъ и душъ Русскихъ воиновъ. Къ сей минутѣ нравственнаго ослабленія у него былъ всегда запасъ. Въ самомъ жару сраженія подъ неприсупными высопами Нови, Суворовъ увидѣлъ сіе расположеніе душъ; немедленно отдавъ приказъ къ нанесенію непріятелю послѣдняго удара, и, когда всѣ войска двинулись, Герой сказалъ: „Великъ Богъ Русскій! — я побѣдилъ Мора!“

Нѣкоторые Полководцы умѣли побѣждать, а не умѣли пользоваться побѣ-

дою. Суворовъ и удачу враговъ употреблялъ въ пользу себя. Когда подавъ былъ знакъ къ переправѣ чрезъ рѣку Адду, въ то самое время нѣсколько опважныхъ Русскихъ Гренадеровъ бросились на суда, неуспрашимо принялись за весла, и по темнотѣ ночи, въ нѣсколько минутъ пропали изъ виду. Вскорѣ съ противнаго берега услышали беспорядочную пальбу: разные огни засверкали сквозь кустарники. Прозорливый Суворовъ шопчасъ догадался, что непріятель зажегъ передовыя суда. Опасность Русскихъ воиновъ, переплывшихъ за Адду, обратилъ онъ въ предвѣстіе побѣды. — „Съ нами Богъ!“ вскричалъ Герой: „богатыри овладѣли берегомъ; они зовутъ насъ. Не выдадимъ своихъ! впередъ! съ нами Богъ!“

Суворовъ, встрѣпясь съ однимъ Генераломъ, по стремленію невольной запальчивости, сдѣлалъ ему жестокій выговоръ, и вдругъ, смягча голосъ, продолжалъ: „Я говорилъ вамъ какъ раздраженный Начальникъ, теперь буду говорить, какъ другъ и отецъ. Я знаю все: вѣромство и нагъна предади насъ въ руки

неприятелей. Богъ възыщеть съ ныхъ...
Если можно не вспоминайте никогда о
прошедшемъ.“

По окончаніи Италійской кампаніи,
приказалъ мнѣ Генералиссимусъ узнать,
былъ ли въ продолженіе оной кто-либо
наказанъ за нарушение подчиненности? Ког-
да, по полученіи справокъ, донесъ я Его
Сійшельству, что ни одного не было, что
онъ съ воспоргомъ вскочилъ и возблаго-
дарилъ Бога. „Теперь,“ сказалъ: „узнаю я
наше Русское войско. Сей подчиненности
обязанъ я своими побѣдами, ибо что
есть войско безъ провиненія и какимъ
образомъ могутъ толпы вооруженныхъ
людей направляемы быти безошибочно
къ назначаемой цѣли безъ власти, раз-
дѣленной между постепенными Началь-
ствами? Запиши: „Ноша службы легка,
когда дружно поднимающъ ее многіе. Нѣтъ!
Греки и Римляне съ нами не равняются.“

Положивъ 16-го Апрѣля 1799 года
переправиться чрезъ бысприю рѣку
Аду, кошорой крупныя берега вездѣ бы-

ли укрѣплены башшарелми, — Суворовъ сказалъ: „Побѣда, слава и безопасность воевъ нашихъ зависящъ ошъ сего подвига. Медленность наша умножитъ силы непріатели; быспрота и внезапность разстроитъ его и поразишъ. Широша рѣки не съузишся, высокая береговъ не понизишся; Русскій Богъ сиденъ! Съ Нимъ перелешимъ полешомъ богащырскимъ; съ Нимъ побѣдимъ!!!... Ура!“ — и Русскіе за Аддою.

По взятіи Милана, нѣкоторые Австрійскіе Генералы предспавили Суворову, что послѣ прехдневнаго съ непріателиами дѣла войска заслуживающъ, что бы имъ дано было хопя малое опдохновение. Въ опвѣщъ на то, Суворовъ ошдалъ въ приказѣ: *впередъ!*

Расказывали про кого-то, кошорый любилъ копировашъ Суворова, подражая ему въ образѣ жизни, окачивающъ водою, бѣгающъ, прыгающъ, и ш. п. — Александръ Васильевичъ началъ: „Зачѣмъ старичѣкъ меня корчитъ? Мнѣ кажешся, обезьяны

для того и сотворены, чпобы насъ, одаренныхъ разумомъ, опчуждать отъ смѣшнаго обезьянсва. Такъ Спиртанцы испугались, увидя пьянаго Илота. Жалко подражаніе, похвально соревнованіе. Подражаніе есть признаніе въ недостапкѣ собственныхъ своихъ способностей; соревнованіе — порывъ благородной души, которая хочеть выказать оспориваемое у нее преимущество. Подражатель подзаетъ за своимъ оригиналомъ; соревнователь споймъ возмъ него и опбиваетъ у него вънецъ. Тотъ рабъ, сей господинъ. Пусть старинушка, передразнивал меня, смѣшнпъ всѣхъ собою...“

Читали книгу, въ которой сказано, что одинъ Персидскій Шахъ, человекъ впрочемъ кропкаго нрава, ведѣлъ повѣснть двухъ газетчиковъ за то, что они помѣспили въ своихъ лнщкахъ двѣ лжи: „Какъ!“ вскрикнулъ Суворовъ: „только за двѣ лжи? Что если бы такой Шахъ явился у насъ; исчезли бы всѣ господа Европейскіе Журналисты! Не споснпъ бы головы своей и Дюмасу.“

Извѣстный въ Европѣ Пасторъ Лафатеръ прислалъ къ Суворову изъ Швейцаріи въ Ипалію сочиненіе свое, подъ заглавіемъ: *Одно слово свободнаго Швейцарца къ Французской націи*. Въ ономъ описаны всѣ несправедливыя и злодѣйскія поступки *тогдашнихъ* Французовъ. Онъ велѣлъ поспѣшнѣе напечатать нѣскольکو сощъ экземпляровъ для раздачи по Швейцаріи, когда мы туда вступимъ; а слѣдующую спашью выписать для себя: „Французская нація! перестань называться великою націею. Колоссальная величина — не истинное величіе; и пріста миллионъ Кипайцевъ показались бы тебѣ смѣшными, если бы нарекли себя великими. Называй себя малѣйшею изъ всѣхъ націй, или ты должна шептѣть, что всѣ великіе и малые народы тебя признають такою. Французская нація! уснами частнаго человека вопіютъ языки нѣсколькихъ сощъ тысячъ вольныхъ Швейцарцевъ ко всѣмъ народамъ: „Мы еще рабы, рабы, какими никогда не бывали.“— О Лафатеръ долженъ я замѣтить, что покойный Государь Императоръ Павелъ I-й зналъ его лично, и Высочайше предписалъ, взять его въ

Цюрихъ подь особое Россійское покрови-
тельство.

Князь любилъ въ праздные часы рас-
казывать о прежнихъ своихъ походахъ;
но всегда кратко и ошпывлено. Такъ,
говоря о взятіи Измаила, началъ слѣдую-
щимъ образомъ: „Гордымъ Богъ проши-
вится. Три раза посылалъ я требовашъ
сдачи. Чшо же? Получаю отъ Паши оп-
вѣтъ: „Прежде перемѣнишь Дунай свое
„печеніе, прежде низпадешь небо на зем-
„лю, нежели Измаиль сдастся.“ „Вдругъ
гордыня у нашихъ ногъ. Богъ нашъ спа-
ситель; великая Царица на Пресполь;
войско побѣдоносное. Едва успѣлъ ска-
затъ: храбрые воины! два раза подсту-
пали наши къ крѣпости, въ шрестій по-
бѣдимъ со славою: — и ужь чудобогашыри
въ крѣпости!“

По выходѣ изъ Алпійскихъ ущелій,
приближаяся къ городу Куру, увидѣли
мы двухъ быковъ. Вдругъ всѣ бросились,
вмигъ расплащали и раскрошили ихъ,
развели огонь; и каждый, начиная съ Фельд-

маршала, жарилъ самъ кусокъ свой говядины на палочкѣ, или на шпагѣ. Еще и теперь не могу забыть, какъ вкусенъ былъ пошъ кусокъ. Въ то самое время бросается къ ногамъ Суворова спарикъ съ спарухою въ слезахъ, и жалуется на солдатъ, похитившихъ у нихъ скотъ. „Нѣтъ!“ сказалъ онъ, обнявъ его: „мы не разбойники, а голодные; возьми сто червонныхъ, возьми болѣе, сколько хочешь; но не порицай въ грабительствѣ добрыхъ защитниковъ твоей родины. Ты вѣрно эшъ двѣ недѣли былъ сытъ съ твоеимъ семействомъ, а мы не знали хлѣба и умираемъ съ голоду. Богъ будетъ насъ судить всѣхъ: Его безпредѣльное милосердіе помилуется насъ; но твоего жестокосердія къ ближнимъ не оставишь безъ наказанія. Помни, спарикъ, мы всѣ братья. Швейцары — добрые Христиане.“ Слова сіи, произнесенныя съ жаромъ чувствъ, поколебали крестьянина: онъ отказался отъ денегъ, а началъ только просить о караулѣ къ своему дому, который тотчасъ ему и данъ.

Одинъ иностраннѣйшій Генералъ, за спѣхомъ у Суворова, возносилъ его хва-

лами безъ умолку, такъ что наскучилъ ему и намъ всевъ. Подали прежалкій круглый пирогъ, который кушалъ лишь одинъ Александръ Васильевичъ. „Знаете ли, господа,“ сказалъ онъ: „что ремесло льсшеца не такъ - то легко. Лесшь походитъ на эполтъ пирогъ: надобно умъючи испечь, всевъ нужнымъ начинишь въ ивру, не пересолнись и не перепечь. Люблю своего Мишку повара; онъ худой льсшець.“

Спрожайше запрещено было офицерскимъ женамъ слѣдовать за армією. Не смопря на то, многіа переодѣвались въ мужское платье, были съ мужьями своими неразлучно и прыпались олъ Генералиссимуса. Однажды встрѣпился онъ съ такою переодѣшою, и спросилъ: „Кто это такой?“ Ошвъчаюпъ: Капитанъ. „Храбръ ли онъ?“ Ошвъпъ: храбръ. „Да,“ продолжалъ Князь: „знаю его. Онъ, помилуй Богъ, храбръ—въ Амазонскомъ полку.“

Въ одномъ Нзмецкомъ городѣ, когда Князь занимался со мною въ кабинетѣ

своемъ, вбѣгаетъ къ нему преспѣвая хозяйка дома, и, бросаясь къ ногамъ его, кричитъ: „Спасите, Генераль; ваши солдаты грабятъ мой садъ, ломаютъ яблони и ѣдятъ несозрѣвшія еще яблочки. Они всѣ умрутъ,“ — Фельдмаршалъ приказалъ пошчасъ ихъ выгнать; а потомъ, указавъ ей на меня, сказалъ: „Вотъ эщонецъ Генераль, которому приказано смотрѣть за порядкомъ, будетъ за сіе пошчасъ разжалованъ вѣчно въ солдаты.“ — Тутъ появились новыя слезы; добрая спарушка умоляла его о помилованіи меня. Забыты яблочки. Но онъ оспивался непреклоннымъ; сѣлъ и принялся опять со мною за работу. По возвращеніи моемъ въ Канцелярію, она проситъ у меня прощенія, что невинно въ первый разъ въ жизнь свою сдѣлалась виновницею несчастія ближняго. Съ великимъ шолько трудомъ могъ я ее успокоить.

Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна изволила изъявить желаніе, чпобы Суворовъ вступилъ въ переписку съ Шаретомъ, Генералиссимомъ тогдашнихъ Королевскихъ Францу-

скихъ войскъ въ Вандеѣ. На сей конецъ поднесенъ ей былъ на усмотрѣніе прозкъ письмо на Французскомъ языкѣ къ Шарешту, для подписанія Суворову. Государыня, по прочленіи, уничтожила оный, сказавъ: „Не Намъ учить Суворова писать. У Генія свой полешъ и свое перо.“ И тогда удивилъ Графъ высокимъ Французскимъ своимъ краснорѣчіемъ всѣхъ иностранцевъ. Во всѣхъ газетахъ было то посланіе напечатано, какъ образцовое. На прешій день моего вступленія къ нему въ должность, спросилъ онъ меня, читалъ ли я то произведеніе его. Я признался, что нѣтъ. Тутъ онъ шопчасъ вынулъ оное и велѣлъ мнѣ съспъ и перевести по-Руски. Вошъ Французскій подлинникъ Суворова :

Souvorow à M. de Charette, Généralissime des troupes du Roi de France; à son quartier Général.

Héros de la Vendée! illustre défenseur de la foi de tes pères et du trône de tes Rois! Salut.

Que le Dieu des armées veille à jamais sur toi; qu'il guide ton bras à travers les bataillons de tes nombreux ennemis, qui, marqués du doigt de ce Dieu vengeur, tomberont dispersés, comme la feuille qu'un vent du nord a frappé. Et vous, immortels Vendéens, fideles conservateurs de l'honneur des Français, dignes compagnons d'armes d'un héros, guidés par lui, relevez le temple du seigneur et le trône de vos Rois....

—Que le méchant périsse.... — Que sa trace s'efface... —
Alors que la paix bienfaisante renaisse, et que la tige antique des lys, que la tempête avoit courbée, se relève du milieu de vous, plus brillante et plus majestueuse.

Brave Charette, honneur des chevaliers Français. — L'univers est plein de ton nom. — L'Europe étonnée te contemple, et moi, je t'admire et te félicite... Dieu te chérit, comme autrefois David, pour punir le Philistin! Adore ses décrets. — Vole, attaque, frappe, et la victoire suivra tes pas. Tels sont les vœux d'un soldat, qui blanchi aux champs d'honneur, vit constamment la victoire couronner la confiance qu'il avoit placée dans le Dieu des combats. Gloire à Lui; car Il est la source de toute gloire. Gloire à toi; car Il te chérit. Souvorow.

Le premier Octobre 1795. A Varsovie.

Вопъ мой переводъ сего достопамятнаго письма:

Суворовъ къ Г-ну Генералиссимуеу войскъ Французскаго Короля де Шаренту; изъ главной своей кватирры.

Герой Вандей! знаменитый защитникъ вѣры отцевъ своихъ и престола своихъ Государей! Привѣспивую тебѣ. — Господь силъ, да блюдеши тебѣ во всякое время! да направитъ десницу своєю на поражение полчищъ многочисленныхъ враговъ твоихъ, кои опъ единого мановенія перста сего Бога опмсписеля падутъ разъяренные, яко лиешъ, въпромъ сѣвера оппорженный! А вы, безсмертные Вандейцы! вѣрные хранители чести Французовъ!

достоинные сподвижники Героя, вами предводительствующаго! возстановите Храма Господень и престола Государей вашихъ. Нечестивый да погибнетъ и путь его да погребется! Тогда миръ благодѣющій да возродится паки, и древній шебель земли, преклоненный долу, да возснаветъ посреди васъ блистательные и величественные. Храбрый Шаретшъ, честь Французскихъ рыцарей! вселенная исполнена имени швоего; изумленная Европа созерцаетъ шебя; шебъ удивляюсь я, шебя привѣтствую. Богъ избралъ шебя, какъ некогда Давида для наказанія Филистимлянъ. Благоговѣй предъ судьбами Его. Деси на брань, успремись на врага, рази, и побѣда послѣдуешь спонамъ швоимъ! Таковы суть желанія война, копорый, посѣдѣвъ на поляхъ честши, всегда зрѣлъ побѣду, увеличивающую упованіе его на Господа силъ! Слава Ему! ибо Онъ есть источникъ всѣхъ славы. Слава шебъ! ибо ты Ему любезенъ. Суворовъ. Октября 1 дня 1795 года. Въ Варшавѣ.

Сядясь обѣдаль, замѣшилъ Князь, что одинъ молодой Офицеръ пѣснился

свѣсть выше старшихъ, чего онъ весьма не жаловалъ; пошчасъ началъ кричать своимъ языкомъ: „Дисциплина! субординація! высока лѣстница военнаго чиновначалія! Ступени широки!—кто спушилъ выше, пошъ выше-и садился! и проч.“ Чтобы остановить гнѣвъ его, одинъ изъ сидящихъ увѣрилъ Графа, что это былъ молодой человекъ близорукъ и спихолворецъ, и хотѣлъ поближе разсмотрѣть Героя своей поэмы. „Зачѣмъ,“ сказала Александръ Васильевичъ: „не предъувѣдомилъ ты меня? Я думалъ, что онъ маменькинъ баловень; а теперь вижу, что это license poétique. Какъ намъ не служить, когда у насъ въ арміи Барды и Трубадуры сулятъ намъ безсмертіе!“ Просилъ спихотворца-самоаванца принести прочиташъ свою поэму, развеселился и принялся съ аппетитомъ за Мишкины блюда.

Предварительно долженъ я просить у Чашателѣй моихъ снисхожденія, если займу ихъ разговоромъ о весьма забавномъ, но маловажномъ происшествіи: о возложеніи двухъ медалей на камердинера Ге-

пералиссимуса, Прошку, которъй во всей арміи извѣстенъ былъ подѣ симъ именемъ. Напередъ скажу также, что сей Прошка былъ человекъ невоздержный, ограниченнаго ума и дерзкій. Онъ опни-малъ иногда у него шарелку съ кушань-емъ, грубилъ ему. Не смотря на то, Ба-ринъ его, помня, что онъ какъ-то спасъ въкогда жизнь его, снисходилъ къ его не-въжестиву и шушилъ надъ нимъ. Вдругъ сей Прошка удостоивается получить отъ Сардинскаго Короля, Карла Эммануила, двѣ медали, одну съ изображеніемъ Государя Императора Павла Перваго, а другую съ изображеніемъ Короля и съ надписью на Латинскомъ языкѣ: *за сбереженіе здо-ровья Суворова*. Объ на зеленыхъ лен-тахъ. На пакетѣ рескрипта, запечатан-ная большою Королевскою печатью, адресъ слѣдующій: „Господину Прошкѣ, камердинеру Его Сіапельсхва Князя Су-ворова.“— Сей пакетъ внесъ Прошка свое-му Господину съ воемъ, и прослезилъ его также. Тотчасъ за мною посылка. Я являюсь. Съ воспоргомъ кричишь Графъ: „Какъ! Его Сардинское Величество изволилъ обратиться милосивѣйшее свое вниманіе и на моего Прошку! Садись и

пиши церемоніаль завпрешнему возложе-
нію двухъ медалей на грудь Прошки. “
Я сълъ и написалъ; „Первый пунктъ:
Прошкѣ бытъ завпра въ презвомъ видѣ.“ —
Что значить это,“ сказалъ Александръ
Васильевичъ: „я опъ роду не видывалъ
его пьянымъ?“ — „Я не виновашъ,“ ошвѣ-
чалъ я: „если я не видалъ его презвымъ.“
Въ одномъ пунктѣ сказано между про-
чимъ, что, по возложеніи медалей, дол-
женъ Прошка поцѣловать руку своего
барина; но Графъ претовалъ насполя-
пельно, чтобы онъ поцѣловалъ руку
Габеша, уполномоченнаго Королемъ при
Главной Кварширѣ Суворова. На другой
день церемоніаль совершился по пяти
пунктамъ въ почности, кромѣ перваго,
копорый исполненъ съ нѣкошорыми огра-
ниченіями. Также въ концѣ, Габешъ ни-
какъ не давалъ своей руки; Графъ и
Прошка за нимъ гонялись, и едва всѣ
прое не упали. Забылъ я сказать, что
Прошка, въ сей жаркій Ипальясскій
день, былъ въ бархашномъ кафтанѣ, съ
большимъ привѣшаннымъ кошелькомъ,
и уже не служилъ, а споялъ въ опдален-
ности опъ графскаго спула, неподвижно
за споломъ, гдѣ пили какое-то Кипрское,

прокисшее вино, за его здоровье. Нельзя не подивиться, какъ Графъ при семъ забавномъ случаѣ сохранялъ пресерьезное поржественное лице. Такъ мѣшалъ онъ дѣло съ бездѣльемъ, и — это называлъ своею *рекреаціею*.

Опдавая Англійскому курьеру письмо къ Адмиралу Нельсону, Суворовъ сказалъ: „Кланяйтесь другу моему, Нильскому Герою, сказавшему наканунѣ Абукирскаго сраженія: *Завтра я — или Лордъ, или Ангель.*“ (*)

Фельдмаршалъ говаривалъ, что недурно иногда спросить и служивыхъ, съ кѣмъ они хотѣли воевать. Они знаютъ и не ошибаются въ своихъ Начальникахъ. Надобно было однажды опрядить для нападенія на непріятели два баталіона. Онъ подслалъ спросить, за кашницею, солдатъ одного полка, съ кѣмъ бы они хотѣли поработать. Всѣ въ одинъ

(*) Адмиралы въ Англии за победы производятся въ Лорды. Слѣдовательно побѣдитель — Лордъ, или смерть.

голосъ назвали одного Полковника, не смотря, что шамъ были, казалось, гораздо достойнѣйшіе. Онъ потчасъ исполнилъ ихъ желаніе, и дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

Одинъ эмигрантъ насчиталъ Князю Цѣлый кашалогъ недавно изданнымъ книгамъ о военномъ искусствѣ, и казался удивленнымъ, что онъ ихъ не читалъ. „Удивительно,“ сказалъ наконецъ Александръ Васильевичъ: „никогда такъ много не писали о тактикѣ, какъ въ царствованіе Людовика XV: а какую жалкую роль играла въ военной Исторіи Французская армія. Начальники, увы! Субизъ и Клермонъ; — военный духъ: Росбахъ! Минденъ! Забыты вѣки Карла Великаго, Генриха IV, Людовика XIV. Военная ихъ библіотека была очень невелика. Ее украшали тогда имена: Тюреневъ, Конде, Люксанбургъ, Капина, и проч.“

Разговорясь о Государѣ Петрѣ Первомъ, Суворовъ сказалъ: „Я благоговѣлъ къ Нему на Ладожскомъ каналѣ и на Пол-

*

павскомъ полѣ, гдѣ, по повелѣнію блаженной памяти Матушки Екатерины, былъ сдѣланъ почто пошъ самый Его маневръ. По Его слѣдамъ дознался я, что Онъ былъ первый Полководецъ Своего вѣка; мнѣніе мое и Румянцовъ удоспоилъ одобрить.“

Князь показалъ мнѣ однажды приказъ, въ которомъ прописанъ весь его титулъ, какъ - то: Его Сіятельство, Господинъ Генералиссимусъ пакой - то арміи и разныхъ Орденовъ Кавалеръ, Князь, Графъ, и проч. и проч. Онъ все это вымаралъ, написавъ своею рукою: *Суворовъ приказалъ*. — „Не правдали,“ спросилъ онъ меня: „что такъ лучше?“ „Да,“ отвѣчалъ я: „довольно скажешь: *Цезарь приказалъ*, а еще лучше: *онъ приказалъ*. Ибо кто не знаетъ этого *онъ*, которому все повинуются.“ — Князь взглянулъ на меня, и сказалъ съ улыбкою: „Вижу, что ты двѣнадцать лѣтъ служилъ при Безбородкѣ.“

Надобно считъ превратность счастья въ пыльномъ, была всегдашняя его аксіома, и по поводу сего никогда не любилъ онъ принимашь шпагу ошъ попавшагося въ полонъ, а любилъ возвращашь. Тотчасъ опдалъ ее Генералу Серюрье, въ Миланъ, съ сими словами: „Кто ея такъ владѣшъ какъ вы, у шого она не опъ-емлема.“

Увидя жидъ, оспановилъся Князь, сказавъ: „Вошъ и съ Еврейскимъ пашисоннымъ полкомъ сражался я подъ Прагою, и положилъ всѣхъ на мѣспгъ, кромѣ оспорожнаго ихъ Полковника Гиршко, копорый весьма благоразумно оспавался въ Варшавѣ, и опшуда командовалъ. Живъ ли онъ, — спросилъ онъ — но недождавшись поскакалъ. „Напрасный вопросъ — онъ живолюбивъ.“

Храбраго Маіора, Барона Корфа, спросилъ Фельдмаршалъ за споломъ: „Ты съ нами былъ въ Варшавѣ? Чшо ты тамъ видѣлъ?“ — „Ничего, ошвѣчалъ онъ: „кромѣ Вашего Сіапельснва, когда Магисшрашъ

возвратилъ вамъ содержавшихся въ полону 1,376 Русскихъ, 500 Пруссаковъ, 80 Австрийцевъ и въ числѣ ихъ шрехъ Генераловъ нашихъ и шрехъ Членовъ Дипломатическаго Корпуса. Я видѣлъ, какъ съ нихъ снимали оковы, и какъ они вѣливали свои чувства въ объятіяхъ своего спасителя.“ — Суворовъ умокъ и умвльно прослезился.

Безкорыстіе Князя Александра Васильевича было во всю жизнь споль велико, что его по всей справедливости можно названъ Русскимъ Фабриціемъ. И объ нашемъ, какъ о шомъ, сказалъ бы Царь Эпира, Пирръ: *прежде совратится съ теченія своего солнце, нежели сей Римлянинъ съ пути честности.* Онъ радовался, когда войску доставалась богатая добыча, но никогда въ раздѣлъ ея не участвоваль, безпреспанно повшоряя: „Къ чему мнѣ? я и пакъ награждаюсь не по мѣрѣ заслугъ моихъ, но по величю благости Царской.“ Въ Измаилѣ подвели ему рѣдкую лошадь, копорой не было цѣны, и просили принять ея въ память знаменитой эпохи; но онъ

отказался, сказавъ: „Нѣтъ, мнѣ она не нужна. Я прискакалъ сюда на Донскомъ конѣ, съ однимъ казакомъ; на немъ и съ нимъ ускачу.“ Когда ему одинъ Генераль замѣнилъ, что теперь поскаченъ онъ съ шпжеспію новыхъ лавръ, то онъ отвѣчалъ: „Донецъ всегда выносивъ меня и мое счастье.“ — Здѣсь слышимъ Цезаря!

Пріѣхавшій въ Главную Квартиру бывшій республиканскій Генераль Пишегрю, спрашивалъ у Фельдмаршала конференціи, но онъ опять оной уклонился, подъ предлогомъ полипическихъ препятствій. При семъ случаѣ говорилъ онъ въ кабинетѣ: „Не должно теперь слишкомъ довѣрять пылкости эмигрантовъ. Кантъ сказалъ, что каждый Французъ есть природный шанцмейстеръ. Вся сила у нихъ въ ногахъ; а мнѣ надобны и головы. Впрочемъ, чпу оцважнаго покорителя Голландіи, которъи не фломъ, а по льду сдѣлалъ высадку на ея берега. — Скорость нужна, а поспѣшность вредна.“

Завели у Графа разговоръ о Генералѣ Маккѣ. Тотчасъ всѣ союзные Генералы взглянули другъ на друга и шепнули: „Ну, теперь намъ доспанется.“ Но, какъ они ошиблись. „Судишь о палацкахъ по однимъ несчастіямъ,“ говорилъ Суворовъ: „было бы несправедливо. Я, напроивъ того, объясниваю причины неудачъ Макка въ ошибкахъ Неаполитанскаго Министрства. Если Манпуа пала, если Папа принужденъ былъ подписать Толентинскій трактатъ, если въ верхней Италіи основалась Цизальпинская республика, если Бонапарте достигъ до Мура: то все это произошло отъ того, что Неапольское правленіе въ сіи рѣшительные періоды оспавалось отъ спраха въ бездѣйствіи. Такой тогдашній кабинетъ и войско безъ дисциплины! Чего шупъ ожидать? Военскія лѣпописи не сохранили примѣровъ, чпобы малочисленность поржеспвовала надъ многочисленностію. Но каждый Французъ сражался съ 6-ю, 8-ю и даже 10-ю Неаполитанцами, и оспавался побѣдителемъ.“

Сколько Князь не любилъ респирать и оборонительной войны, сполько былъ

онъ также не охотникъ до десантовъ. Онъ не одобрялъ высадки во Францію Англійскихъ войскъ, подъ начальствомъ Герцога Йоркскаго. Ибо извѣстно, какъ для нихъ несчастливо кончилась кампанія 1794 года, такъ что они должны были съестъ на суда, бѣжать и спасаться. Въ замѣткѣ, диктованной Генераль-Маіору Прево-де-Люмیانу и помѣщенной въ моей Испоріи, говоритъ онъ именно: „Высадки во Францію не надобно. Они, по-естъ Англичане, должны продолжатъ нападеніе на колоніи. Они слишкомъ раздѣляютъ силы свои въ каналъ и на Средиземномъ морѣ.“ — По поводу такого его невыгоднаго о десантахъ мнѣнія, былъ онъ въ опечаленіи, когда получилъ извѣстіе о назначеніи высадки въ Голландію Россійскихъ войскъ съ Англійскими, подъ главнымъ начальствомъ Герцога Йоркскаго. — „Господи!“ воскликнулъ онъ: „да не буду я Пророкомъ.“ — Послѣдствія оправдали его страхъ.

„Забавны,“ говорилъ Князь: тѣ „живо-полюбивые Скрибы, которые хотятъ вести войну безъ пролитія крови. И я шадилъ ее, гдѣ можно было. На пупи къ

Варшавѣ, съ 10-ю тысячнымъ корпусомъ, обезоружилъ я, въ Бѣлорусскихъ провинціяхъ, 8000 Поляковъ на проспранствѣ 150 миль, не проливъ ни капли. Въ Варшавѣ поцѣловалъ ключи города и возблагодарилъ Господа, что они не окровавлены, какъ въ Прагѣ. Ба, — обратясь къ В. Х. Дерфельдену — ты Герой Праги, расскажи: — и сей знаменитый Генералъ продолжалъ: „Да, въ военной Исторіи нѣтъ примѣра дѣлу, столь опважно предпріятому, столь искусно исполненному и столь достопамятному своими послѣдствіями. Однимъ ударомъ потушенъ огонь раздора; испровергнуто правленіе, котораго конституціонное основаніе воздвигало буре; восстановленъ миръ.“ Князь бросился его обнимать, цѣловать и благодарить. Серьезный Дерфельденъ спрашиваетъ его: „За что изволите благодарить?“ — Ошвыль: „За то, что ты Лаконикъ.“

Князь Александръ Васильевичъ воспоминалъ всегда съ благоговѣйнымъ воспоргомъ объ Императорской Фамиліи, о Августѣйшей Супругѣ, Матери пресвѣщ-

лвйшихъ и добродвпелвнвйшихъ Царскихъ дтпей и Машери сирыхъ, и о надеждв Россіи, погдашнемъ Наслвдникв Преспола Александрв Павловичв. — „Однажды“ говорилъ онъ: „удостоясь увидвшь Ангела во плоти, прехлвпняго Великаго Князя Николая Павловича, (нынв счастливо Царспвующаго Государя Императора), бросидся я къ Его ногамъ. Его Императорское Высочество испугавшись заплакалъ. На случай сей вдругъ являещя Государь, и, подымая меня, изволилъ сказать: „Помилуйте, Графъ, что вы длааете?“ Я опввчалъ: „Онъ — сынъ боготворимаго Государя. Его Высочеству скажущъ, что у младенческихъ ногъ его лежалъ спарый вврноподанный.“

Принцъ Конде, разговорясъ однажды съ Суворовымъ, о прежнихъ его подвигахъ, признался съ сожалвнїемъ, что не чипалъ ничего о зарв славы его въ семилвпнюю войну. Александръ Васильевичъ обратился шопчасъ ко мнв, и приказалъ написатъ на Французскомъ языкв обзорнїе твхъ его подвиговъ. Я замтнилъ Его Сїятельспиву, что, не имвя

досповѣрныхъ испочивковъ, не могу иначе исполнить его приказаніе, какъ руководствоваться его Исторіею, изданною на Нѣмецкомъ языкѣ Аншингомъ, и сдѣлать изъ оной извлеченіе. „Да“ ошвѣчалъ онъ: „сдѣлай безъ всякой прикрасы, и покажи мнѣ; а послѣ мы доставимъ къ Принцу.“ Здѣсь представляю я переводъ:

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

подвиговъ Суворова въ семилѣтнюю войну.

Мы начинаемъ повѣствованіе наше о Суворовѣ съ 1759 года, когда онъ, на 29-мъ году своего возраста, вспунилъ на военное поприще, подъ начальствомъ Генерала Князя Волконскаго и Генераль-Аншефа Графа Фермора. Вскорѣ приобрѣлъ онъ довѣренность ихъ — опважностію своею въ бапаліи при Куннерсдорфѣ и при взятіи Топлебеномъ Берлина.

Въ послѣдующихъ годахъ, подъ начальствомъ Генерала Берга, прикрывалъ онъ легкими войсками отступленіе Россійской арміи къ Бреславлію. Подъ Рейхенбахомъ, окруженный значительнымъ Прусскимъ корпусомъ Генерала Кноблоха, одержалъ онъ первую въ жизни своей

побѣду. Ему было тогда 31 годъ. Безпреспанно имѣлъ спычки съ армією, предводительствуемою самимъ Королемъ, и одерживалъ не рѣдко часпвыя выгоды. Такое начало служенія весьма лестно для молодого Офицера. (*)

Въ томъ же 1761-мъ году, съ сош-нею казаковъ переплываетъ онъ Нейсу при Дризенъ; въ ночь проходитъ шесть Нѣмецкихъ миль къ Ландсбергу на Варпѣ; разбиваетъ городскія вороша; входитъ въ городъ; беретъ въ полонъ Прусскихъ гусаръ, шамъ находившихся, и сожигаетъ половину моста чрезъ Варшу.

Изъ Ландсберга спремился онъ, съ 3-мя гусарскими и 7-ю казацкими полками, чрезъ Регенсвальдъ къ Колбергу. Назначеніе его было тревожить Прусскую армію, подъ начальствомъ Плашена. Онъ напалъ на оную, и взялъ нѣсколько сошъ плѣнныхъ.

Нѣсколько дней спустя, атаковалъ онъ въ окрестностяхъ Старгарда другой корпусъ Прусскій, начальствуемый Шенкендорфомъ. Съ однимъ эскадрономъ

(*) О своемъ воспитаніи и о службѣ своей въ Лейб-Гвардіи Семеновскомъ полку, хотѣлъ онъ писать самъ.

драгунъ и нѣсколькими казаками напалъ онъ съ саблею въ рукѣ на одинъ баталіонъ, который храбро отбивался; многіе были побиты, а остальные взяты въ плѣнъ. Хотя у него была только горсть людей, но онъ потчасъ рѣшился напасъ на Прусскихъ драгунъ: разбилъ ихъ, взялъ два орудія и 20 плѣнныхъ. Бывъ окруженъ непріятелемъ, онъ оставилъ пушки — но, не плѣнныхъ своихъ. Прусакі пошерали въ сей день ранеными и плѣнными до шысячи человекъ.

Полковникъ де-ла-Мопъ-Курбіеръ, командовавшій авангардомъ Генерала Платена, составленнымъ изъ двухъ баталіоновъ и изъ десяти ескадроновъ, сбилъ Русскихъ гусаръ. Шестъ ескадроновъ конныхъ гренадеръ слѣдовали за гусарами; Суворовъ опроченью бросился ихъ догонять, потчасъ успроилъ линіи, и, не взирая на безпреспанную пушечную пальбу, напалъ на каре, поставленный Курбіеромъ, и заставилъ его положить оружіе.

Суворовъ, не теряя ни минушы, собралъ потчасъ своихъ гусаръ съ часшію казаковъ, напалъ съ ними на Прусскую конницу и взялъ 800 плѣнныхъ. Также захватилъ онъ драгунъ фуражировъ, ко-

порые находились на четверть мили впереди отъ корпуса Платена.

На другой день, съ восходомъ солнца, началъ Суворовъ съ тремя баталіонами пальбу на ворошпы города Глогау, подъ сильнымъ огнемъ Пруссаковъ. Лошадь подъ нимъ убиша; онъ долженъ былъ пѣшкомъ командовать, пока не разбины были вороша, чрезъ копорыя гренадеры его ворвались въ городъ, взяли гарнизонъ и преслѣдовали бѣгущихъ по другую сторону моста въ виду непріятельскаго лагеря. Суворовъ спремился впередъ, но, раненый рикошетнымъ выстрѣломъ, долженъ былъ остановишься.

Послѣ того атаковалъ Суворовъ два баталіона двумя спами чловѣкъ: онъ пробрался мимо ихъ, открылъ пальбу на баталіонъ Принца Фердинанда, положилъ многихъ на мѣстѣ и взялъ болѣе спа чловѣкъ въ полонъ. Пруссаки спрѣлали изъ оконъ. Лошадь подъ Суворовымъ опять убиша.

Въ 1762 году заключенъ миръ между Россією и Пруссією, и заря подвиговъ Суворова, произведеннаго въ Полковники Аспраханскаго полку, прекращается.

За взятіе Суворовымъ, безъ вѣдома и воли — главнаго Начальника, города Туршукая, опданъ онъ былъ Фельдмаршаломъ Румянцовымъ подъ судъ. „Римъ,“ говоритъ онъ: „меня бы казнилъ. Военная Коллегія поднесла докладъ, въ кошоромъ Секретарь ея не выпустилъ ни одного закона на мою погубель. Но милосердіе Великой меня спасаетъ. Екатерина пишетъ: *Le vainqueur ne doit pas être jugé*, то есть: побѣдителя судить не должно. Я опять въ арміи — на служеніи моей Спасительницѣ!“

Въ Италіи приглашали его въ маскерадъ; но онъ опозвался: „Нѣтъ! я, помилуй Богъ, шрусъ; а шамъ — маскерованныя башпарен.“

Въ Новой Ладогѣ дѣлалъ онъ съ своимъ Аспраханскимъ полкомъ разные маневры, повпоряя безпреспанно: „Солдатъ и въ мирное время на войнѣ. Предпочипаю Грековъ Римлянамъ. У первыхъ были военныя училища, безпреспанно и въ мирѣ занимались они воинскимъ ученіемъ.“

Римляне безпечно отдавали судьбу арміи своимъ Консуламъ, и не умѣли пользоваться славою.“ Весьма желалъ онъ показать полку своему штурмъ. На пути встрѣчаетъ монастырь. Въ пылу воображенія, поспѣвъ гоповъ у него планъ къ приспуну. По повелѣнію его, полкъ бросается по всѣмъ правиламъ штурма и побѣда оканчивается взятіемъ монастыря. Екатерина пожелала увидѣть чудака. И сіе первое свиданіе, какъ онъ самъ говорилъ, проложило ему путь ко славію.

Объ одномъ Русскомъ вельможѣ говорили, что онъ не умѣетъ писать по-Русски. „Спѣшно,“ — отвѣчалъ Князь: „но пусть онъ пишетъ по-Французски, лишь бы думалъ по-Русски.“

Опять явилась въ одномъ періодическомъ сочиненіи ругательная статья на счетъ Фельдмаршала, по случаю влѣтія имъ Праги. Я не вытерпѣлъ; написалъ противу оной возраженіе, въ которомъ старался доказать несправедли-

восьмь пристрастныхъ иностранныхъ писателей, называющихъ его кровожаднымъ. Штурмы Изамаля и Праги сего не доказываютъ. Обстоятельства предписывали ему оныя; и онъ первый, который проливалъ слезы на сихъ обогранныхъ кровию развалинахъ. Прага была послѣднимъ оплошомъ Польши; тамъ лучшія отборныя ея войска были сосредоточены и прошивоборствовали съ отчаянною храбростію. И во власти ли военачальника, удержанъ или остановившися на шакомъ присупѣ, каковъ Прагскій, войско, разъяренное буйствомъ и мщеніемъ за Варшавскій 1793 года бунтъ? Когда и гдѣ штурмы не представляли позорищъ лютоستي, гораздо ужаснѣйшихъ?.... Эту бумагу прочиталъ я Князю; онъ меня поблагодарилъ за мое, какъ онъ называлъ, *стряпство*, и сказалъ: „Припнши то, что въ Лафоншеновой баснѣ сказано львицѣ, оплакивавшей убитое свое дитя: *Ma comère! ceux que vous avez étranglés, n'avaient ils ni père, ni mère? ш. е.* Кумалъ развѣ шѣ, которыхъ ты передавала, не имѣли ни отца, ни матери? —

Говорили о неблагодарности одного благодѣтельствованнаго Княземъ. Онъ засмѣялся и сказалъ: „Я замѣчалъ, что люди дѣлаются наконецъ всегда неблагодарными врагами того, съ которымъ не могутъ равняться, а еще того менѣе, его превзойши. Чѣмъ ондариваются земля небу за благопворные лучи солнца и капли дождя? — пылью своею.“

Князь Суворовъ и Принцъ Кобургскій, были истинными, прѣмьрными друзьями въ продолженіи всей ихъ жизни. Князь отзывался всегда объ немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, называлъ его покорителемъ Хонива и Вукареспа, героемъ при Фокшалакъ, Маршикести. Онъ удивлялся его подвигамъ при Адергоевнъ и Неервинденъ, которыми онъ освободилъ Нидерланды. Любилъ рассказывать, какъ онъ взялъ крѣпости: Валансіенъ, Конде, Камбре и Ландреси, и просперъ завоеванія свои до Гиза. Но не могъ быть равнодушнымъ, когда вспоминалъ, что Англичане, оставивъ его, оставили его полетъ и удалились осаждавъ Дюнкирхенъ. „Вошь!“ — кричалъ онъ: „какъ губашъ

кабинетные, необдуманные планы!“ — Кобургскій платилъ ему полною взаимностію чувствъ. Князь опдалъ мнѣ однажды для перевода давнее письмо своего друга. Оно дѣлаетъ честь Принцу, и потому, къ кому оно писано, и пошому дѣль его помѣщаю :

Генераль!

Въ будущую пятницу долженъ я съ вами разстаться, для принятія новаго начальства въ Венгріи. Ничто не печаливаетъ меня столько при моемъ отъѣздѣ, какъ мысль, что долженъ удалиться отъ васъ, достойный и драгоценный другъ мой!

Я позналъ всю возвышенность души вашей; узы дружества нашего образовались обспоятельствомъ величайшей важности, и при каждомъ случаѣ удивлялся я вамъ, какъ достойнѣйшему челоуѣку.

Судите сами, несравненный учитель мой! сколько сердцу моему спойтъ разлучиться съ мужемъ, имѣющимъ полнкія права на особенное мое уваженіе и привязанность. Вы одни можете усладить горесть судьбы моей, сохранивъ ко мнѣ тоже благорасположеніе, котораго до

сей день меня удостоивали, и я уверяю васъ со всею искренностію, что часопыя увѣренія въ вашей ко мнѣ дружбѣ необходимо нужны для моего благоденствія.

Не могу рѣшиться на то, чтобы проситься съ вами лично. Это было бы для меня слишкомъ болѣзненно. Ссылаюсь въ томъ на собственное ваше чувство. И такъ ограничиваюсь поклясться вамъ въ живѣйшей моей дружбѣ. Даруйте мнѣ продолженіе вашей, которая была понинѣ услажденіемъ военной моей жизни. Вѣрите, достойнѣйшій другъ, безпредѣльной моей признательности. Вы останетесь навсегда дражайшимъ другомъ, котораго ниспослало мнѣ небо, и никто не будетъ имѣть болѣе васъ правъ на то высокое почитаніе, съ коимъ я есмь, и проч.

Букарестъ. 13 Октябръ 1790 года.

Суворовъ, говоря о семъ своемъ другѣ, съ воспоргомъ вспоминалъ, что оба они удостоились получить отъ Великой Екатерины шаги, съ надписью: *Побѣдителю Верховнаго Визиря.*

Князь Александръ Васильевичъ всегда швердилъ: „Если желать умереть на вой-

нѣ, но надобно желать умереть въ дѣлѣ со славою, какъ Тюренъ.“ Накпо лишился отъ непріятельскаго ядра ноги въ то самое время, когда онъ ѣздилъ прогуливаться. У него оппилиди ногу. Суворовъ поспѣлъ его посѣпить, велѣлъ къ себѣ принести оппящую ногу, поцѣловалъ ее, заплакалъ и произнесъ: „О драгоценная нога! за какой безцѣнокъ ты пропала!“ — Также былъ одинъ раненъ пулею въ голову, когда выглянулъ изъ окошка. Медики по всѣмъ анапомическимъ соображеніямъ повизпали его неизлѣчимымъ; но онъ, къ удивленію ихъ, выздоровѣлъ. „Да“ — сказалъ Александръ Васильевичъ: „Медицина ахнула, — а Барона ничего.“

Въ Польскую войну, чиновники его проиграли значительную сумму казенныхъ денегъ. Когда Суворовъ о томъ узналъ, то шумѣлъ, бросался изъ угла въ уголъ, кричалъ: караулъ! караулъ! воры! Пошомъ одѣлся въ мундиръ, пошелъ въ кордегардію и опдалъ споявшему на караулъ офицеру свою шпагу, съ сими словами: „Суворовъ арестованъ“

за похищеніе казеннаго имперсала “ Тодчасъ написалъ онъ въ Петербургъ, ящобы все имѣніе его продалъ и деньги внесли въ казну, пошому что онъ виновашъ и долженъ ошвѣчашъ за мальчиковъ, за которыми худо смолрѣлъ. Но Монархиня велѣла потчасъ все пополнить, и написала къ нему: „Казна въ сохранности, “ — И онъ возложилъ опять на себя шпагу.

Князь помнилъ всегда хлѣбъ - соль. Если къ нему кто въ первый разъ явишся, назовешъ свою фамилію, ему извѣстную, то потчасъ начнешъ доспрашивашся, не родня ли ему такой - то, иѣкогда ему знакомый однофамилецъ его? И когда откроешся, что онъ представившемуся или ошецъ, или дядя, или брашъ и проч., потчасъ обнимешъ; если эшотъ родственникъ живъ, то просишъ писашъ отъ него поклонъ, благодаришъ за спарую хлѣбъ - соль; если же умеръ, то перекрестяся, пожелаешъ ему вѣчнаго покоя. — Однажды отважились сказащъ ему, что иѣкто, служившій при немъ, впрочемъ добрый, но весьма ограниченна-

го ума человекъ, награждался слишкомъ не по мѣрѣ своихъ заслугъ. „Да, правда,“ отвѣчалъ Князь: „но онъ мнѣ преданъ; а родители его, добрые мои по деревнямъ сосѣди, удивительные хлѣбосолы! Лишь явишься къ нимъ—щи, дышница и каша на столѣ.“ И шутъ же, обращаясь ко мнѣ, скажетъ: Запиши. Это значило, имѣешь его при награжденіяхъ въ виду.

Князь потребовалъ меня къ себѣ въ четыре часа пополудни. Утро было прекраснѣйшее; воздухъ самый благо-распворенный. Я тотчасъ пришелъ; но онъ уже въ полѣ. Тамъ заспаю его одного, споявшаго неподвижно въ глубокомъ размышленіи. Увидя меня, онъ какъ будто пробудился, и началъ со мною разговоръ: „Спасибо тебѣ, что ты по моему встаешь рано. Я уже окапился водою, упиался небесною росою и теперь со-грѣваюсь благошворными лучами солнца. Теперь я въ полношѣ жизни. Первая поэтическія чувства согрѣты были въ груди человеческой вѣрно упрямыми лучами послѣ росы. Теперь идея и воспомина-ніи у меня освѣжились. Поле сіе

представляется мнѣ Рымникскимъ. Смотри туда: вошь дерево, на кошорое я влѣзь и осмотрѣлъ все мѣстоположеніе; вошь сюда, вправо, пошелъ я, а сюда влѣво Кобургскій. Тамъ, вошь памъ, — показавъ вдали рѣку — здравствуй Рымникъ! Мы черезъ нее вплавъ, — понтоны не нужны. Но что я? въ бреду! а шы молчишь.... пора за бумагы.“ — Мы побѣжали. Тогда не думалъ я воскликнуть со слезами: о Рымникъ! шы даль имя ошцу, а гробъ — сыну!

Были достовѣрныя извѣстія, что Французская Директорія назначила нѣсколько сотъ шысячь франковъ за голову Суворова. Когда онъ о томъ узналъ, то сказалъ: „Сколько благодаренъ я за такую высокую оцѣнку! Директорія дѣлаетъ симъ большую честь бѣдной моей головѣ.“ — Но этого не довольно. Намѣревались оправить его ядомъ. Такъ, въ городѣ Александріи, въ домѣ одного Маркиза, у кошораго Графъ квартировалъ, поднесли ему блюдо. Онъ взглянулъ на оное и на того, кто поднесъ. Сей поблѣднѣлъ, запресся и потчасъ съ блю-

домъ исчезъ. После подали ему особенное какое-то мороженое; но онъ отказался сими словами: „Эпо насъ не удивишь: мы изъ земли мороженой, но съ шеплыми сердцами.“ — Сего мороженаго также никому, кромъ его, не подносили, — и щощадась унесли.

Прислана была бумага, въ которой излагались правила въ руководство Суворову, въ военныхъ его операціяхъ. Въ сей бумагу встрѣчались безпрестанно ненавистныя ему слова: предполагается, можешь быть, кажется, и проч. — Недождавшись конца, вырвалъ онъ ее у меня и бросилъ. „Знаешь ли,“ — спросилъ онъ меня: „что эпо значить? Эпо школьники съ университетомъ своимъ дѣлають и вопоряють опыты надъ Гальванизмомъ. Все имъ кажется, все они предполагають, все для нихъ: можешь быть. А Гальванизма не знають и никогда не узнають. Ныщъ, не намѣренъ я такимъ ищещамъ жертвовашъ жизни храброй арміи!“ — Схватя меня, выбѣжалъ въ другую горницу и заставилъ одного офицера принищать десять заповѣдей. Тотъ

исполнилъ сіе не запинаясь. „Видишь ли,“ — говорили онъ: „какъ премудры, крашки, ясны Небесныя Божія велѣнія!“

Одинъ инославный Генераль хотѣлъ дасть Суворову почувствовать, что вести войну съ Французами не то, что съ Турками и Поляками. „Ваше Сіапельство“ — сказалъ онъ ему: „теперь на поприщѣ, гораздо знаменитѣйшемъ, нежели когда либо: ибо народъ Французскій не рязается ни съ Турками, ни съ Поляками.“ — „Безъ сомнѣнія“ — отвѣчалъ Князь: „народъ сей превознесся и надъ Англійскимъ. Сей хочеть владѣть всѣми морями, а Французскій, съ помощію своихъ Монгольферовъ и Бланшаровъ, и воздухомъ вселенной.“

Къ странности Суворова принадлежало и то, что онъ терпѣть не могъ зеркаловъ. Вездѣ изъ комнастъ ихъ выносили. На балахъ, въ угодность ему, ихъ закрывали. Если же случалось ему увидѣть незакрытое, то топчась опровернется и во всю прысь проскочитъ мимо, чтобы себя не увидѣть. Однажды

только въ Хереонъ, по усиленной просьбѣ дамъ, позволилъ онъ поставить въ дальней, задней горницѣ маленькое зеркало, для дамъ - кокетокъ (какъ онъ называлъ), куда уже и не входилъ. Да и дамы, послѣ шакого его опыта, смѣла не въспунали.

Весьма поздно ночью позвалъ меня къ себѣ Александръ Васильевичъ, и велѣлъ мнѣ опять сдѣлать извлеченіе изъ Исторіи его, касательно подвиговъ его во время Польской Конфедераціи, съ тѣмъ подтвержденіемъ, чтобы написать какъ можно сокращеннѣе. Я сказалъ, что напишу, какъ умѣю; впрочемъ, не отвѣчаю, если описаніе будетъ пространно. „Ибо,“ заключилъ я: „вольно было Вашему Сіятельству не сокращать вашихъ подвиговъ и умножать листы Исторіи.“ — Здѣсь помѣщаю оное:

П О Д В И Г И

Суворова въ Польскую Конфедерацію.

Черезъ шесть лѣтъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій въ Пруссіи, произведенъ онъ въ Бригадиры и отправленъ

съ величайшею поспѣшностію въ Польшу, гдѣ возникла война конфедератовъ. Ему должно было переправляться чрезъ едва замерзшія рѣки и болота, и въ теченіи мѣсяца прошелъ онъ тысячу верстъ (238 миль), а въ другомъ походѣ, бою верстъ въ 12 дней. Первый подвигъ его въ Польшѣ былъ, схвативъ ночью улановъ Пеліаки и Корсинскаго, расположенныхъ въ окрестностяхъ Брестца, и, безъ проливія крови, отдѣлилъ онъ оба полка отъ Конфедераціи.

Близъ Варшавы разбилъ онъ Копелуповскаго, пошелъ на обонхъ Пулавскихъ, разбилъ и разсѣялъ ихъ войска, состоявшія изъ 6,000.

Въ Генварѣ 1770 года, на сороковомъ году, произведенъ въ Генераль-Маіоры.

Въ Апрѣлѣ, Суворовъ, переправясь съ двумя ротами, тремя эскадронами и двумя пушками, пошелъ ночью къ Клементову. Онъ встрѣчается съ Мосчинскимъ, расположившимъ тысячу человекъ конницы близъ лѣсу въ боевой порядокъ, съ шестью пушками. Двѣ роты пѣхоты со штыками нападаютъ на сію кавалерію, которая, не взирая на безпрестанную пальбу изъ шести орудій, была разбита и

преслѣдуема. Полки потеряли свою артиллерию и 300 человекъ, а Русскіе — только 50.

Въ половинѣ того же лѣта, когда Мосчинскій получилъ подкрѣпленіе, Суворовъ разбилъ его вполнѣ при Опатовѣ, побилъ 200 человекъ и взялъ столько же павшихъ, большею частью раненыхъ. Спустя нѣсколько мѣсяцовъ, Суворовъ желая переправиться, черезъ Вислу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ стремленіе было быстрое, упалъ въ воду и разбилъ себѣ грудь объ поншонъ, такъ сильно, что три мѣсяца лежалъ болѣвъ. Въ семь году получилъ онъ Орденъ Св. Анны.

По выздоровленіи, въ Мартѣ 1771-го года, выступилъ онъ изъ Лублина съ чепырьми рогатами пѣхоцы, нѣсколькими пушками и съ пятыю эскадронами, и переправился чрезъ Вислу у Сендомира. По разбитіи разныхъ паршій конфедератовъ, атаковалъ онъ Ландскрону, въ чепырехъ миляхъ отъ Кракова. При сильномъ сопротивленіи, овладѣлъ городомъ. Но ружейный огонь не умолкалъ и побивалъ многихъ, и онъ оппказался отъ взятія замка. У него шляпа и мундиръ были просѣрѣлены пулями.

Вскорѣ за симъ взялъ онъ въ рас-
пложъ городъ Казимиръ, разстроилъ боль-
шую часть конфедератовъ, и взялъ въ
полонъ лучший Польскій эскадронъ Мар-
шала Сабы.

Разсѣявъ конфедератовъ, которые
нѣсколько дней осаждали при роты его
полка въ Красникъ, онъ пошелъ на Кра-
ковъ, для освобожденія Принца Веймар-
скаго, шамъ сѣщеннаго. Малочисленная
армія его состояла: изъ четырехъ ротъ
гренадерскихъ, одного баталіона мушке-
перъ, восьми пушекъ и нѣсколькихъ
гаубиць, пяти эскадронъ карабинеръ и
80 казаковъ.

Онъ имѣлъ разныя сшибки съ кон-
федератами и взялъ многихъ въ полонъ.
Войско его переправилось чрезъ рѣку Ду-
наецъ вплавъ по шею; атаковало кон-
федератовъ, превосходившихъ ихъ въ
числѣ. Они были разбиты и потеряли
много людей.

По прибытіи въ Тынецъ, въ разсто-
яніи на одну милю отъ Кракова, велѣлъ
Суворовъ напасть на редутъ, въ кото-
ромъ находились двѣ пушки и сто че-
ловѣкъ, которые всѣ были побиты; по-
шомъ казаки его опважно бросились на

конфедератовъ, копорые, числомъ около чепырехъ тысячъ, поставлены были въ боевой порядокъ. Во фронтѣ находились 150 егерей, подъ начальствомъ Французскаго Маіора. Они бѣльшею частію испреблены. Поляки, преслѣдуемые Россійскою кавалеріею до предѣловъ Шлезіи, потеряли 500 человекъ убитыми и 200 плѣнными. Въ то время, Французской службы Полковникъ Дюмурье, со многими своими офицерами, служилъ у конфедератовъ.

Суворовъ, возвращаясь послѣ сей экспедиціи въ Лублинъ, былъ атакованъ драгунами и гусарами конфедератовъ. Его конница приняла ихъ саблями и сильно опразила. Между тѣмъ Пулавскій, съ двумя тысячами, занялъ Замоцкъ. Весьма нужно было его опшуда выгнать; и когда Суворовъ въ семъ намереніи вышупилъ къ нему, Пулавскій его встрѣшилъ; но во время, какъ становился дашь батталію, Суворовъ совсѣмъ неожиданно кидается съ своею кавалеріею на его инфантерію; непріятель былъ опрокинутъ: потеря его состояла въ 200 плѣнныхъ и сполько же убитыхъ. По возвращеніи въ Лублинъ, полу-

чилъ онъ орденъ Св. Георгія третьей степени.

Суворовъ былъ въ необходимости разсѣять свои войска, для предупрежденія въ разныхъ мѣстахъ усиливающихся непріятельскихъ скопищъ. Это послужило Полковнику Новицкому поводомъ, воспользоваться нападеніемъ на него. Суворовъ узнавъ, что онъ съ тысячею человекъ лучшей кавалеріи идетъ на Красноспаву, гдѣ у него спояли: эскадронъ кирасиръ, нѣсколько казаковъ и рота пѣхоты, велѣлъ его провожити на пути; а самъ, съ шестью казаками и нѣсколькими Офицерами, пустился въ Красноспаву къ своимъ. Новицкой былъ въ соседственномъ лѣсу, Суворовъ достигъ его. Конфедераты побили много нашихъ; но наконецъ, послѣ упорнаго сопротивленія, непріятель былъ разсѣянъ и преслѣдованъ.

Въ Августѣ 1791 года явился въ Липовъ извѣстный Козаковскій, одинъ изъ конфедератовъ, бѣжавшихъ въ Венгрію. Съ поспѣшностію объѣхалъ онъ герцогство, набралъ новыхъ партизановъ и возжегъ пламя раздора, а особливо между регулярными войсками, которыя скло-

нилъ къ возмущенію. Онъ разсѣивалъ манифесты, въ копорыхъ скромно называлъ себя Липовскимъ гражданиномъ.

Великій Маршалъ Лицковскій, Огинскій, командовалъ новыми конфедератами. Онъ внезапно напалъ на Русскій баталіонъ, который, послѣ сраженія, чрезъ четыре часа продолжавшагося, долженъ былъ сдатьсь.

Какъ скоро Суворовъ о томъ узналъ, спѣшилъ онъ къ нападенію на конфедератовъ, занимавшихъ выгодную позицію при Спаловичахъ. Ихъ было пять тысячъ въ ружьѣ, съ 12 пушками. Русскіе приступали ночью съ величайшею тишиною и перехватывали передовые караулы.

Пушечный выстрѣлъ конфедератовъ увѣрилъ нашихъ, что они замѣчены. Тотчасъ рота бросилась на непріятеля; она потеряла много людей, но имѣла также и великіе успѣхи. Три эскадрона шли по слѣдамъ сихъ храбрыхъ, поражая саблями справа и слѣва.

Конфедераты, приведенные въ замѣшательство, при ночной темнотѣ были опрокинуты и прогнаны до города. Триста Янычаръ Великаго Маршала Огинскаго положили путь свои головы.

Пятеро изъ человекъ Русскихъ и дѣтскихъ содержались подъ сѣражемъ въ разныхъ домахъ близъ рынка. При шумѣ оружія, а болѣе при гласѣ Суворова, выскочили они изъ окошекъ и соединились съ своимъ опцемъ и героемъ.

На разсвѣтѣ, Суворовъ выпустилъ изъ города съ своею пѣхотою. Она начала на инфантерію Огинскаго съ праваго крыла. Его кавалерія одерживала уже значительныя выгоды. Съ обѣихъ сторонъ сраженіе продолжалось съ жестокостію и кровопролитіемъ. Наконецъ инфантерія двинулась со штыками; Польки были разбины по всей линіи. Но, по многочисленности своей, опсупали они въ порядкѣ.

Кавалерія Россійская не переставала съ своей стороны распространяться, какъ Генералъ Белякъ, споявшій въ полмили и намѣревавшійся опметнуть за Польскую пѣхоту, едвагь съ тысячею улановъ спремительное нападеніе. Многие Русскіе были опрокинуты, но отважность казаковъ, которые въ сей день показали чудеса храбрости, заставила Беляка опспавить поле битвы.

Изъ 800 до 900 человекъ, бывшихъ у Суворова подъ ружьемъ, около 80-ти были убиты, а всѣ остальные ранены. Суворовъ, пронувшій посреди славы ихъ несчастіемъ, раздавалъ изъ своего кармана по рублю на каждого, участвовавшего въ дѣлѣ; далъ имъ съ часъ отдохнуть и началъ дѣлать диспозицію къ походу на Слонимъ, отстоящій въ восьми миляхъ отъ мѣста сраженія.

У Поляковъ было убитыхъ около тысячи человекъ. Русскимъ достались 700 пленныхъ, въ числѣ которыхъ, и Маршалъ Огинскій и болѣе 30-ти офицеровъ. Всѣ лошади ихъ драгунъ достались нашимъ, такъ какъ и многія знамена, экипажи и казна съ тридцатью тысячами червонныхъ. Солдаты дѣлили между собою множество золота и серебра.

Къ вечеру всѣ были близъ Слонима. Оставивъ тамъ пленныхъ и большую артиллерію, Суворовъ еще въ эту же ночь выступилъ въ походъ къ Пинску, въ намѣреніи разсѣять еще болѣе конфедератовъ. Первая встрѣча была у него съ Польскимъ офицеромъ, которому поручено было вести богашую полковую

казну. Суворовъ, какъ великодушный непріятель, далъ ему паспортъ для-свободнаго препровожденія казны до мѣста его назначенія.

Желая не столько побѣждать, сколько преклоняясь къ покорности, онъ уговаривалъ Липовскихъ конфедератовъ возвратиться въ свои дома. Онъ принималъ съ особымъ уваженіемъ шѣхъ, которыя вѣряли себя его великодушію, и вскорѣ повсюду возстановился порядокъ.

Съ самаго вступленія показалъ Суворовъ, что къ военнымъ талантамъ умѣлъ онъ присоединить духъ примиренія; ибо прекращалъ тогда возмущенія и раздоры.

Таковыя успѣхи обратили на него Монаршее благоволеніе и Ея Величество препроводила къ нему знаки ордена Св. Александра Невскаго, при лентномъ рескриптѣ.

Въ Генварѣ 1792 года, Польскіе конфедераты, направляемые Барономъ Виоменлемъ, взяли Краковскій замокъ, въ которомъ стоялъ пикетъ изъ тридцати Русскихъ. Суворовъ, узнавъ о ихъ намѣреніи, пустился тотчасъ въ походъ для опраженія сего удара. Онъ опоздалъ; едва на разсвѣтѣ вступилъ онъ въ го-

родъ, какъ ему должно было сразиться съ сильною вылазкою конфедератовъ, которыхъ число въ замкѣ простиралось до 900 человекъ. Тотчасъ Суворовъ началъ съ 800 пѣхоты и нѣсколькимъ числомъ кавалеріи блокировать замокъ; и едва не попался и самъ, шакъ сказашъ, въ блокаду, бывъ окруженъ конфедератами, которые шверде боролись. Онъ съ ними выдержалъ нѣсколько сраженій и оставался всегда побѣдителемъ. Наконецъ блокада обращена была въ штурмъ. Суворовъ приказалъ объявить Французскимъ офицерамъ, командовавшимъ въ замкѣ, что все готово къ штурму и что, при отказѣ въ сдачѣ, весь гарнизонъ безъ пощады будетъ истребленъ. Въ заключенной шенчасъ капитуляціи сказано было, что весь гарнизонъ отдастъ оружіе и выслушаетъ въ мундирѣ, что Французскія войска подъ начальствомъ Виомениля будутъ отправлены въ Лембергъ, а подъ начальствомъ Дюмурье, въ Бѣлу; — Польскіе же конфедераты, въ Смоленскѣ. Виомениль и Дюмурье не были въ замкѣ. Два Бригадира, Галибергъ и Шоанн, шакъ какъ и другіе Французскіе офицеры, отдавали свои шпаша Суворову; но онъ не принялъ,

подъ предлогомъ, что они въ службѣ Государя, союзника его Императрицы, и обнялъ ихъ.

Павные оправились подь сильнѣмъ прикрытіемъ; и хопя у Суворова оставалось мало войска, но онъ успѣлъ еще напасть и схватить гарнизонъ въ Запоровъ, городъ, въ 12-ти миляхъ отъ Кракера. Онъ велѣлъ взорвать всѣ укрѣпленія и взять 12 пушекъ.

Въ сіе время Австрийцы и Прусакъ выступили также прошивъ конфедерацію; и кончили войну, продолжавшуюся четыре года. Суворовъ получилъ начальство въ Финляндіи.

— После сего никакихъ извлеченій я не дѣлалъ; а Князь намѣревался заняться сямъ со мною въ деревнѣ Канчанскѣ. Но Провидѣніе распорядило иначе. Онъ скончался въ Петербургѣ.

Пріѣхавшій изъ Неаполя курьеромъ офицеръ, рассказывалъ о знаменитыхъ предметахъ природы, о ужасахъ Везувія, о землетрясеніяхъ. „Быль ли ты,“ — спросилъ Александръ Васильевичъ: „въ Помпей, копорая послѣ стѣль многихъ сползлѣтъ

сбросила съ себя погребальное свое покрывало, и выглядываетъ изъ своего гроба.“ — „Быль“ — отвѣчалъ пошъ, и началъ рассказывать много любопытнаго. Выслушавъ со вниманіемъ, обратился ко мнѣ съ сими словами: „Люблю слушать повѣствованія отъ самовидцевъ. Сыщи описаніе о Помпее отаршаго Плиніи, и переведи для меня.“ — Черезъ нѣсколько дней ошъискалъ и прочиталъ я ему слѣдующій переводъ съ Лашинскаго: „Плиній пишетъ: Наспалъ мракъ, но не спакой, какой бываешъ въ безмѣсячной ночи, а темнопа въ запершой горницѣ, въ которой свѣтъ свѣчь вдругъ угасаетъ, Жены рыдали, дѣши визжали, мужа вопіяли. Здѣсь призывали съ шренещомъ дѣши родителей своихъ, мамы ошцы и мамы искили дѣшей своихъ ошупью, мужа своихъ женъ; всѣ узнавали другъ друга только по крику. Одни жаловались на собственную судьбу свою, другіе оплакивали судьбу ближнихъ своихъ. Многіе желали смерти отъ страха смерти. Тѣ умоляли боговъ о спасеніи, нѣ ошчавались въ существованіи ихъ и почиали сію ночь послѣднею, вѣчною всего міра. Дѣйствительныя опасности были

увеличены вымышленнымъ страхомъ. Земля тряслась непрерывно и полоумные молчались, умножая ужасъ другихъ своими предвѣщаніями.“ —

Тутъ Суворовъ содрогнулся и съ чувствительностію воскрикнулъ: „О чело-
вѣки осмнадцатаго столѣтія! вы пол-
заете по развалинамъ давнопрошедшихъ
вѣковъ; говорите о плѣнности и разру-
шеніи вещей, а поступаете, какъ будто
бы этого и не было.“

Суворовъ жилъ для Россіи, Слава чу-
добогащрей была близка къ его сердцу.
„Люблю ихъ,“ — говорилъ онъ, по переходѣ
черезъ Альпійскія горы: „съ сими чудобога-
щырями надѣлалъ я вихри, съ ними приле-
щадъ онъ Рымника сюда.“ Потомъ, обра-
щясь къ войску, продолжалъ: „*Штъки,*
быстрота, внезапность, вопъ наши вожди.
Непріатель думаетъ, что ты за сто,
за двѣсти верстъ; а ты, удвоивъ, упрощъ
шагъ богатырскій, награлъ на него
быспро, внезапно. Непріатель цесетъ, гу-
ляетъ, ждетъ тебя съ чистаго поля; а
ты изъ - за горъ крушыхъ, изъ - за лѣсовъ
дремучихъ налепи на него, какъ снѣгъ

на голову; рази, сплѣни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться: кто испуганъ, кто поспѣе побѣжденъ въ половину; у страха глазъ больше, одинъ за десятерыхъ поважится. Будь прозорливъ, ослороженъ; имѣй цѣль опредѣленную. Возьми себѣ въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ въ слѣдъ; поровняйся, обтони — слава тебѣ! Я выбралъ Кесаря. Альпійскія горы за нами — Богъ предъ нами: ура! орлы Русскіе облещли орловъ Римскихъ!“

„Знаешь ли ты,“ — спросилъ онъ вдругъ вошедшаго къ нему Генерала Милорадовича: „прехъ сесперь?“ Знаю, былъ опавшъ. „Такъ,“ — подхватилъ Суворовъ: „ты Русский; ты знаешь прехъ сесперь: Бару, Надежду и Любовь. Съ ними слава и побѣда, съ ними Богъ!“

Суворовъ весьма любилъ въ мирное время заниматься маневрами. Знаюки-очевидцы оцѣвали справедливостъ рѣшимаго его въ военномъ искусствѣ, знаціямъ и хитрымъ замысламъ. Онъ, по опыту

Генерала Деросельдена, доходить до по-
данписива, но до неданписива полезнаго
и похвальнаго. Такъ усмотрѣвъ на манев-
ръ, въ Финляндіи, что пославленная въ
резервъ колонна, теряетъ время и на
помощь ищши не думаетъ, — крискакалъ
къ командовавшему оною Подполковнику
и кричалъ: „Чего ты ждешь? колонна
пронадеешь, а ты не сикурсируешь.“ —
„Ваше Сіятельство!“ — отвѣчалъ Подпол-
ковникъ: „я давно бы исполнилъ долгъ
мой; но ожидаю повелѣнія отъ Генерала,
предводительствующаго сею колонною.“
Сей Генералъ - Маіоръ находился пушъ
же въ нѣсколькихъ саженахъ. „Какого
Генерала?“ — сказалъ Суворовъ. „Онъ
убитъ, давно убитъ! посмотри, (указы-
вая на него) вонъ, . . и лошадь бѣгаетъ —
испѣнная!“ и ускакалъ прочь.

Когда подъ Нови Суворову сказали,
что однимъ опрядомъ Французскихъ
войскъ командуетъ Польскій Генералъ
Домбровскій, сказалъ онъ: „Ахъ! какъ я
радъ. Это знакомый. Въ Польскую войну
сей мальчикъ - красавчикъ попался въ по-
лонь. Я его попчасъ отпустилъ къ ма-
менькѣ, сказавъ: бѣги скорѣе домой — и

мой поклонъ; а не то, Русскіе попчасъ убьютъ. Какъ бы я хотѣлъ возобновишь съ нимъ знакомство!“

Говорили о Прагѣ. Одинъ союзный Генераль показалъ видъ, будто взятіе ея не естъ дѣло очень важное. Александръ Васильевичъ, замѣтивъ сіе, попчасъ велѣвъ мнѣ перевестъ изъ Суворонды Завалишина примѣчаніе: о ея укрѣпленіяхъ, прибавя къ тому, что хотя оно и крапко, но справедливо, потому, что Подполковникъ Фанагорійскаго Гренадерскаго полка Завалишинъ былъ дѣйствующимъ лицомъ и очевидцемъ. Здѣсь помѣщаю: „Прага, предмѣстіе Варшавское, лежащее на правомъ берегу рѣки Вислы. Она была укрѣплена всѣмъ тѣмъ, что военное зодчество имѣетъ въ себѣ наинепреоборимѣйшаго. Высокіе валы съ глубокими рвами; бермы, усыпанныя шпрудфалами; крупосши, повсюду дерномъ одѣшныя, устланныя шройными палисадами; батареи, камнемъ обложенныя; каваліеры, на возвышеніяхъ подѣланныя; отступныя флешы, ретираду обезпечивающіе; двойной окопъ, въ перекрестныхъ огняхъ разположенный; на-

монецъ шестерной рядъ волчьихъ ямъ съ заостренными спицами, вокругъ всѣхъ укрѣпленій обнесенный; болѣе спа ревущихъ орудій и 30,000 опважнаго и рѣшительнаго войска:— все сіе пало и превратилось въ прахъ разящимъ мечемъ Сармапскаго побѣдителя. Упорная оборона соопвѣтствовала быспрому атаки. Каждое укрѣпленіе надлежало брать приступомъ. Каждый шагъ земли надобно было пріобрѣтать кровію. Польскія войска, по сбитіи переднихъ респраншаментовъ успроились въ боевой порядокъ передъ впорымъ окопомъ. Надобно было ихъ ашаковать: пушъ послѣдовала полевая баталія. Начальники ихъ, сохраняя присутствіе духа, не переставали собственнымъ своимъ примѣромъ поощрять своихъ подчиненныхъ къ усугубленію обороны и шѣмъ, проливнопоставляя безпреспанно новыя преграды, вдыхали опважность въ сердца, съ каковою Сармапы, имѣвшіе въ шѣлу своемъ шрепещущую опъ страха Варшаву, сражались въ продолженіи всего боя не преспавали. Всякое другое ополченіе едва ли бы превозмогло споль сильное и опчаянное зашщценіе: но Россіяне, предводимые Ге-

роемъ, пылающею истинною любовію къ отечеству, подвизаяся по слѣдамъ непобѣдимаго своего Военачальника, славую его озаряемые, мужествомъ его дышущіе, сокруша Сарматскія силы, показали изумленному свѣту, что подъ предводительствомъ Графа Суворова Римникскаго нѣтъ ничего для нихъ невозможнаго. Четыре Генерала: Ясинскій, Корсакъ, Квашневскій и Грабовскій, съ 13,540 воннами, погреблись подъ развалинами изпровергнутой Праги. Генералы Меннъ, Гизлеръ и Крупинскій, съ 5-ю Полковниками, 7-ю Подполковниками, 17-ю Маіорами, 415-ю офицерами и 14,000 рядовыхъ, взяты были въ плѣнъ. До 2,000 потонуло въ Вислѣ и не болѣе 1000 человекъ изъ всего числа оборонявшихъ спаслось въ Варшаву. 104 пушки, множество знаменъ, костюмы холоднаго оружія: сунъ вѣчный памятникъ сего безмернаго дѣла, заключающаго въ себѣ штурмъ на крѣпость и полевое сраженіе, оконченнаго въ продолженіи 3-хъ часовъ времени, въ 1794 году Октября 24 дня воспослѣдовавшаго.“ — Прочитавъ, казался онъ недоволенымъ ивалою, до него относящеюся, и

сказалъ: „Ну, отправь къ Эмъ.“ — И онъ отослалъ къ упомянутому Генералу.

Князь Александръ Васильевичъ любилъ все Русское, внушалъ любовь къ родинѣ и повторялъ не рѣдко: „Горжусь, что я Россіянинъ!“ Не нравилось ему, если кто тщательнѣе старался подражать Французамъ въ выговорѣ ихъ языка и въ манерахъ. Такого Французоватаго франта спрашивалъ онъ: „Давно ли изволили получить письма изъ Парижа отъ родныхъ?“—Еще въ бытность его въ Финляндіи, одинъ возвращавшійся изъ путешествій Шпабъ-Офицеръ, вывезъ изъ Парижа башмаки съ красными каблуканами, и явился въ нихъ на балъ. Александръ Васильевичъ не отходилъ отъ него и любовался башмаками, сказавъ ему: „Пожалуй пришли мнѣ башмаки для образца вмѣстѣ съ изданнымъ въ Парижѣ вновь военнымъ сочиненіемъ Гюберта (Guibert). Последнимъ не успѣлъ нашъ молодецъ намъ запаснись, и убрался съ бала. Также сказалъ онъ чтецу на Французскомъ языкѣ: „Читай и говори по-Французски такъ, чтобы всѣ знали, что ты Рус-

скій. — А когда, въ театрѣ, Италіанскій актеръ говорилъ ему прологъ, то онъ кричалъ по - Русски изъ ложи: „Напрасно, сударь, не безпокойсь, спдою ли я по-го?“ — Не буду говорить, какую тревогу, куперъму произвели Русскія слова сія на всю Италіанскую публику — буффю. И воздухъ наполнился восклицаніями: *E viva nostro Liberatore*, ш. е! да здравствуетъ нашъ избавитель! — „Пусть они знаютъ, что здѣсь были Русскіе.“ — сказалъ онъ.

Въ одномъ анекдотѣ говорилъ я, что Графъ часто приказывалъ мнѣ имѣть надзоръ за карпочными играми. Таковая, истинно опшечская, заботливость его нигдѣ шакъ не оправдывается, какъ здѣсь въ Италіи, гдѣ зло сіе сдѣлалось спихією всей первостатейной, праздною, необразованной знати. Въ Туринѣ былъ я приглашенъ на вечеръ, что здѣсь называется *conversazioni*. Полагая насладиться пріятною бесѣдою, опспросился я у моего начальника. Онъ позволилъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я пересказалъ ему о всѣхъ по-

дробноспяжъ сей вечеринки. Я отпирался съ жогапымъ моимъ, почтеннымъ, бывшимъ при Дворѣ Екатерины Чрезвычайнымъ Посланникомъ и воспоминавшимъ всегда съ воспоргомъ о пребываніи своемъ въ Россіи. Дорогою сказалъ онъ мнѣ: „Я везу васъ въ домъ одной знатнѣйшей нашей Дворянской фамиліи; но, долженъ признаться и предварить васъ о томъ, чего вы и не думаете, и въ Петербургъ, — благодареніе упомянутой образованности вашей, — не видали, и конечно не пожелаєте никогда болѣе увидѣть. Но вы путешественникъ; вамъ надобно быть очевидцемъ.“ — Мы вступили въ залу. Я предсказался хозяину и хозяйкѣ. Принцъ и Принцесса пробормотали что-то, и я — уже домашній человекъ. Музыка гремѣла; не танцовали, а прыгали, и по нехотѣ. Чего-то ожидали важнѣйшаго. Чрезъ часъ музыка прекращается; у всѣхъ на лицахъ радость; свѣчи въ залѣ погасаютъ, всѣ бѣгутъ въ другія горницы, гдѣ нѣсколько столовъ съ картами и съ плетенными склянками ликеръ розолію. Начали играть въ банкъ, фарао и другія азартныя игры; коммерческихъ они не

платою воздуха: едва можно было дышать, а съвѣн-шукло горьки и угасали. Тутъ раздавались слова, какія-то еднѣ ли уелышишь въ другомъ мѣспѣ. И это называютъ конвєрсациони, бєєды дворянъ? Бѣву изъ неприятнаго дома. — Я здѣсь не увеличиваю: въ семъ оправдаютъ меня пушкѣ-пестовенники. — На возвращенномъ пушкѣ домой, расказывалъ мнѣ сопутникъ мой, что вѣстны холми дома, Привѣще, былъ на замѣчанинъ у Короля, который предостерегалъ твоеспрацевъ, въ бытность въ Туринѣ, отъ опаснаго съ нимъ знакомства; что онъ въ пачю съ великими широкими, и вѣсть по-го имѣетъ весьма значительный доходъ. На вопросъ мой часто ли бывають такіе конвєрсациони? — отвѣчалъ онъ: 365 разъ въ году. „Ибо“ — продолжалъ онъ: „нигде земляки мои ничего не читають, ни чему не учились, ничего не знаютъ, кромѣ прогулки, театра и игры. Чернь же здѣшняя гиблетъ отъ несчастнаго „допю“. Нищій несетъ въ лотерею посвященъ врознь, полученный въ милоспину, и умираетъ съ голоду. Я кончилъ шѣмъ: и это называютъ здѣсь: dolce far niente!“ —

Все сіе пересказалъ я Александру Васильевичу. И послѣ всего, спросилъ онъ меня: „У Европейцевъ ли ты былъ?“

Александръ Васильевичъ любилъ особенно Италіянскія просопонародныя пѣсни, и находилъ въ нихъ какое-то сходство съ Русскими; а особливо, если Италіянецъ поспѣ вдали въ чужомъ полѣ. Тогда внезапно переселяешься въ Россію. Надобно только зажмуриться, иначе одиночныя и лимонныя деревья разрушаютъ такое очарованіе. Обѣихъ націй народныя мелодіи происходятъ отъ древнихъ Греческихъ: чѣмъ шопчась услышишь, когда сравнишь съ Греческими отрывками, которые сохранилъ Вивекельманъ, какъ замѣчаетъ и Коцебу. — Графъ предпочиталъ пѣніе всѣмъ инструменщамъ, называя инструментальную музыку подражаніемъ вокальной, и имѣлъ всегда при себѣ ноты духовнымъ концертамъ, которыми пѣлъ съ пѣвчими на крыльяхъ.

Въ Италіи, на театрѣ дава была піеса, на которой предсавлены буффо-

нады, и войско должно было дѣлать разныя военныя революціи. Оно превзошло всякое ожиданіе. Спроятноснѣ, размыренныя шаги, почноснѣ въ движеніяхъ, — все восхишило зрншелей. Александръ Васильевичъ, говоря о семъ предспавленіи, сдѣлалъ свои замѣчанія: „Нѣпнѣ, комедъ мнѣ не нравнпся; спарнкъ - шупнѣ гаэрилъ скоромно; нравспвенной цѣли не вижу: вся піеса изъ лоскупковъ, какъ и арменкнское платье. Солдапнѣ дрались храбро; зачѣмъ не показали они пакого проворспва прошивъ Французовъ?“ —

Однажды приказалъ мнѣ Александръ Васильевичъ опысканнѣ въ бумагахъ его дипломъ на чинъ Фельдмаршала. Я опшвчалъ, что опыскнваннѣ нѣчего, попому что его нѣпнѣ. „Какъ!“ — вскрнкнулъ онъ, при многочнсленномъ собраніи: „почему же будупнѣ меня почитаннѣ и признаваннѣ Фельдмаршаломъ?“ Вопнѣ мой опшвннѣ: „Ваше Сіапшельство донесли Императрнца: ура! Варшава наша! Опшвннѣ: ура! Фельдмаршалъ! Екатерина. Въ слѣдъ за снмъ удоспомнлнсь вы полунчннѣ отъ Монархннн слѣдующій Высо-

чайший Рескриптъ: *Вы знаете, что намъ
Я не произвожу никого чрезъ очередь, и
никогда не дѣлаю обиды стариннымъ; но
вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣлали
Фельдмаршалами.* — Раскажи, “ продол-
жалъ онъ: „все это на всѣхъ языкахъ;
а я покамѣстъ умоюсь, попомоноу и
поговорю по - Турецки.“ И ушелъ.

О безкорыстїи Князя говоришь из-
дѣшше; но я почелъ за нужное испребо-
вать опъ Цалмейстера Россійской арміи,
Маіора Раевского, справку, въ копорой за
подписаніемъ своимъ свидѣтельствуетъ
онъ слѣдующее: „Генваря 16-го дня 1800
года, Генералисимумъ въ Прагъ получилъ
жалованье по чину Генераль - Фельдмар-
шала, и во все время послѣдней кампаніи
никогда не бралъ ни споловыхъ денегъ,
ни прогоновъ. Да и сіе жалованье при-
нявъ его принудили, попому что не
было ни кофѣйки на домашніе его рас-
ходы.“

Въ одномъ городѣ, помнишь, въ Пи-
ценѣ, въспавъ въ Графу Генераль - Дей-
шенандцъ — Певало - Шайковскій, спра-

свѣтлый любитель; живописи, украсивъ
васъ его взглянуть на оригинальную
картину Рафаэля въ картинной галлерей,
за двѣ копейки ошь него. Александръ
Васильевичъ ошвѣчалъ: „Хорошо, пойду;
но всегда смѣюсь я надъ легковѣрjemъ ва-
шимъ, господа дворянцы; въ Россіи,
во Франціи, Англии, Германіи, Италіи, во
всякомъ, нѣсколько значительномъ, городѣ
Европы показывающъ оригиналы Рафаэля.
Если бы онъ и въ каждую недѣлю наго-
щивлялъ по картинѣ, шо и тогда не
могъ бы выспавить такою запаса; а
онъ, къ сожалѣнію художествъ, умеръ
въ цвѣтѣ лѣтъ. Это, Шампанское ви-
но, кошорое во всѣхъ пяти часяхъ
свѣта пьютъ за Шампанское; а малая
Шампанія едва ли можетъ онымъ продо-
вольствовашъ и одну Францію. — Не при-
носили ли въ жертву славу великаго
учителя сего и ученики его таланты
свои? Мы видимъ въ картинахъ его не
одну и ту же кисть.“ — Послѣ того не
пошелъ, а побѣжалъ онъ въ галлерей.
Тамъ оспановился предъ одною огромнѣй-
шею копіей. Долго на нее смотрѣлъ и
произнесъ: „Это величина, но не великое, —
не величественное: я вижу не Александра,

а зодолу красавца, и не героя, принимающаго падающую предъ нимъ плъхную Царицу: подвигъ великодушнй, творчествовннйшая мануша во всей его Истории! Въ чертахъ лица его, сей души его не вижу.“ — Хозяинъ дома, удивленный многими разсужденіями его о живописи, вскрикнулъ съ Испалійскимъ жаромъ: „Если Ваше Сіятельство разсмащриваете и разбираете такъ и планы вавилъ башалій, то неудивительно, что побѣда съ вами не разлучна.“

Должно признаться, что кампанія наша въ Испаліи и Швейцаріи отличалась оцъ всѣхъ предшешшихъ своими двумя театрами. Испалія усяна османками древняго ея величія, которые противоборствовали въкамъ и усполяли оцъ всеразрушающаго нашествія варваровъ. Гоцѣы сокрушили памятники ея. Хищная Бедлона новыхъ Вандаловъ непощадяла и послѣднихъ ея оокровищъ; но не ошерла она ее съ лица земли: вездѣ являеися картинная ея природа; и на очаровательныхъ поляхъ ея срывали на

ни волны проселенные лавры. Какія видѣли мы разительныя явленія! и кажда́й изъ насъ сожалѣлъ оиъ восторга, зачѣмъ не живописецъ! — На Альпахъ, казалъ противоположность! — и шагъ прелестны прелести ужасовъ — подъ ногами ногалы. — У подошвы одной преысокой, крупной горы спомалъ Суворовъ, безмолвно в неподвижно омопрѣлъ: какъ армія подымалась, карабкалась гусель; какъ по мѣрѣ возвышенія волны уменьшались, а достигшіе вершины казались почками, въ шуманъ исчезающими; какъ съ высоты сего-колосса ревялъ водопадъ и низвергался съ своими паровыми пучами и густымъ водянымъ дымомъ, въ которыхъ солнце златыми лучами рисовало многоцвѣтную радуу. Такое волшебство оптики испоргло изъ сердца старца ошголосокъ всего войска: „Зачѣмъ я не живописецъ? — Подайте сюда сухопушного Вернеия, который бы увѣковечилъ сіе единственное, быстро прелепающее мгновеніе щеперешнаго бышді нашего? “ —

Но, гдѣ его взять? Надобно, чтообы оиъ былъ и живописецъ и поэтъ, чтообы родилъ въ душѣ, и цепеняюще удив-

дѣлѣ и вѣдѣно? Какаль знѣтъ, переносиць на холодный холсти еіе парываюцца на смерць вѣнскиво, забываюцее шаперъ, што оно смертно? Какъ изобразить еѣа сѣи, съ каждымъ шагомъ дамняющаго, девораци здѣшнаго чудснаго міра; и какаль внось, въ руцѣ и вдохновеннаго смертнаго, удобна обняць шакову огромность природы, со всѣми буцающими ея стихіями? — Довольно — мы перешагнули Альпы!

Говорилъ о бывшахъ вѣнудленіяхъ въ Римъ Французскаго Генерала Барнаа, и о грабительскавахъ и злодѣаніяхъ шапъ республиканцевъ Французовъ. Александръ Васильевичъ, вдохнувъ изъ глубины сердца, произнесъ: „Если бы я встунилъ въ сѣю столицу міра, шо спрѣво запрешалъ бы касанься памѣтниковъ, свѣтлошашивованъ. Къ нимъ должно благоговѣць. Они поржескиво древности, а нашего вѣка — опчаяніе. Но вѣтъ бы сръщѣ до основанія шу башню, кошторая, какъ мнѣ сказывали, спомнѣ близь садовъ Мецената, гдѣ. Виргилій и Горацийъ пѣснями своими обезсмертили сего пожровицеля

своего. Съсейало божии чудовище Неронъ
въспаленъ вожжениымъ имъ пламенемъ
Вима и воспѣвалъ на арфѣ пожаръ. Трои,
Памяте таково вачеда ада, долна изма-
днись на вѣки. "— Суворовъ! цѣлъ долнъ
дѣлъ пожара првои колыбелъ, не ви-
дѣлъ нашихъ дней— Нерона въ священномъ
Кремль!

Александръ Васильевичу не нрави-
лось, что въ надписи на новѣйшихъ
памятникахъ въ Испаніи и Германіи на
Латинскомъ языкѣ, и сдѣлалъ оіе замѣ-
чаніе одному ученому Испаніицу. Тотъ
универсалъ, что такъ какъ слова над-
писей должны помѣщаться на каменной
доскѣ, то Латинскій языкъ,
но краснорѣчи и силъ своего слога, для
сего приличнѣйшій, и названъ латидар-
нымъ отъ слова: lapis, камень. Но вопль
ошвѣтъ Графа: „Вы копипте памятни-
камъ обнародовашъ, воскреситъ событіе
умершее; зачѣмъ же не живымъ язы-
комъ? А вы, вмѣсто того, нехорошодепе
оное въ мертвомъ. Нѣсколько тысячъ
гражданъ проходятъ, позѣвають и ухо-
дятъ, не узнавъ, кому и за что оно

созрѣло. Только десятиокъ Лаптышницъ
къ глубокомысленно разсматриваюмъ.
Лаптышскій языкъ имѣлъ свои эпохи, ко-
гда воъ Европейцы ему учились. Теперь
каждый народъ имѣеть свой. — И Рус-
скій нашъ лаптышскій: Петру Первому,
Екатерина Вторая: “

По окончаніи Испалійской кампаніи,
Генералисимумъ поручилъ мнѣ сдѣлать
Историческое обзорнѣе всѣхъ военныхъ
ся событій. Я навлекъ оное въ хроноло-
гическомъ порядкѣ изъ военного журнала,
кошерый по Высочайшему повелѣнію
велъ при Арміи, и заключилъ слѣдующи-
ми словами: „Такъ знаменипо оканчивает-
ся война сія. Она раскрыла всю пользу
наступательной системы и холоднаго
ружья Суорова. Онъ первый показалъ
также, что крѣпости не оспанавлива-
ютъ полета побѣдителя; что, разбивъ
съ быстротою неприятеля, надобно у-
мѣеть пользоваться побѣдою, и, преслѣдуя-
его неупомимо, не давать ему времени о-
помниться. Война сія научила наконецъ
людей пропнвостодать силамъ природы
и презирать воъ спикіи разрушенія. Ни

перескучилъ мороза, ни грошовылъ низверженія, лядныхъ, асманныхъ и лавныхъ глыбъ, ни неприступность круныхъ горъ, — не удерживали паренія воинственнаго духа. Выно-лучезарныя вершины Альпійскихъ колосовъ, забагряли кровію, — и Суворовъ, подобно Агезилаю, можетъ воскликнуть: „Предѣлы Россіи на концахъ шпыковъ Русскихъ!“ Онъ воскликнулъ: „Напрасно, эда дѣло попомеша.“ — Я ошвѣчалъ: „Пусть современники передаютъ высокую славу своего вѣка грядущимъ сношціямъ.“ — Онъ умолилъ.

Одинъ офицеръ, кромѣ воды, ничего не пилъ; но былъ пренесносный, пустой болшунъ. Князь прозвалъ его Водопьянымъ и сказалъ: „Онъ пьетъ одну воду, но и безъ хмѣлю колобродитъ пуще пьянаго. За шо ешь у меня пріятель К. . . кошорый, въ духъ ржаныхъ и виноградныхъ соковъ, поешъ Гомеромъ, и воспѣлъ Велитаріа.“ — Симъ именемъ называлъ онъ иногда себя.

Посав Невискаго сраженія вхожу и въ Фельдмаршалу для получения приказанія писать реляцію. Онъ съ восторгомъ восклицаетъ:

„Конецъ — и слава богу!

Ты будь моей трубою.“

Князь, замѣтивъ одного иностранца, казавшагося приверженнымъ Французской революціи, сказалъ ему: „Покажи мнѣ хотя одного Француза, котораго бы революція сдѣлала болѣе счастливымъ. При спорѣ о томъ, какой образъ правленія лучше, надобно помнить: что руль нуженъ, а важнѣе рука, которая имъ управляетъ.“

Одинъ офицеръ, впрочемъ достойный, нажилъ нескромностию своею много враговъ въ арміи. Однажды Графъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и изъяснилъ ему сердечное сожалѣніе, что имѣешь одного сильнаго злодѣя, который ему много, много вредитъ; пошъ началъ его спрашивать, не такой ли Н. Н.? Нѣтъ, отвѣчалъ Александръ Васильевичъ. Не такой

ли Графъ Б.? Опашь опидитъ; дити На-
конецъ, съ прусою, члюбъ ниско не
подслушалъ, заперъ онъ дверь ключемъ.
„Теперь,“ — сказалъ онъ ему тихо, „высунь
языкъ, вопль — швой врагъ.“

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ
отправилъ къ Суворову съ поздравлені-
емъ Майора, ему преданнаго и пребойкаго,
Александръ Васильевичъ, принявъ его,
предвзято, спарался всядески, удивить
его, въ немогунайсивъ, но никакъ не
успѣлъ въ томъ. На вопросы, сколько на
небѣ звездъ? сколько въ рѣкѣ рыбъ? съ-
чалъ шопъ миллионы. Наконецъ дѣлаещъ
онъ ему вопросъ: „Какая разница между
Княземъ Николаемъ Васильевичемъ и мною?
Отивъшь затруднительный, но Майоръ не
щереши, присушшиа, джа и отивъши
ощуещъ; „Разница, да, што Князь Ни-
колай Васильевичъ желалъ бы менъ про-
навесшь въ Подполковники, но не можеть;
а Вашему Сяшельству опонитъ, дити за-
хотѣшь.“ — Эшо Фельдмаршалу шакъ по-
правидось, што онъ его шущъ же, по данной
ему власци, поздравилъ съ симъ чиномъ.

Во всю жизнь свою не дѣлалъ Александръ Васильевичъ никогда никому унизить себя, или, какъ говорилъ онъ, наступить себѣ на ногу. „Я“ — продолжалъ онъ: „иногда расшѣние *Noli me tangere*, л. е. не трогай меня; иногда электрическая машина, которая при малѣйшемъ прикосновеніи засыплетъ искрами, но не убьетъ. Въ доказательство сего прилагаю здѣсь достоверный анекдотъ изъ Духа Журналовъ. По извѣстіи Графомъ Суворовымъ Изманла, Князь Потемкинъ ожидалъ побѣдишеля въ Яссы. Желая сдѣлать ему почетную встрѣчу, Князь велѣлъ разставить по дорогѣ нарочныхъ сигнальщиковъ; а въ залѣ, изъ которой видно было далѣе версты на дорогу, приказалъ смотрѣть Боуру, чшобы какъ скоро увидитъ ѣдущаго Графа, немедленно доложить бы Князю: ибо о выѣздѣ его изъ послѣдней къ Яссамъ станціи дано уже было знаніе. Но Суворовъ, любившій все дѣлать по своему, пріѣхалъ въ Яссы ночью, и остановился у Молдаванскаго Капитанъ - Исправника, запретивши ему строго говорить о пріѣздѣ своемъ. На другой же день, часу въ десятомъ по ушпру, съѣхавши въ Молдаванскій Берлинъ,

(похожий на большую Архирейскую повозку), заложенный парой лошадей в щорахъ; кучеръ на козлахъ былъ Молдаванъ же, въ широкомъ плащѣ съ длиннымъ бичемъ; а назади, лакей. Капитанъ-Исправника, въ жупанѣ съ широкими рукавами. И въ такомъ великолѣпномъ экипажѣ потѣхалъ къ Князю. Дорогою никто изъ наблюдавшихъ его не могъ подумать, чѣмъ это былъ Суворовъ; а считали, что ѣдетъ какой-нибудь важная особа. Когда же въѣхалъ онъ къ Князю на дворъ, то Боуръ, увидя изъ окошка, побѣжалъ къ Князю доложить, что Суворовъ пріѣхалъ. Князь немедленно вышелъ изъ комнаты, и пошелъ по дѣшницѣ, но не успѣлъ сойти приспуленьки, какъ Графъ былъ уже наверху. Поцѣмкинъ обнялъ его, и оба поцѣловались. При Князѣ былъ одинъ только Г. Боуръ, а мы стояли всѣ въ дверяхъ и смотрѣли. Князь, будучи чрезвычайно веселъ, обнимая Графа, говорилъ ему: „Чѣмъ могу я васъ награждать за ваши заслуги?“ — Графъ поспѣшно отвѣчалъ: „Нѣтъ, Ваша Свѣщлость! я не купецъ и не торговаюсь съ вами пріѣхалъ. Меня награждать, кромѣ Бога и Всемило-

стивѣйшей Государыни, никто не можетъ!“ — Попемкинъ весь въ лицѣ перемѣнился, замолчалъ и вошелъ въ залу, а за нимъ и Графъ. Здѣсь подаеиъ ему Графъ рапортъ; Попемкинъ принимаетъ оный съ примѣтною холодностію; пошомъ, походя по залѣ, не говоря ни слова, разошлись: Князь въ свои комнаты, а Суворовъ уѣхалъ къ своему Молдавану, — и въ шомъ день болѣе не видались.

Жаль, очень жаль, что множество писемъ Князя Александра Васильевича, къ покойному Генералъ - Поручику Петру Ивановичу Турчанинову, къ Адмиралу де-Рибасу и многимъ другимъ особамъ, имѣющія на себѣ печать оригинальности, остаются подъ спудомъ, и только въ искаженныхъ копіяхъ переходяиъ изъ рукъ въ руки. Сими безцѣнными сокровищами обладаетъ почтеннѣйшій племянникъ его, Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ. Опъ него ожидаеиъ публика сего подарка; онъ одинъ, зная обсполшельства тогдашняго времени, можетъ раскрыть шайны сихъ полезныхъ іероглифовъ и показати намъ сего Герол, и на письмѣ ни на кого непохожаго.

Я помѣстилъ, въ Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года, всю погдашнюю его переписку; а здѣсь помѣщу два его лаконизма въ письмахъ:

П И С Ь М О 1.

Поле, одинъ мой адеменщъ! а — шеперь выгладчикъ изъ-за кулины на шріумѣъ Терсиповъ. . . .

П И С Ь М О 2.

(Отвѣтъ на кончину Кнѣзя Потемкина.)

Се человекъ! . . . Образъ мірскихъ еуенъ! . . . Бѣги ошъ нихъ мудрый!

Кнѣзь, какъ вѣдѣно, любилъ забавляться спранными вопросами; а удачные ошѣпы его веселили. Однажды спросилъ онъ вшрѣшившагося съ нимъ: „Далеко ли ошсюда къ небу?“ — Ошѣшъ: „Два Суворовскіе перехода.“ И Суворовъ разцѣловалъ его. Также спросилъ онъ, въ шрескучій морозъ споловнаго на часахъ: „Сколько на небѣ звѣздъ?“ — Тонъ ошѣчалъ: „Сейчасъ перечшу,“ — и началъ: „разъ, два, три, и ш. д.“ Когда онъ насчиталъ до тысячи и болѣе, тогда Александръ

Васильевичъ, сильно прозябнувъ, спросилъ его имя—и ускокалъ. На другой день онъ унтеръ, — и Суворовъ сказалъ: „Нѣтъ, онъ меня перехитрилъ.“

Генералъ - Поручикъ и Начальникъ Инженернаго Департамента при покойной Екатерицѣ, Тючковъ, поздравлялъ Суворова съ побѣдами, и между прочимъ замѣнилъ, что онъ не присылаетъ по обязанности своей картъ и плановъ сраженій въ его Департаментъ. Онъ признался, что виноватъ. Тотчасъ вынесъ большую карту Европы, свернутую въ трубку; возложилъ ее на плечо, какъ ружье; опудалъ ею честь къ ногъ, и положилъ ее къ спонамъ Тючкова.

Случилось у Суворова: Дерфельденъ, Австрійскій Генералъ Карачай и еще нѣкоторые, служившіе съ нимъ въ Турецкую войну. Графъ началъ съ Карачаемъ говорить по-Турецки; потомъ отвѣчалъ ему съ великимъ трудомъ, извиняясь, что позабылъ. Наконецъ, послѣ многихъ разговоровъ, спросилъ онъ: „Зачѣмъ не взяли

мы тогда Константинополь? — Карачай
отвѣчалъ, смѣючись: что это было не
такъ-но легко. „Нѣтъ,“ — возразилъ Су-
воровъ: „Бездѣлица! Нѣсколько переходовъ
при умыніи Турковъ — и мы въ Константи-
нополь; а флотъ нашъ — въ Дарданеллахъ.“
Тутъ остановили его; Карачай и Дер-
фельденъ, напоминаніемъ о трудностяхъ
пройти ихъ. „Пустяки,“ — отвѣчалъ онъ:
„нашъ Елфинсонъ, въ 1770 году, съ од-
нимъ кораблемъ вошелъ туда; не удо-
стоилъ ихъ и выстрѣла; посмѣялся этой
неприсупности музыкою на корабль, и
возвратился, не потерявъ ни одного че-
довѣка. Знаю, что послѣ Баронъ Тотъ
укрѣпилъ Дарданеллы. Но Турецкая без-
печность, давно привела ихъ въ перво-
бытное бездѣйствіе. Прочитайте описа-
ніе о сихъ Дарданеллахъ Еиптона, бывшаго
долгое время Англійскимъ Резидентомъ
при Портѣ Оппоманской, и вы разувѣри-
тесь. Нашъ флотъ тамъ былъ бы. Но ми-
ролюбивая полишика, остановившая его па-
руса и рудь, велѣла выпрамя дуть назадъ.“

Однажды Меласъ, не бывъ доволенъ
разсужденіями Генералиссимуса о рещи-
радахъ, сказалъ съ досадою: „Да, я цоза-

былъ—вы Генералъ впередъ.“— „Правда,“ отвѣчалъ Суворовъ: „впередъ! но иногда оглядываюсь и назадъ, не съ нѣмъ однако же, чтобы бѣжать, но чтобы напасть.“— Мелась, въ слѣдующей по смерти Суворова кампаніи, когда, охраняя тѣсные проходы въ Савойю и Дофинне, почиталъ себя отъ всякаго нападенія въ безопасности, а Бонапарте, устроивъ въ Миланѣ новое республиканское правленіе, заперъ его въ сѣхъ самыхъ дефилеяхъ, — вспомнилъ вѣрно Суворова, и сказалъ: „Ахъ, не оглянулся я назадъ!“

Фельдмаршалъ, получавъ безпрестанныя изъ Вѣны напоминанія о скорѣйшемъ взятіи Мантуи, которую во всѣхъ бумагахъ называли неприступною твердынею, ключемъ Италіи и проч., — наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ: „Она будетъ взята другомъ моимъ, Краемъ. Но зачѣмъ лгать, называешь ее первѣйшею, какою величалъ ее Бонапарте въ своей *sauvagne du Gédéral Buonaparte en Italie*, дабы прикрасить свое хвастовство и прикрыть свои ошибки? Крѣпость, которую онъ взялъ въ одинъ мѣсяць и двадцать пять дней, въ столь короткое время и

при споль малыхъ пособіяхъ, не заслужи-
ваетеъ такого пышнаго названія. Одинъ
солжешъ, а тысячѣ повтораюшъ.“ Вдругъ
выхвативъ у Маркиза Шампелера планъ
Маншун, сказалъ: „Вошъ она!— гдѣ же ея
неприсупность? Башіонъ и равелинъ
мо обвямъ споронамъ ворошъ, праделлы
защищаюшъ ее. Вошъ чпо пугашъ. Вся
сила ея въ укрѣпленіи Сен-Джеоржіо. За
то, какія выгоды для осаждающихъ! Если
они овладѣюшъ башнею Терезе, тогда
въ рукахъ ихъ щдюзы, копорые они мо-
гушъ спуститъ по произволу и осушитъ
всѣ каналы.“ Разсмапривая планъ, замѣчалъ
онъ многія другія выгоды для осады, и при
семъ слунаѣ сказалъ: „Зачѣмъ не гово-
рятъ о Торшонѣ? Вошъ крѣпость, спол-
ная на высотѣ скады, спонившая плп-
надцашъ милліоновъ Королю Сардинско-
му, ни съ копорой спороны неприсуп-
ная: ни гаубицы, ни бомбы ее не доспи-
гаюшъ. Она превосходитъ Брюнетпу и
Манпуу, — и будешъ также въ нашихъ
рукахъ, если намъ не помѣшаюшъ.“ — Она
здадась, какъ и Маншуа (*).

(*) См. Исторію Россійско-Австрійской кампаніи.

Александръ Васильевичъ, какъ я уже въ одномъ анекдотѣ сказалъ, любилъ бесѣдовать со мною о Венеціи. И я всегда ею восхищался. Здѣсь прилагаю выписку изъ письма моего къ другу о семъ городѣ: „Пишу изъ Венеціи. — Вы полагаете читашь описаніе сего единственнаго города. Такъ ипочно: онъ единственный, плавающий, качающійся на морскихъ волнахъ, городъ, гдѣ нѣтъ ни улицъ, ни лошадей; гдѣ умъ человѣческій перешагнулъ предѣлы возможности; подчинилъ себѣ влажную спихію, всегда проливъ него бушующую; соединилъ ее съ твердынею камней, икакъ чтобы борьба ихъ укоренялась въ камни и ихъ переживала, подобно дубу, опъ бурь твердвющему. И здѣсь, на семъ равновѣсіи механизма необъятнаго, возвышается на мраморной площади богатѣйшій храмъ Св. Марка, древнѣйшій памятникъ набожности, могущесства, гордыни, богатства нѣкогда Царицы морей, обрученной съ Адриатикою, державшей въ оковахъ всѣ огненные жерла флотовъ во всемъ владычествѣ Непшуна и поработившей произволу своему всю торговлю Византіи. Венеція и теперь, въ самомъ уничиженіи

своемъ, не перелая чудеснаго своего величїа, шоржества надъ природою, и ослабешя удивленїемъ зодчества, удивленїемъ шворенїа рукъ человѣческихъ. Для dospойнаго изображенїа ея, нужно сошворить новыя слова, новыя израженїа. Ипакъ, не ожидайте опъ слабаго пера моего сего описанїа. Не чытайте также изданныхъ о Венеціи книгъ. Вы найдете въ нихъ одѣ крайности: или представляють есраемъ съ Ангелами, или адомъ съ чершьями (*). Ипалїа не имвешъ еще Тацїа.

(*) Землякъ мой, съ кошорымъ я здѣсь подружился, и кошорый болѣе любитъ природу, нежели искусство, замѣтилъ непрерывающїйся восторгъ, первыми впечатлѣнїями во мнѣ произведенный, — сказалъ мнѣ наконецъ: „Шоживше здѣсь, какъ я, три мѣсяца, — и жаръ вашъ охладѣшъ. Вспуая въ Венецію, мы прощаемся съ испинною природою: видимъ здѣсь только искусственную, подражательную; мы прощаемся съ царшвомъ расцвѣтїа. Здѣсь смущаемъ мы не по мягкой землѣ, не по швердому мрамору; не видимъ ни одного листочка, ни душиснаго цвѣтка, ни благодашной ржи, ни развивающїхся во всѣхъ постепенностяхъ своихъ прозябшїхъ, не слышимъ соловья. Венеціанецъ, невывозавшїй изъ Венеціи, ешъ жалкое шворенїе: оцъ вѣщъ хлѣбъ и не знаешъ, какъ хлѣбъ произведенъ. Перевъхавъ на швердую землю, вы будете дышашъ свѣжїмъ воздухомъ, какого здѣсь нѣ за какїе миллионы деснашъ нельзя; и подъ прохладжающую шѣцію дуба, или другаго благошворнаго дерева, насладїшесь шакїмъ быпїемъ, какого никакая очарованшья кистъ Аршнштовъ всей Ипалїи даровашъ вамъ не можетъ. Вы сблизїшесь съ Творцемъ.“

Чтобы опустить въ полномъ внезапномъ изумляющіи впечатлѣніи, какихъ вамъ никакой городъ во всей вселенной дасть не можешь, надобно здѣсь въ Местре сѣсть со мною въ гондолу и поплыть къ Венеціи. Тогда предстанешь предъ вами амбициознѣйшій, орошаемый кристалловидными волнами; и въ семь зеркалъ солнца сверкающъ, клубящся, рѣвущая отраженія ярко позлащенныхъ, огненныхъ куполовъ, и блескъ алмазнаго моря не освѣщаетъ, но ослѣждаетъ зрѣніе. Вы увидите здѣсь, чего ни Лувръ Парижа, ни Церковь Св. Павла въ Лондонѣ, ни Капитолій со всеми сокровищами Римскихъ древностей, — вамъ не покажутъ. Ущомляюсь отъ распаленнаго моего воображенія; тщешно ищу словъ, въ которыхъ желалъ бы облечь всѣ неслыханныя и невиданныя здѣшнія прелести. Скажу вамъ только, что я въ городъ и на морѣ здѣсь, пакъ сказать, на снѣ пятидесяти оспровахъ, связанныхъ превосходнѣйшими мостами, прожилъ три дни въ разлукѣ не различно съ Героемъ нашимъ. На площади Св. Марка продаются его релянціи и немолжно раздаются громкіе крики: побѣды Суворова! побѣды Суворова!

Слава его, всюду сопутствуетъ ему, Теперь оспаваю Венецію, сей оригиналь въ физическомъ мѣрѣ, и спѣшу къ оригиналу въ нравственномъ, Прощайте,“

Отъѣзжавшій въ Римъ Англійскій путешественникъ, былъ у Суворова, и спросилъ его, не сдѣлаетъ ли ему какихъ-нибудь чудъ порученій? Отвѣтъ его былъ: „Зачѣмъ вы чудъ ѣдите? Вы, по пословицѣ, въ Римѣ будете, а Папы не увидите. Онъ въ рукахъ разбойниковъ, Но поѣзжайте, Римъ оспанелся Римомъ и безъ похищенныхъ спасуи Аполлона и Лакоона. Пока Тибръ его орошаетъ, память величія его не исчезнетъ, Кланяйтесь отъ Сена Капитолю и пѣнямъ великихъ, безсмертныхъ. Скажите имъ, что онъ плачетъ, не видя ихъ потомковъ, а только лишь вырождковъ,“

Одинъ Генералъ любилъ говорить о газетахъ и безпрестанно повспорилъ: „въ газетахъ пишутъ; не послѣднимъ газетамъ, и п. д.“ Наконецъ, Александръ Васильевичъ сказалъ: „Жалокъ процъ Пол-

ководецъ, который по газетамъ ведетъ войну. Есть и другія вещи, которыя знашь ему надобно, и о которыхъ шамъ не печатають. “

Одинъ только разъ въ жизнь свою вынужденъ былъ Графъ удалить одного Полковника, присвоившаго себѣ солдатскія артельныя деньги. Но и шутъ не рѣшился онъ высказать истинный его дослушокъ, а велѣлъ написать просто, что онъ увольняется за *немогузнайство*.

Однажды Князь Баграціонъ и Маркизь Шапцелеръ вошли со мною къ Фельдмаршалу. Мы нашли его въ глубокомъ размышленіи. Предъ нимъ лежали: планъ Веронскому дѣлу подъ предводительствомъ Края, его релация и карша. Вдругъ прерываетъ онъ свое молчаніе и, глядя на карту, начинаетъ дѣлать слѣдующія замѣчанія: „Позиція, занятая Шереромъ, показываетъ школьника. Что посредственнаго и шрусливаго военачальника приводитъ въ замѣшательство, то оппашному и опышному дославляетъ слу-

чай показати свой геній во всемъ про-
справствѣ. Если онъ слабѣе непріятеля,
то никогда не должно не доставати въ
немъ средствъ скрывать свою слабость;
если онъ сильнѣе, то спарася обойщи,
окужиши его и преградиши ему всякое
опущеніе. Но для сего нужно имѣти
подробныя свѣдѣнія о мѣстности, знати
всѣ проинки, возвышенности, проходы
и проч. Правиль для сего нѣтъ. Это
дѣло обстоятельствъ, минушы; это
даеши генію опытность. Ни того, ни
другаго въ Шерерѣ нѣтъ. Взгляните на
планъ и на карту: какъ можно на па-
комъ пѣсномъ мѣстоположеніи сосре-
дочити до 18,000 войска? Я лишь взгля-
нулъ и поздравилъ пошчасъ друга моего
Края съ побѣдою. Онъ, какъ Герой, манев-
рировалъ, бросилъ всю свою силу на лѣ-
вый флангъ, проникнулъ снѣй, привелъ
въ замѣшательство Французскія линіи,
преслѣдовалъ канонадою и кавалеріею пре-
вожилъ бѣгущаго непріятеля. Но вдругъ
печистый духъ шепнулъ: Унтеркунфш!—
и погоня остановилась. Зачѣмъ съ инфан-
теріею не гнаться по теплымъ слѣ-
дамъ до Изола-де-ла-Скала. Тамъ въ без-
порядкѣ, въ спрахѣ, изнуренная марша-

ми и разбитая армія съ Главнокомандующимъ и со всемъ Главнымъ Штабомъ была бы въ рукахъ побѣдителей. Но Унтеркунфшъ велѣлъ преждевременно оставить поле сраженія, и запретилъ воспользоваться побѣдою, которая рѣшила бы судьбу Италіи. — Простите; я въ бреду не кончу. — Но оставимъ зады, а примемся за свое.“

О Шерерѣ за обѣдомъ у Фельдмаршала рассказывали, что по прибытіи его въ Италіанскую армію Главнокомандующимъ, на первомъ омотру арміи въ Манпуѣ, поднималъ онъ самъ головы солдатъ, оправлялъ шляпы и замѣнилъ поспѣшь недостающую на мундирѣ пуговицу. Суворовъ на сіе сказалъ: „Ну, теперь я его знаю. Такой Экзерцирмейстеръ не увидитъ, когда его неприятель окружитъ и разобьетъ.“

Случилось мнѣ переписывать Нѣмецкую бумагу, въ которой встрѣшилось слово: *форсированный маршъ*. Какъ переписчикъ списалъ я почто такъ. Вдругъ, въ присутствіи многихъ Союзныхъ Генераловъ, раскричался на меня Александръ

Васильевичъ, какъ я осмѣлился написать такое слово? Что форсированныхъ маршей, такъ какъ и тихихъ и медленныхъ, въ его словарь нѣтъ. „Быспроша моя,“ — продолжалъ онъ: „знаешь полько одинъ маршъ! — впередъ! и орлы полетѣли!“ Приказано всѣмъ слова: форсированный маршъ, никогда не употреблялись. Я молчалъ; ибо зналъ, до кого это относилось.

Государыня Императрица Екатерина въ Кременчугъ, въ провѣздъ въ Таврическую область, изволила спросить Суворова, не имѣешь ли онъ какой просьбы? Онъ бросился къ Ея ногамъ и просилъ о заплатѣ за нанятую имъ въ Кременчугъ кварширу. — Въ послѣ же день выдано ему изъ Казны, по его показанію, двадцать пять рублей, съ причитающимися копѣйками.

Передъ Туриномъ нѣкоторые Генералы осмѣлились предсказать Суворову разныя затрудненія въ разсужденіи вѣстія Турина. Онъ разсердился и вскринулъ: „Пустое! Аннибалъ, прошедъ Испанію, переправясь чрезъ Рону, поразивъ Галловъ, перешедъ Альпы, — взялъ въ при

дни Туриня. Онъ будетъ моимъ учителемъ. Хочу бытъ преемникомъ сего генія.“

Александръ Васильевичъ приказалъ мнѣ, запискою пригласить Генерала Аншефа Вилима Христофоровича Дерфельдена къ себѣ. Я написалъ. Взглянувъ, сказалъ онъ: „Нѣшъ, это не годится. Я тебѣ продикую, вошь шакъ: Суворовъ проситъ пожаловать къ нему Его Высокопревосходительство Вилима Христофоровича, начальствовавшего, въ Прагѣ апакою праваго крыла надъ 1-ю и 2-ю колоннами со славою, Героя при Галацѣ. — Прибавь два раза: и проч. и проч.“ — Самъ и подписалъ. Послѣ Вилимъ Христофоровичъ спрашивалъ меня: „Что это за милости? — старикъ нашъ разшущился.“

Когда Генераль Серюрье просилъ пльвному своему войску пощады и снисхожденія, шо Суворовъ отвѣчалъ ему: „Эша черта дѣлаетъ честь вашему сердцу; но вы лучше меня знаете, что народъ въ революціи есть лютое чудовище, которое должно укрощать оковами. Однако побѣды, оружіемъ приобрѣшенныя,

оканчиваются милосердіемъ. По взятіи Варшавы, прочиталъ я Депутатамъ города стихи изъ Ломоносова, опца Русской нашей Поэзіи:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,
Но хищный волкъ его лежащаго шерзаетъ.

Вельмъ пересказатъ сіи стихи по Французски, и ушелъ. — Серрюрье воскликнулъ: *Que! homme!* какой человекъ!

Князь Александръ Васильевичъ любилъ воспоминашь о важнѣйшихъ эпохахъ своей жизни. Съ Княземъ Багратиономъ бесѣдовалъ онъ часпо о Прагѣ и Варшавѣ, гдѣ шотъ наводился подъ его начальствомъ. Увидя одного спарика Подполковника, обрадовался онъ и вскрикнулъ: „Здравствуй, старый сослуживецъ, расскажи намъ что-нибудь про Прагу.“ — „Не умѣю“ — отвѣчалъ онъ: „пересказатъ все, что я шамъ видѣлъ; да и сочшунъ за басню. Помню, шолько и не забуду, что когда получено было извѣстіе, что неприятель изъ всѣхъ рѣгнраншаментовъ выбишь, что башшарен его вездѣ нашими войсками заняшы и что самая Прага была уже взята и онъ неприятеля очищена; то Ваше Сіятельство приказали разбишь малый шаперъ

на окопахъ, и легли на посланной соломѣ опдыхашь. Я шупъ былъ на караулъ и видѣлъ, какъ все войско не шевельнулось. Одинъ другому лишь на ухо шепталъ: „Богъ помоги опдохнуть нашему опцу спасителю. Онъ не спитъ, когда мы спимъ; не ѣстъ, когда насъ пощуетъ, и еще въ жизнь свою ни одного дѣла не проспалъ.“ Эшо не любовь, а страсть. — Грѣшенъ я, Ваше Сіяшельство, позавидовалъ Суворову.“ — Князь бросилъ его цѣловашь со слезами. — А я спыжусь и не прощаю себѣ, что позабылъ имя достойнаго служиваго.

Въ Аугсбургъ пославлена была къ дому его въ караулъ роща. Топчасъ велѣлъ ее оппустить, съ сими словами: „И въ мирное и въ военное время охраняюсь я любовію моихъ согражданъ. Два казака — вопъ моя прислуга и стража.“

Въ Піачензѣ, разсматривая карпинную галерею одного Маркиза и увидя портретъ Юлія Цезаря, засмѣялся и сказалъ: „И сей великій мужъ плапилъ дань человечеству; спыдился своей плешю; и закрывалъ ее всегда лавровымъ вѣн-

комъ. “— Но когда совсѣмъ неожиданно увидѣлъ портретъ Петра I-го, по оспанивился и едва не бросился на землю. Потомъ произнесъ хозяйну дома: „Въ Римѣ почипали того безбожнымъ, кпо въ числѣ своихъ пенатовъ не имѣлъ изображенія Марка Аврелія. Ваше уваженіе къ нашему Великому Государю служипъ мнѣ залогомъ вашихъ возвышенныхъ чувствъ.“

Фельдмаршалъ велѣлъ мнѣ написать замѣшку слѣдующимъ образомъ:

ДИРЕКТОРІЯ.

ВЕРТЕПЪ РАЗБОЙНИЧІЙ.

Ея кровопійцы: Проконсулы:

Бонапарше.	разбойники.	Моро.	честные, но несчастные республиканцы.
Массена.		Макдональдъ.	
Сюшепъ.		Жуберъ.	
Ламоанъ.		Шампионе.	
Монришаръ.		Серрюрье.	
Брюнъ.			
Рей.			
Руска.			

„Не довольно знать“ — сказалъ онъ: „воинскія достоинства непріятельскихъ военачальниковъ. Надобно знать и ихъ

правствѣнность.“ Послѣ того, весьма много говоря о грабительствахъ республиканцевъ — Французовъ, о нашемъ безкорыстіи, продолжалъ онъ: „Какъ ешараются они прикрашивать, даже облагородствовывать злодѣянія свои пехническими словами. Напримѣръ: когда Генералъ, или Коммисаръ грабитъ, то они называютъ *сiе gagner*, выиграть. О солдатѣ никогда не скажутъ, *qu'il a volé*, что онъ укралъ; но *qu'il a trouvé*, что онъ нашелъ. — Этого мало: они хищничество преобразовали систематически въ науку контрибуцій, и опять пехнически назвали *сiе republicaniser*, республиканизировать; не лучше ли *squeletiser*, скелетизировать. — Опустошивъ, высосавъ, раззоривъ всѣ владѣнія, одинъ богатый, великолѣпный Римъ оставался еще для ихъ корысти приманкою. Бертые вспугиваетъ шуда, — и древняя столица міра дѣлается добычею алчныхъ новыхъ Вандаловъ. Римъ безъ храмовъ, безъ сокровищъ, безъ хлѣба, безъ пастыря, — ограбленная сирота. — О, несчастная Италія! ты была всегда яблокомъ раздора и пешпромъ войны. Терпи! — Мы ославляемъ тебѣ имя Русскаго, неоскверненное разбоемъ. Мы побѣждали враговъ

швоихъ; но не тебя.“— Съ такими чув-
ствами уныніа, оспавилъ онъ сегодня
Италію.

Разспроганный до глубины сердца
сими мрачными мыслями добраго моего
начальника, видя предъ собою войско
въ горестнн, обращающее въ послѣдній
разъ взоры назадъ съ восклицаніями: „Про-
щай, добрая земля! поминай, какъ мы съ
старикомъ нашимъ за тебя поработали.
Не забудемъ и мы твою хлѣбъ-соль,
твою лапшу (макароны).— Спою теперь
на границѣ Швейцаріи: другой языкъ,
другое небо, воздухъ, другая земля, дру-
гіе люди. Сюда Церера, Помона и Фло-
ра не заглядывали, И отсюда въ послѣд-
ній разъ смошрю на всѣ величественныя
красоты, декораціи Италіанской приро-
ды, кошорыхъ изобразить ни слово, ни
перо, ни кисть не въ состояніи. Уже
воспоминанія о древнихъ обитателяхъ
ея дають ей прелесть преимущесивен-
ную предъ всѣми другими народами. Хо-
ня Греція раздѣляетъ выгоду сію съ
Лациєю; но какое различіе! — тамъ ни-
что не напоминаетъ уже о событіяхъ
древняго ея міра, тамъ воображеніе
нищепъ и не находипъ спези къ онымъ;

всѣ памятники прежняго величія сего просвѣщеннѣйшаго народа сокрушились опъ руки варваровъ, и только рѣдко являющіяся наблюдательному оку странника какіе-либо останки, сокрывшіеся опъ разрушенія сихъ бурь. Здѣсь же—какое зрѣлище! — еще покоишься Римъ на своихъ семи холмахъ, еще блискаетъ Капитолій, еще стѣны его орошаются чистоводнымъ Тибромъ. Здѣсь стоишь его Форумъ, тамъ колоссальныя памятники искусства свидѣтельствуютъ величіе исполнина — народа. Тамъ нѣтъ страны, нѣтъ города, нѣтъ рѣки, которая не ознаменована бы была какимъ-либо историческимъ событіемъ. А теперь и имя Россіи будетъ гремѣть въ лѣтописяхъ Испалін, и побѣдами и безпримѣрнымъ великодушіемъ, на вѣчныя времена! — Но я забываюсь; я пишу анекдоты. — Прощай Испалія!

Г-жа Сеницкая прислала къ Графу Александру Васильевичу слѣдующее письмо:

„Семдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ; шестнадцать взрослыхъ дѣтей схорони-

да; семнадцатого, последнюю мою надежду, молодоспъ и запальчивый нравъ погубили: Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ; а гробъ для меня еще не опворился... Государь милосердъ, Графъ Рымникскій милоспивъ и сострадашелень: возвраши мнѣ сына и спаси ошчаяющую

машъ Лейбъ - Гренадерскаго полка
Капитана Сивицкаго. “

Отвѣтъ Графа:

„Милоспивая Государыня!

„Я молишья Богу буду; молишь и пы, и оба молишья будемъ мы. Съ почшепіемъ пребуду, и проч.“ —

Когда онъ успѣлъ испросить Сивицкому прощение, шо съ колѣнопреклоненіемъ и со слезами палъ предъ Образомъ, и шошчасъ написалъ:

„Ушѣшенная машъ,

Твой сынъ прощень... .

Алилуія! Алилуія! Алилуія!“

Кшо видѣлъ, какъ я, безпреспанное спремление Суворова къ благодѣшельспивованію страждущаго человѣчества, кшо

былъ шеперь свидѣтелемъ сего сердечнаго его восторга, шопъ не можешь говоришь объ немъ безъ жару.

Вопъ послѣдній анекдотъ, — лучшаго я не имѣю.

Представивъ въ Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи Генералиссимуса Суворова героемъ, въ анекдотахъ человекъ, но человекъ необыкновеннымъ, я шеперь намѣриваюсь говоришь здѣсь о безпредѣльной къ нему любви и довѣренности войска, и какими способами преспѣлъ онъ въ помъ.

Можно сказаць, что войско не только - что любило, но почти богшворило сего великаго, единшвеннаго Полководца. Все, что онъ ни скажетъ, было свято; никто не смѣлъ пропшворѣчь или разсуждашь. Въ Ипаліи, въ неудачномъ одномъ дѣлѣ, гдѣ многочисленность и выгодная неприсшупная позиція непріятеля дѣлали всѣ покушенія съ нашей стороны шщепными, Начальникъ придумалъ хшпросшь закричашь: „Суворовъ

здѣсь!“—шопчасъ всѣ бросились впередъ— и легли. Но Суворовъ, узнавъ о помѣ, сдѣлалъ спрожайшій выговоръ и оплакалъ сихъ жерщвъ слѣпой къ нему преданности. Подъ Требією былъ я очевидцемъ, что на разныхъ пунктахъ, гдѣ шолько начнутъ разспроиваться войска, его одно присушествіе шопчасъ возшпановляло порядокъ. Я стоялъ съ Видимомъ Христофоровичемъ Дерфельденомъ на возвышенномъ мѣстѣ и удивлялся симъ явленіямъ, „Они для васъ новы,“—сказалъ мнѣ почтеннѣйшій Генераль Дерфельденъ: „а я насмотрѣлся въ печеніи шридцати пяти лѣтъ, какъ служу съ эшимъ непоняпнымъ чудакомъ. Это какой - то священнѣйшій палиманъ, копорѣй довольно развозишь и показывать шолько, чтообы одерживать побѣды. Онъ меня нѣсколько разъ въ жизнь мою спыдилъ. Часто диспозиція его казалась мнѣ сумбуромъ; но слѣдствіа доказывали прошивное. — Справедливо сказала “ — продолжалъ онъ: „Екатерина: Я посылаю въ Польшу двѣ арміи: одну армію, а другую — Суворова.“ Едва кончилъ онъ разговоръ, какъ непріятель уже обращенъ въ бѣгство. Дерфельденъ

поскакалъ и крикнулъ мяѣ: „Вы видите, что я не лгу.“

Но не на одномъ полѣ сраженія пріобрѣлъ онъ сію высшую степень любви и довѣренности. Спарики солдаты любили его въ лагерь, и на квартирахъ рассказывали о прежнихъ его подвигахъ молодымъ; забавно передавали имъ его спранности, его съ ними разговоры; рассказывали объ немъ анекдоты, иногда небывалые, необыкновенные, шушливые. Словомъ, онъ былъ у нихъ книгою, которую ежедневно читали. Взглянуть на него — и всѣ веселы. Они потшпали его какимъ-то существомъ высшаго рода. Чтобы пріобрѣсти любовь союзныхъ солдатъ, показался онъ съ однимъ казакомъ на Австрійской башпареѣ, на которую сыпался съ непріятельской стороны градъ ядеръ. Шушпалъ съ солдатами, которые были отъ него въ воспоргѣ. Сіе его безстрашіе разнеслось по всей ихъ арміи и онъ сдѣлался, такъ сказать, ихъ идоломъ. Офицеры видѣли въ немъ ошца, любящаго награждать каждый шагъ усердія. Генералы его любили, но и боялись: ибо съ нихъ взыскывалъ онъ строго и стыдилъ ихъ разными насмѣшками по-своему.

Такъ, узнавъ, что одинъ Генераль опозвался: не нужна мнѣ диспозиція, при мнѣ шпага. — сказалъ Суворовъ: „Не показывайте ему диспозиціи. Онъ храбръ со шпагою; а полкъ его съ шопоромъ: полкъ его когда-то выстроилъ ему дачу. „Генераль покраснѣлъ. — Дерфельденъ, Розенбергъ, Меласъ и прочіе всѣ Генералы, съ нѣкоторою боязнію съ нимъ обращались: ибо всегда опасались, чтобы онъ ихъ не колынулъ своею особенною насмѣшкою. Но вся армія была совершенно увѣрена, что онъ за неисправность накажетъ опечески, или словами его: „Солдапу палочки, а офицеру арестъ.“ Но никогда никого не погубилъ.

Величайшее на всю армію вліяніе имѣло его благочестіе. Солдапу извѣстно было оно. Ибо всегда послѣ побѣды приносилъ онъ, со всѣмъ войскомъ, предъ алтаремъ всѣхъ благъ Подателя благоговѣйныя, сердечныя благодаренія. Таковою примѣръ любимаго Военачальника утверждалъ въ сердцахъ его подчиненныхъ сію Христіанскую истину, что всякая ихъ побѣда есть даръ отъ Бога. Часто кричалъ онъ войску: *Начало премудрости есть страхъ Господень.* — Такъ уроками мудрости дѣйствовалъ онъ на умы!

Зналъ онъ, что солдапъ не любитъ въ Начальникѣ своемъ пышности; и потому, соображаясь съ симъ, жилъ и онъ солдапомъ. Врагъ роскоши, обѣдалъ по солдапски рано, хлѣбалъ солдапскія щи и кашницу. Сіе единообразіе жизни съ жизнію солдапъ, сближало его съ ихъ сердцами; и они видѣли въ немъ Героя, Начальника, отца и перваго своего брата — солдапа. Сіе поддерживалъ онъ и своею одеждою. Кромѣ торжественныхъ праздничныхъ дней, когда онъ украшалъ себя знаками опланичія, былъ онъ всегда одѣтъ въ простой солдапской куршкѣ, и тогда не требовалъ никакихъ почестей. Но величайшее искусство его было въ разговорѣ съ своими чудобогатырями. Тупъ былъ онъ не подражаемъ. Въ ихъ вкусѣ, въ ихъ слогѣ, въ ихъ языкѣ бездоговаривалъ онъ съ ними. Опытны долговременной его съ нижнихъ чиновъ службы познакомили его съ кругомъ ихъ познаній и понятій, и каждое его слово и изреченіе были къ тому приспособлены, какъ-то доказываютъ: его приказы, разговоръ съ солдапами, словесное поученіе солдапамъ и многіе другіе, которые они вышверживали наизусть и передавали поваричамъ.

Солдаты говаривали: „Нашъ Суворовъ съ нами въ побѣдахъ и вездѣ въ паю, только не въ добычѣ: она вся наша.“ — Такая мысль о безкорыстїи Начальника усиливала ихъ къ нему любовь. Къ сей добродѣтели присоединялъ онъ и справедливостъ. Подъ Рымникомъ, по одержанїи побѣды, велѣлъ онъ раздѣлить все доставшееся обѣимъ союзнымъ арміямъ по ровну. И по примѣру двухъ друзей, Суворова и Кобургскаго, Русскіе и Австрійцы сдѣлались братьями—одною душею. О корыстолобїи Массены говорилъ онъ: „Ужели не вспомнишь онъ, что въ пѣснѣномъ гробѣ его не помѣспяшся всѣ заграбленные имъ и кровію обогрѣнные миліоны? — Добыча ваша, а не моя: спасибо, чудобогатыри!“ — кричалъ онъ;—и сіи слова разносились по рядамъ войска.

Благодарностъ его была не на словахъ. Тотчасъ спѣшилъ онъ въ релліи повергнувъ къ стопамъ Августѣйшаго Царскаго Престола достойныхъ сподвижниковъ своихъ. Увѣренностъ, что ни одинъ подвигъ ревности не оспается безъ вниманїа безприсрастнаго и благодарѣтельнаго начальника, подвизала ихъ къ побѣдамъ. Однажды въ Турецкую кампа-

нїю всѣ полученныя ошѣ ЕКАТЕРИНЫ награды, знаки опличїя наладъ онѣ въ мѣшокъ; выходипшѣ согнувшисѣ, неся оный на плечахѣ, и кричипшѣ всѣмъ ожидающимъ награды: „Ахъ! помилуй Богъ! какъ тяжела ноша. Такъ-шо и намъ тяжко было.“ Вдругъ разкрываетшѣ мѣшокъ, вынимаетшѣ знаки опличїя, украшаетшѣ ими и восклицаетшѣ: „Нышѣ легко бремя, когда Матушка шакъ насѣ, дѣшей Своихѣ, милуетшѣ и лелѣетшѣ.“ *Ура* раздавалось по всѣмъ рядамъ.

На все войско смотрѣлъ Генералиссимусъ окомъ сурогаго безприсраспїя. Всѣ предѣ нимъ равны. Не хотѣлъ знашѣ никакихъ связей. Одно испицное достоинство обращало на себя все его вниманїе и покровительствво; а попомоу никто не опасался, чшобы другой заслонилъ ему дорогу къ счастью. Онѣ получилъ сильное рекомендацельное письмо: о повыщенїи чинѣмъ одного молодого человека. Всѣ не ожидали отказа; но онѣ не согласился, сказавъ: „Осчастлививъ одного неблагодарнаго, я оскорблю нѣсколькво сопенѣ достойнѣйшихъ и спаршихъ. Дорожу уваженїемъ къ себѣ арміи.“ — и пребылъ непреклоннымъ. Не нужно

послѣ сего отвѣчать на вопросъ: не го-
шовъ ли всякій умереть за такого На-
чальника? И мнѣ сказалъ онъ: „Въ Исто-
рїи обо мнѣ будь безпристрастенъ. Если
ты меня любишь, то забудь сію лю-
бовь и не оскверняй перомъ твоимъ,
а меня въ могилѣ.“ — Я виновенъ предъ
тобою; ибо не умѣлъ воздать тебѣ до-
стойно, и не написалъ твоей Исторїи; а
оставляю попомощву одни лишь мате-
ріалы. Исторїя твоя ждетъ — Плутарха,

К О Н Е Ц Ъ.

